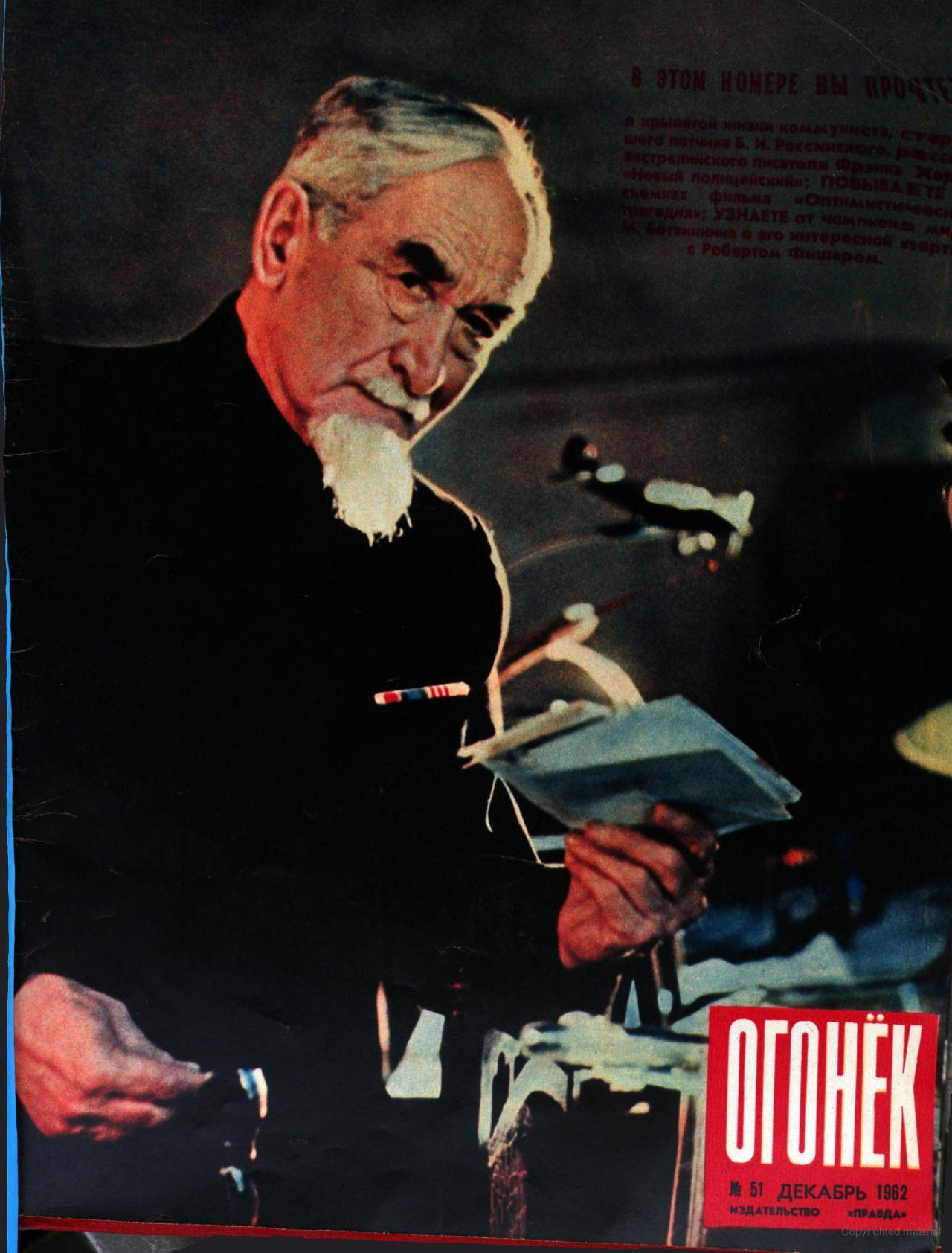

В ЭТОМ НОМЕРЕ ВЫ ПРОЧТЕ
о крылатой жизни коммуниста, стар
шего летчика Б. И. Россинского, расс
австралийского писателя Фрэнка Хар
«Новый полицейский»; ПОБЫВАЕТЕ
съемках фильма «Оптимистическ
трагедия»; УЗНАЕТЕ от чемпиона ми
М. Ботвинника о его интересной парти
с Робертом Фишером.
ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 51 (1852)

16 ДЕКАБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Красноводский нефтеперерабатывающий завод — самое крупное нефтехимическое предприятие в Туркмении. В ближайшее время здесь будет введено в строй двенадцать технологических установок. Предстоит освоить производство нефтебитума, электродного кокса, расширяется производство сульфанола — ценного моющего препарата. К концу семилетки завод будет выпускать вдвое больше продукции, чем сейчас.

Фото Г. КОПОСОВА.

НАША ЦЕЛЬ — МИР, СОЗИДАНИЕ, КОММУНИЗМ!

Закончила свою работу сессия Верховного Совета СССР шестого созыва. Верховный Совет Союза ССР принял Закон о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1963 год и Закон о Государственном бюджете СССР на 1963 год.

Верховный Совет СССР рассмотрел также вопрос «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза».

На сессии Верховного Совета СССР с ярким, глубоким докладом о современном международном положении и внешней политике Советского Союза выступил товарищ Н. С. Хрущев.

У НАС ЕСТЬ ПЕРСПЕКТИВА, ЕСТЬ УВЕРЕННОСТЬ В КОНЕЧНОЙ ПОБЕДЕ НАШИХ ИДЕЙ. МЫ ИЩЕМ ЭТИ ПОБЕДЫ НЕ НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ, А НА ПУТЯХ МИРНОГО СОЗИДАНИЯ, СОРЕВНОВАНИЯ С КАПИТАЛИЗМОМ.

(Из доклада товарища Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР)

В Большом Кремлевском дворце во время сессии Верховного Совета СССР.

Фото **А. Гостева.**

В Москву прибыла правительственная торговая делегация Республики Куба. Ее возглавляет член Национального руководства Объединенных революционных организаций Республики Куба, президент Национального института аграрной реформы Карлос Рафаэль Родригес.

11 декабря в Кремле Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял Карлоса Рафаэля Родригеса. Между ними состоялась сердечная дружеская беседа, в которой принял участие первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян.

Фото А. Устинова.

Радушно принимал Волгоград гостей из Югославии во главе с президентом ФНРЮ Иосипом Броз Тито. Везде, где побывали посланцы братского югославского народа — на тракторном заводе имени Дзержинского, на Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС,— их тепло приветствовали жители города-героя.

На снимке: во время осмотра Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС.

Фото А. Стужина и С. Курунина.

У Тан избран генеральным секретарем ООН. Н. С. Хрущев поздравил У Тана с этим назначением и выразил уверенность, что его политический опыт и проявляемая им забота о поддержании мира между народами позволят ему и впредь успешно справляться с обязанностями генерального секретаря ООН.

КНИГА О СОЮЗЕ РЕСПУБЛИК

«Дружбой слиты мы навеки» — этой строкой народного поэта Белоруссии Петруся Бровки назван сборник очерков о союзных республиках. Книга готова к печати. Редактор издания В. В. Никофорович последний раз просматривает подписную корректуру.

Год назад появилась идея создания этой книги, посвященной 40-летию со дня образования СССР. На приглашение Белгосиздата откликнулись Николай Михайлов, Берды Кербабаев, Иван Цюпа, Ибрагим Рахимов, Агзам Сидки, Геворг Эмин, Пауль Руммо и другие прозаики, поэты и публицисты союзных республик.

Сборник открывается вступительным словом лауреата Ленинской премии Петруся Бровки. Взволнованно и душевно рассказывают авторы очерков о своих землях и народах, об их хозяйственных и культурных достижениях, рожденных великим трудом и дружбой советских людей, строящих коммунизм.

Книга адресована самому широкому читателю. Однако богатый фактический материал делает ее особенно интересной для студенчества, учителей и пропагандистов.

ДВА ШТУРМА, ДВЕ НАГРАДЫ

Дукельский перевал в Чехословакии нередко называют «Воротами в Словакию». И когда поздней осенью 1944 года на подступах к перевалу начались бои, солдаты советской 38-й армии и Чехословацкого корпуса знали: отбив у фашистов Дуклу, легче будет освободить всю Словакию. Бок о бок шли советские и чехословацкие воины, вместе делили тяготы, вместе радовались победе.

В память этих боев в день пятнадцатилетия победы на Дукле правительство Чехословакии учредило медаль. По овалу — чеканка: «Честь и слава дукельским героям». Чехословацкие друзья стали разыскивать в нашей стране товарищей по оружию. Все районные и городские военные комиссариаты включились в эту работу. Только в Москве эта награда вручена более чем 200 бывшим воинам. Медаль получили ленинградец генерал-майор запаса И. Гусев, А. Еремин и Ю. Климов из Иванова и многие, многие другие советские люди.

И вот снова Дукла. Невдалеке от этих мест недавно развернулось еще одно грандиозное сражение. Снова загрохотали гусеницы машин, гигантская траншея потянулась вдаль. И снова бок о бок шли советские и чехословацкие товарищи. Это было мирное наступление — прокладывалась нитка нефтепровода «Дружба». У чехословацких товарищей не было опыта в прокладке таких гигантских трубопроводов, и они обратились за помощью к нашим специалистам.

— Мы очень сдружились в совместной работе,— рассказывает главный инженер Башкирского управления нефтепроводов Евгений Максимович Сощенко.— Вместе решали все технические вопросы, которые возникали у нас. Наши чехословацкие друзья инженеры Алоиз Фикачек, Франтишек Неповим, Эммануил Сохор, как и все мы, навсегда запомнят эти дни — дни решающего штурма, предшествующие началу работы «Словнафта».

...На груди Е. М. Сощенко поблескивает медаль. «За заслуги в строительстве» — называется эта награда, врученная советскому инженеру по указу президента Чехословакии товарища А. Новотного.

Мирные награды были вручены также другим советским специалистам.

К. ТАНИН

Они награждены медалью «За заслуги в строительстве». Слева направо: А. В. Жуков, В. С. Туркин, Е. М. Сощенко, П. Я. Гладков, В. В. Аврамец.

Фото Н. Сафонова.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

К 80-летию со дня рождения Сурена Спандаряна

Мало кто из жителей Тбилиси, проходя мимо дома № 12 по улице Кирова, знает, что здесь прошли детство и юность пламенного большевика Сурена Спандаровича Спандаряна.

Еще в гимназии, только-только начав знакомиться с работами Маркса и Ленина, Сурен поверил в правоту их дела. С годами вера крепла. В 1902 году он навсегда связывает себя с партией, вступая в члены Тифлисской социал-демократической организации.

Спустя несколько лет Московский комитет партии рекомендует студента университета Сурена Спандаряна пропагандистом на табачную фабрику «Дукат».

В декабре 1905 года на Красной Пресне в рабочих дружинах с оружием в руках сражается и Сурен. В бою погиб его близкий товарищ. Сурен в знак памяти об этом человеке взял его имя — Тимофей. Оно стало партийной кличкой Спандаряна.

Член подпольного Бакинского комитета, прекрасный оратор, талантливый журналист, Спандарян яростно выступает против врагов революции. Недаром меньшевики говорили: «Если поскоблить ум Тимофея, то там можно найти только Ленина».

...1912 год. В конце января заканчивает свою работу VI (Пражская) конференция РСДРП. Товарищ Тимофей — Спандарян избирается в Центральный Комитет партии, во главе которого стоял Ленин.

В марте Спандаряна арестовывают. Узнав об аресте Сурена, Владимир Ильич, находившийся тогда в эмиграции вместе с Н. К. Крупской, едет к его отцу и старается помочь Спандару Спандаряну, который живет в нужде. Вечером того же дня Ленин пишет письмо в Берлин с просьбой организовать материальную помощь арестованному Сурену Спандаряну.

Тяжело больной, прикованный к постели, из далекого Туруханска Сурен Спандарян пишет Владимиру Ильичу в Швейцарию: «Дорогие друзья. Шлем Вам из наших холодных стран самый пламенный привет. Мы бодры духом...»

Это было его последнее письмо. Спандарян скончался в 1916 году в возрасте 34 лет.

В дни празднования 40-летия установления Советской власти в Армении Н. С. Хрущев в своей речи назвал имя Сурена Спандаряна в числе видных революционеров того времени. В Армении его именем назван один из районов Еревана. В далеком Туруханске организован дом-музей Спандаряна.

В. СТВИЛИЯ

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ—СОВЕТСКОМУ УЧЕНОМУ

Выдающемуся ученому академику Льву Давидовичу Ландау вручена присужденная ему Нобелевская премия 1962 года.

Вручал награду посол Швеции в СССР господин Рольф Р. Сульман. При вручении присутствовали президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш, академики Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, Н. Н. Семенов, И. Е. Тамм, ответственные сотрудники шведского посольства.

Фото А. Шура.

Вл. ПАВЛОВ

Россинский читает письма

Прекрасна эта черта советской жизни. Случись у одного из граждан нашего государства какое-нибудь событие — пусть даже сугубо личное,— и сейчас же десятки, а порой и сотни и тысячи людей спешат помочь и выразить сочувствие, если нагрянула беда, и поздравить, если пришла радость... И от этого всеобщего участия горе ослабевает, а радость расцветает еще больше.

Мы не удивились тому, что застали старейшего летчика Бориса Илиодоровича Россинского за разбором пачки писем, только что полученных.

Первого ноября Центральный Комитет КПСС принял Б. И. Россинского в партию, и вот теперь самые разные люди, знакомые и незнакомые, старые и молодые, от души поздравляют его.

Мы сидим в комнате, в которой все говорит об авиации. На стенах — огромные пропеллеры, фотографии Россинского у воздушных аппаратов. На столе — самодельный приборчик с колесиками из серебряных царских пятаков. На этом приборчике Россинский экспериментировал с крыльями птиц, которых добывал для него друг — известный естествоиспытатель и охотник Мантейфель...

Не торопясь просматривает телеграммы, письма, адреса «дедушка русской авиации». Одним просто улыбается, слегка покачивая седой головой, другие прочитывает по нескольку раз подряд, прищуривается, задумывается.

Вот красная книжечка — Устав КПСС на украинском языке. На титульном листе надпись: «Дедушке русской авиации — коммунисту, дорогому Борису Илиодоровичу Россинскому от члена КПСС, инвалида Отечественной войны Якова Антоновича Корховового. 3.XI.62».

Первый подарок от единомышленника-коммуниста!

Вот адрес — Россинского поздравляют старые большевики: П. Е. Хромов, М. Г. Сидорова, Б. Я. Витолина, А. М. Борисов, Н. С. Туляков и другие...

Вот небольшая поздравительная открытка.

«Уважаемый и родной Борис Илиодорович! Разрешите и мне поздравить Вас, старейшего летчика, с таким радостным днем — днем принятия в партию, днем Вашей молодости.

Ваши дела и работа в любимом поприще авиации заслужили такой награды.

Поздравляю и с праздником Великого Октября. Желаю много лет жизни и здоровья!

Уважающая Вас М. Нестерова (дочь П. Н. Нестерова)».

Петля и таран... Тринадцатый год. Завод «Дукс», на котором Россинский работал испытателем. Легонькие, из тонких планок и перкаля «Ньюпоры», похожие чем-то на нынешние детские авиамодели... Сколько их тогда прошло через его руки! А ведь среди этих «Ньюпоров», испытанных Россинским, был один, на котором летчик Нестеров выполнил первым в мире фигуру высшего пилотажа — мертвую петлю...

Борис Илиодорович еще раз перечитывает открытку Нестеровой и берет со стола пачку фотографий. Задумчиво перебирает их пальцами больших и все еще сильных рук. Каждая из этих фотографий могла бы послужить иллюстрацией к целой главе книги по истории авиации.

Вот плохонькое изображение Россинского у построенного им самим планера. Это первый в России планер подобного типа. На нем 29 ноября 1908 года авиатор преодолел сложнейшее по тем временам препятствие — реку Клязьму.

— Когда я организовал в Высшем техническом училище воздухоплавательный кружок,— негромко заговорил Россинский, протягивая нам фотографию,— Николай Егорович Жуковский сказал мне: «Начнем с маленького — с планеров. Потом будем их преобразовывать в аэропланы». Я и решил построить планер. У моего знакомого — студента Лямина в Тарасовке на высоком, крутом берегу Клязьмы была дача. Там я и расположился. Прежде всего понадобился бамбук, и довольно толстый. Где его взять? Узнаю, что в Москве, на Стромынке, есть небольшая фабричка, на которой делают модную в те времена гнутую бамбуковую мебель.

Прихожу к хозяину и начинаю ему рассказывать об авиации, о том, что строю первый в России управляемый планер... И ввертываю между делом: если я получу бамбук, имя этого хозяина непременно попадет в анналы истории отечественной авиации.

Хозяин так и вытаращил на меня глаза. Он, конечно, ни о каких аэропланах и планерах не слыхивал, но после моей лекции, видать, сообразил, что дело может обернуться прибылью. Подумал, потом говорит: «Берите бамбук! Бесплатно берите!».

Материал на остов планера нашелся. Перкаль для обтяжки пожертвовали родители хозяина дачи: у них в Москве был мануфактурный магазин. Разные небольшие детали я купил в мелочной лавке на Никольской улице. А детали посложней и покрупней сделал сам в мастерских Высшего технического училища... Наконец планер был готов. Теперь нужно придумать: как взлететь?..

Сначала я попробовал стать на лыжи: планер был без шасси, их заменяли мои собственные ноги, а я висел на руках. Не вышло: прилипает к лыжам снег. Залили склон водой. Но и по льду разбег никак не удавался: лыжи разъезжались, я падал, ломал планер, ушибался...

Наконец придумали. Купили управляемые сани для спортивного спуска с гор — для бобслея. Выждали, когда ветер задул навстречу. Один человек лег на сани, раставив пошире ноги, и взялся за руль. А я стал между его ног. Сани помчались вниз...

И вдруг посреди склона я почувствовал, что меня тянет к небу. Изо всех сил я оттолкнулся ногами от саней, встречный ветер подхватил меня и бросил вверх. И я полетел! Полетел!

В 1910 году по совету Николая Егоровича Жуковского Россинский едет во Францию учиться летать на аэропланах. У Эйфеля, к которому Россинский имел от Жуковского рекомендательное письмо, встретился с Блерио. Блерио принял горячее участие в судьбе Россинского. Сначала помог ему поработать у конструктора авиационных моторов Кобзани, а затем взял в свою летную школу в городе По. И вскоре Россинский взмыл в небо на настоящем самолете.

Покоритель Ла-Манша до самой смерти не забывал своего ученика. Россинский бережно хранит портрет Блерио с его автографом, помеченным 1934 годом, и письмо, в котором знаменитый французский летчик, всегда симпатизировавший нашему народу, высказывает желание приехать в Советский Союз строить самолеты...

В 1910 году аппарат Блерио прибыл вместе с Россинским из Франции в Россию. На этом аппарате, а потом на «Фармане» летчик не раз давал воздушные представления, проходившие при огромном стечении публики.

— Однажды я дал такое представление рабочим. Сел и махнул прямо в Лефортово, в Анненгофскую рощу, в которой собралась массовка. Да вот, посмотрите!

«Дорогой дедушка Борис Илиодорович,— читаем мы.— Мой дедушка Иван Антонович Россинский — Ваш ровесник. Когда Вы в 1912 году прилетали в Анненгофскую рощу, в Лефортово, к рабочим завода Гужон, мой дедушка — слесарь этого завода — видел Вас там, и вся наша семья слышала о Вас от него.

Я и мой брат сердечно поздравляем Вас с вступлением в члены Коммунистической партии и желаем Вам доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности.

С комсомольским приветом
ученица 503-й школы г. Москвы
Лена Россинская».

...Россинский читает письма... И перед нашими глазами проходит его жизнь — крылатая жизнь!

«И я полетел! Полетел!»... Россинский на планере собственной конструкции после полета через Клязьму.

На таком, похожем на этажерку «Фармане» Россинский показывал виртуозную технику пилотажа и летал на рабочую массовку в Лефортово.

К. Вершинин (ныне главный маршал авиации), Б. Россинский и известный полярный летчик И. Спирин (справа) на аэродроме.

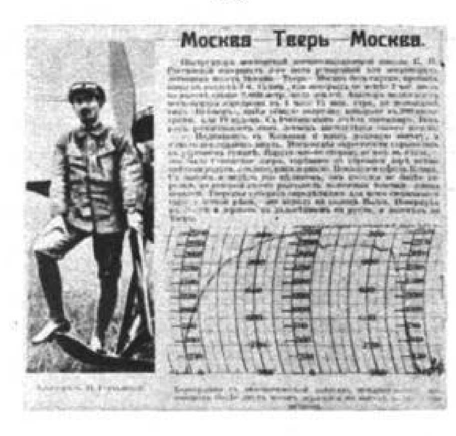

Россинский и Нестеров.

Завоевавший воздух

С юношеских лет я, увлекаясь авиацией, собирал о ней документы, фотографии. Перебирая их недавно, я нашел в старой папке вот этот пожелтевший листочек, вырезанный в одной из русских газет за 1914 год.

В нем скупо изложено описание рекордного полета авиатора Россинского и его впечатления. Рассказ Бориса Илиодоровича очень скромен. Ни слова о трудности полета, об опасности, ни слова о напряжении сил и воли. А их требовалось так много для полетов того времени, времени первых шагов в завоевании воздуха. Ведь недаром на программах публичных полетов на Ходынском поле всегда стояло: «Весь сбор в пользу пострадавших летчиков и их семейств».

А. ПРОНИН,
генерал-майор авиации
в отставке

Эти люди никогда не работали вместе. Они почти не знакомы друг с другом. Но объединяет их нечто большее, чем знакомство или общая тема научной работы.

Все они преподаватели или работают в исследовательских лабораториях, но по утрам их часто видят вместе с рабочими и инженерами, когда они проходят через проходные харьковских заводов.

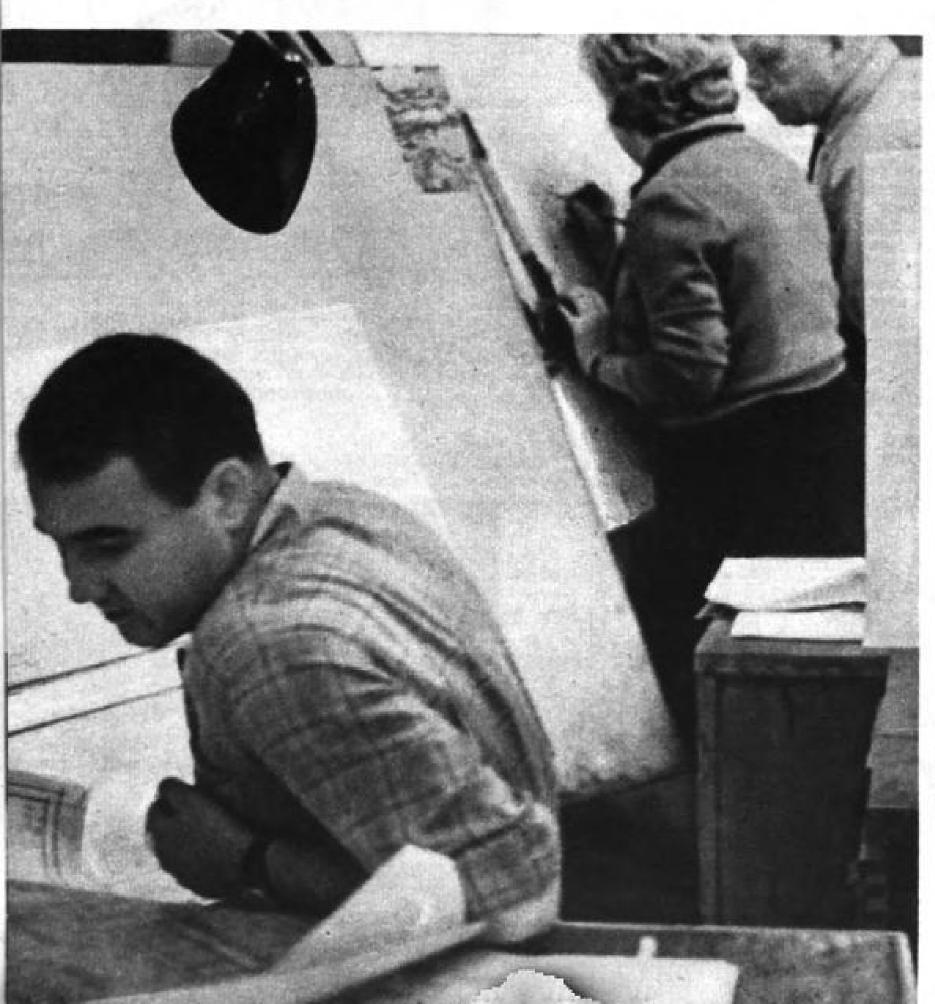
«Наука не может развиваться, не опираясь на производство. Производство не может развиваться, не опираясь на науку,— сказал в докладе на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев.— Поэтому эти две силы взаимосвязаны, одна другую дополняет и одна другую оплодотворяет».

Вот в этой кровной связи с производством, связи с практикой кроются те могучие силы, которые объединяют столь разных по профессии и по возрасту людей. Их научные работы, их исследования оплодотворены производством.

1. Сердце тепловозов и кораблей — дизель. Это сердце должно биться уверенно, сильно и быстро. Большое будущее предсказывают новому мощному двигателю, сконструированному на заводе транспортного машиностроения имени Малышева. Создатели двигателя главный конструктор по дизелестроению Б. Н. Струнге и доцент ХПИ А. Б. Ибрагимов придирчиво экзаменуют свое «детище».

2. Новая турбина—всегда загадка. И хотя заводские конструкторы В. Н. Савин, П. И. Корж и доцент Харьковского политехнического института Г. А. Кнабе совместно работали над турбиной, порой у пульта управления между ними вспыхивают горячие споры.

ДВЕ СИ

3. У проектировщиков харьковского института «Промстройпроект» горячая пора. Пленум ЦК КПСС потребовал от проектных организаций полностью перейти в промышленности к индустриальным методам строительства, привлекать самые новейшие достижения науки и техники.

4. Легко рассекает гранитную глыбу реактивная струя нового термобура.

— Именно такой эффективный инструмент необходим строителям и горнопроходчикам для работы на вечной мерзлоте и сверхтвердых скальных породах,— говорит профессор И. П. Голдаев.

5. Всюду, где работают турбины, незримо присутствует труд исследователей лаборатории гидродинамических машин Академии наук УССР. Ее руководитель член-корреспондент АН УССР А. П. Филиппов и инженер Н. Евтушенко подготавливают очередной эксперимент.

А впереди предстоит рождение гигантской турбины мощностью в пятьсот тысяч киловатт. Такую цель поставило перед собой конструкторское бюро Харьковского турбинного завода имени Кирова, руководимое членом-корреспондентом АН УССР Л. А. Шубенко-Шубиным.

НА ПОЛЯНЕ

Степан ЩИПАЧЕВ

Сегодня выходной
У горожанки этой,
Не очень молодой,
Кокетливо одетой.

Живет одна. Не замужем.
Но подрастает сын.
Ах, туфельки из замши!
Промокли от росы.

А их беречь бы надо:
Других-то, новых, нет.
Разулась, как когда-то
В свои пятнадцать лет.

Сквозят лучи косые
Сквозь рощу
На весу.
И ноженьки босые
Ступают на росу.

А небо сйне.
Глянуть —
Глаза еще синей.
Ромашки на поляну
Сбежались молча к ней.

Как это просто, мудро:
Букет сырых цветов.
Он пахнет полем, утром,
Букет сырых цветов.

Лежат ромашки сонно
Во весь недлинный рост.
Склонись, дыши озоном
Всех отгремевших гроз.

Строка моя простая,
Как те ее следы.
Мне жаль, что увядают
Цветы...

СЕМЕЙНЫЙ КУБОК

Два брата Степановы — Анатолий и Виктор — готовили к чемпионату СССР две сильнейшие боксерские команды — «Трудовые резервы» и Советской Армии. В прошлом году боксеры «Трудовых резервов» завоевали командное первенство, и в нынешнем чемпионате спор двух команд, двух братьев начался успешно для Анатолия и его питомцев. Боксер наилегчайшего веса В. Третьяк победил армейца В. Генсировского, но уже в следующей встрече представитель команды Советской Армии О. Григорьев восстановил равновесие, выиграв у С. Сивко. Так до первого среднего веса шла упорная борьба, но затем армейцы одержали верх в трех схватках подряд и завоевали первенство. Зрители шутили: «Все равно кубок остался в семье Степановых!»

В. ВАТИС

Таллин.

Команды на пьедестале почета. В центре капитан команды армейцев А. Абрамов, боксер тяжелого веса.

Фото В. Сальмре.

Л Ы

Л. ЛИФШИЦ

Фото А. Узляна.

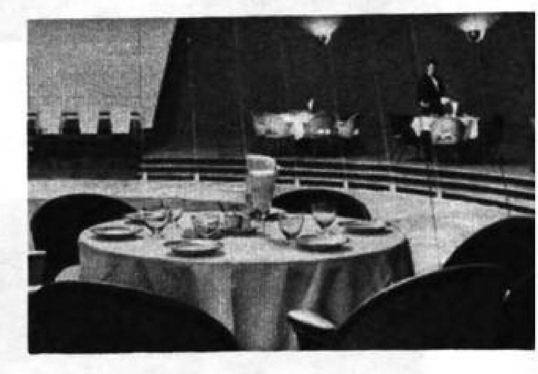
«НЕВА» НА НЕВСКОМ

На Невском проспекте открылся крупнейший в Ленинграде ресторан «Нева». Главный зал — на 450 человек — красиво оформлен архитектором ленинградского филиала института «Гипроторг» З. Б. Томашевской.

Свет от бра, расположенных в шахматном порядке, производит впечатление волн. Пол затянут лавсановым ковром. Площадь его — 600 квадратных метров, сделан он на Люберецком комбинате. В двух шагах от столиков — в стеклянной галерее — раскинулся настоящий ботанический сад.

И. ЧУРИН

Фото В. Якобсона.

«ШЕДЕВР НЕРУКОТВОРНЫЙ»

Это не груда металлолома, а «скульптура», представленная на одной из парижских выставок. В квадратную дыру, словно в портретную раму, смотрит сам создатель «скульптуры», известный на Западе абстракционист Сезар. Один из критиков назвал творение Сезара «шедевром», другой — «нерукотворным фарсом».

В самом деле перед нами нечто «нерукотворное». Сезару для создания своего «шедевра» не понадобилось притрагиваться к нему ни единым пальцем. Приехав на свалку разбитых автомашин, он отобрал и попросил положить под гидравлический пресс несколько старых, покореженных кузовов. Затем комки сплющенного металла были поставлены краном один на другой. Весь «творческий процесс» продолжался не более часа.

— Моей прессованной автоскульптурой,— заявил Сезар,— я хотел показать, что двадцатый век имеет свою особую красоту.

Здесь все напоминает о Владимире Ильиче.

Г. МАКАРОВ
Фото автора.

НАЧАЛО ВЕЛ

В эти дни Казанский государственный университет отмечает 75-летие студенческой сходки, одним из организаторов которой был Владимир Ильич Ленин.

За годы Советской власти университет в Казани стал одним из крупнейших вузов и научных учреждений страны. Если за 113 лет его существования до Великой Октябрьской социалистической революции среди студентов было ничтожно мало татар, то сейчас, как живое доказательство претворения в жизнь ленинской национальной политики, более двух с половиной тысяч представителей татарской молодежи заполняют аудитории и учебные лаборатории. Сейчас в университете около двухсот татар — научных и педагогических работников. Несколько лабораторий участвует в решении важнейших задач науки и народного хозяйства.

Только два новых, благоустроенных корпуса общежития, вступивших в строй совсем недавно, вмещают столько студентов, сколько их училось в университете в год исторической сходки.

Здесь свято берегут все, что связано с пребыванием В. И. Ленина в университете. В комнате-музее, где занимался Владимир Ильич, собраны документы, рассказывающие о начале его революционной деятельности, восстановлена обстановка того времени.

...7(19) декабря 1887 года полицейский чин проводил крытую кибитку до окраины Казани. Кибитка увозила Владимира Ильича, высланного в деревню Кокушкино (ныне Ленино). Недавно в Кокушкинском доме-музее В. И. Ленина собрались колхозники; стало тесно в маленьком зале и прилегающих к нему небольших комнатах. Ученый совет Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина провел здесь выездное заседание, посвященное 75-летию начала революционной деятельности Владимира Ильича.

О сходке студентов Казанского университета сделал доклад проректор по научной работе доктор философских наук, профессор Мансур Ибрагимович Абдрахманов.

О Ленине, о сегодняшнем дне, о делах советских людей, претворяющих в жизнь идеи Ленина, говорили на этом заседании передовики сельского хозяйства и ученые, коммунисты и беспартийные.

Сюда не зарастает народная тропа

НА БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО

Вл. ПИМЕНОВ

Фото П. Беззубенко.

Сцена из балета «Тропою грома».

Скептики не верили. Как можно совместить несовместимое, это же получится не театр, а комбинат!.. Не уживутся. Будут мешать друг другу. Но сторонники идеи победили. В Петрозаводске создали музыкально-драматический театр, в котором мирно и творчески работают три коллектива — русской драмы, оперный и балет. Под одной крышей, под одним руководством. Были трудности, были неудачи и сложности, как всегда, в первые годы не все ладилось, проходил процесс формирования трупп. Все это уже позади. А сейчас в Петрозаводске есть театр настоящей, большой культуры, молодой, интересный, от которого, как высохшая шелуха, отскочил привязчивый к периферийным театрам провинциализм.

Это чувствуется уже на пороге театра. Вы входите в здание, и вас поражает академический порядок, благородный стиль обхождения со зрителем, идеальная чистота. Приятно чувствовать себя так, как будто вы в столичном театре или в залах Эрмитажа. Вся обстановка располагает к спокойному ожиданию спектакля. И в городе любят свой театр. Гордятся им. Есть любители оперы и оперетты, есть свои зрители у драмы, и всеобщую любовь снискал молодой балет.

Театру уже восемь лет. Срок невелик, но он оказался достаточным, чтобы завоевать авторитет. Совсем недавно на всемирном фестивале в Хельсинки театр показал свой национальный балет «Сампо» на мотивы замечательного эпоса «Калевала». Мы не будем говорить о спектакле — за нас скажут участники фестиваля. Читаем книгу записей:

«Спектакль достоин великих традиций советского балета. Витторио Антонини. Италия»; «Мне кажется, что я увидела большую радость труда народа. Ойва Портанен. Финляндия»; «Надеюсь, что в недалеком будущем мы сможем увидеть этот шедевр в Канаде. Дебра Адлер. Канада».

Таких записей много. Приятно. А несколько позже на сцене театра появился новый спектакль — «Тропою грома». Успех балета этим спектаклем продолжен. Я бы сказал, что это восторженный до неистовства спектакль. Это — вдохновение молодости, раскрывшееся во вдохновенном танце. Постановщик М. Мнацаканян, дирижер Ю. Проскуров и художник Шелковников хорошо поняли героическую музыку Кара Караева, верно прочитали либретто Ю. Слонимского, нашли нужные краски для образного воссоздания широкого художественного полотна большого социального содержания. Получился яркий, поэтический спектакль о красивом народе, борющемся за свободу, за равенство людей различных рас и цвета кожи. Красота молодости на сцене утверждена действительно молодыми, почти юными исполнителями. Успех спектакля делят все исполнители главных ролей и отличный ансамбль, исполнители массовых сцен, танцев. Обаятельны народные сцены в африканском поселке, пронизаны драматизмом сцены столкновения с колонизаторами. Исполнители ведущих партий Ленни — Н. Гафт и Сари — Е. Павлова составляют отличный дуэт. Особенно хочется отметить замечательную технику и мастерство Гафта, сумевшего передать в образе Ленни и радость жизни и трагедию цветного юноши, восхищение влюбленного и

ИКОГО ПУТИ

У Дома-музея В. И. Ленина в деревне Ленино (Кокушкино).

ужас жестокой расплаты. Жаль, что такой благородный и тонкий спектакль закончился несколько прямолинейным эпилогом, чисто внешним и декларативным. Торжественно звучащая музыка и в однообразном движении идущие к вечному огню на могиле влюбленных массы. Такой эпилог не органичен всему художественному строю спектакля.

На оперном спектакле нам не удалось побывать. Но мы знали, что музыкальный репертуар театра большой. «Коллегам» В. Аксенова и Ю. Стабового везет. Пьеса имеет успех. Молодые актеры рады, что им есть что играть, есть хорошие роли. В Петрозаводске драматическая труппа театра играет «Коллеги» уже много раз, а интерес к спектаклю не убывает, а растет. Зрители полюбили своих современников на сцене; поэтическая и лирическая интонация спектакля находит отклик в сердцах не только молодежи, но и старшего поколения, вырастившего новую смену строителей коммунизма.

В театре нашлись отличные исполнители ролей Александра Зеленина (Владимиров), Максимова (Ситко) и Карпова (Годарев). Бесподобная душевность Зеленина, резкая характеристика Максимова, остроумие и легкая живость Карпова как бы сливаются в единстве, в любви к труду, к своей профессии, в борьбе за счастье. В спектакле есть главный, дорогой для нас смысл: жизнь развивается по законам советского общества — старшее поколение пестует себе смену, молодежь берет эстафету у своих отцов. Старшее поколение представлено артистами Хотяновым и Сунгуровым, тесно связано с молодежью. В общем, все артисты, играющие даже эпизодические роли в этом спектакле, живут на сцене правдиво, передают те или иные занятные черточки характера своих героев. Заслуга режиссера И. Петрова состоит в том, что каждый исполнитель играет свою роль с удовольствием. У артистов разбужена та активность, тот темперамент, та искренняя непосредственность, которая отличает наших современников, которые украшают личность. Обыденность и романтика, простота и исключительность сочетаются органически в спектакле «Коллеги». Правда, робко, не очень уверенно играют молодые артистки Р. Хабарова (Инна) и А. Зочишкина (Даша), но обаяние их искупает этот недостаток.

Музыкально-драматический театр хорошо вошел в культурную жизнь города. Это действительно культурное учреждение. И даже само здание, торжественное, высокое, чистое, украшенное скульптурами Коненкова, стоит на берегу Онежского озера, как бы умытое чистой водой из Онежской купели.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЧЛЕНАМ АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПЕДАГОГИКИ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

ПО ПРАВУ СОЛДАТА И ОТЦА

Уважаемые члены ассоциации!

Вероятно, вы уже не раз видели подобные картины не только на фотографии, но и в жизни. На мою долю такого не выпадало. Поэтому, прошу вас, давайте вместе посмотрим на эту фотографию.

Это школьники, С виду первоклассники. Справа — школьные парты, слева, на стене,— детские рисунки. На переднем плане — головка девочки, пышные волосы перетянуты белой лентой, рядом — задорные ребячьи затылки.

Но что за странные позы у детей? Почему не видно лиц? Почему ребята так старательно прикрывают их руками?

Потому, что несколько секунд назад в классе прозвучала команда учителя: «Пригнуться и прикрыться!»

По этой команде одни ученики, согнувшись в три погибели, нырнули под парты, другие — те, что запечатлены на фотографии,— бросились к стене.

Обычная учебная атомная тревога в обычной американской школе. Под фотографией так и написано: «Тренировка в классе».

Можно допустить, что некоторые генералы и педагоги из самых лучших побуждений стремятся привить подрастающему поколению навыки, необходимые, с их точки зрения, для жизни в двадцатом веке. Но вот что думают по этому поводу сами дети.

«Американские дети, начиная уже с четырехлетнего возраста, обеспокоены угрозой, которую таит в себе жизнь. Эту угрозу они связывают с ядерной войной»,— говорится в брошюре доктора С. Эскалона «Дети и угроза ядерной войны», только что изданной вашей ассоциацией.

Четырехлетние дети не ходят в школу, но, как видно из этой цитаты, они еще до «тренировок в классе» успели заразиться страхом.

Если дети от четырех до шести лет, говорится в той же брошюре, хотят знать, причиняют ли боль радиоактивные осадки, то подростки беспокоятся уже о будущем («Наши дети вырастут уродцами», «Будем брать от жизни все, пока можно»).

Эти факты, хочет того автор брошюры или нет, обвиняют.

Да, они обвиняют в том, что намеренно и целеустремленно калечится психика ребенка, которому вдалбливают в голову мысль о неизбежности и неотвратимости ядерной войны. Человек, поддавшийся такому воспитанию, не будет бороться против бомбы и сам, не задумываясь, сбросит ее, если получит приказ.

Процесс воспитания такого человека страшнее атомной бомбы. Ибо сами бомбы не падают. Их сбрасывают люди.

Уважаемые члены ассоциации! Не могу не обратить вашего внимания и на другую сторону такого воспитательного процесса.

В старших классах школьники знакомятся с историей страны, в том числе и с недавно вышедшими мемуарами бывшего президента США Гарри Трумэна. Страницы его воспоминаний пронизаны гордостью: смотрите, люди, это я, Гарри Трумэн, первый атомщик планеты Земля!

С рыбьим хладнокровием и геростратовым тщеславием Трумэн рассказывает о том, как он приказал сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки.

Этот маньяк сжег тысячи детей. И он гордится этим!

Нужно ли прививать такую же «гордость» школьникам?

Атомные тревоги в школе и ознакомление с откровениями Трумэна дают свои плоды. Доктор С. Эскалона пишет, что школьники теперь часто спрашивают своих родителей: «Любите ли вы меня настолько, чтобы приобрести атомное убежище?»

Уважаемые члены ассоциации! Мне не чужды проблемы, которыми вы занимаетесь. Я отец. Моей дочери пять лет. Следовательно, она уже перешагнула тот критический четырехлетний возраст, в котором американские дети начинают бояться жизни и ядерной войны. Ни у дочери, ни у ее сверстников, ни у наших школьников я ничего подобного не наблюдал.

Считаю возможным обратиться к вам и по праву человека, который видел войну. Эта фотография, опубликованная в журнале «Ньюсуик», на мой взгляд, пострашнее многих военных ужасов.

И, наконец, обращаюсь к вам как человек, немного знающий вашу страну. Мне, журналисту, довелось проехать на машине несколько тысяч миль по американским дорогам и жить в домах американцев. Я полюбил их. И я не хочу, не могу верить, что великий народ великой страны не пресечет преступления, о котором свидетельствуют и эта фотография и брошюра «Дети и угроза ядерной войны».

С уважением

В. НИКОЛАЕВ

В. ГОРДЕЙЧЕВ

Гордость

ВЫСТАВКА АМЕРИКАНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Как ни гляжу на дырчатый металл,
а все не стал в ладу с двадцатым веком:
нелепица!
Выходит, зря считал
себя вполне разумным человеком.
Но рослый гид о стилях говорит,
и, сдержанно шагая вслед за гидом,
киваешь ты, серьезный сделав вид,
ни словом несогласия не выдав.
Серьезен ты. Не зря же рвань и ржавь
везли в твое родное захолустье.
Крепишься ты, открыто не заржав
над этой «революцией» в искусстве.
А из меня паршивый дипломат,
и для меня приличия не святы
(пускай мое плебейство заклеймят
восторженные мальчики с Арбата).
Когда железо сплющенных «венер»
прославят революцией стоусто,
тогда я «контрреволюционер»,
поскольку я за умное искусство!
Есть красота. Она и в Штатах есть.
И смысл ее повсюду одинаков.
А эту изувеченную жесть
пустили бы на крыши для бараков!..
Мы говорим о венчиках из роз,
мы в дом открытку пошлую не пустим,
но принимать нелепицу всерьез —
какая ж дичь в нью-йоркском захолустье!
И я бегу со свалки рож и рыл,
по лицам человеческим тоскуя.
— Подумаешь, Америку открыл!..
Видали мы Америку такую!

ЩЕДРОСТЬ

По болоту иду, как по каучуку,—
так пружинит земля подо мной.
Ежевичную плеть-скакалочку
перепрыгну в чащобе лесной.
Проблуквавший по лесу за облаком,
от нахлынувших щурясь лучей,
выйду к логу с кукушечьим покликом,
чтобы чибис не спрашивал: «Чей?»
К роднику сам себя чуть не волоком
дотащу в обжигающий зной,—
он гудит, перевернутый колокол,
истекая водой ледяной.
Хлынет дождь. Засверкает игольчато
и уйдет, прошумев с высоты.
Зазвенят на лугу колокольчики,
голубые степные цветы.
Здесь, где травы в лицо мое тычутся,
чтоб ко мне приласкаться верней,
ухожу я в глухое язычество
всей системой духовных корней.
Слышу я, в перелеске затерянный,
шорох соков земли, коренаст.
Не мое ль родословное дерево
здесь пробило подзолистый пласт?
Так брожу, безнадзорно, беспошлинно,
в землями обжитом углé...

Кто придумал ругательство «почвенность»
за любовь к этой щедрой земле?
Не пойму, для чего это «атомный»
арсенал применил эрудит,
чтоб одернуть плебея лохматого,
что — туда же! — писать норовит?..
Никогда в мудреца не поверю я,
если мне заявляют всерьез,
что судить о высоких материях
только он и созрел и дорос...
Вот сейчас над ромашками волглыми,
над зеркальным стою родником.
Говорю с не впервые оболганным,
все познавшим моим земляком.
Как глотать мне отрадно и весело
родниковую ясность ума,
что на веки веков перевесила
всей беспочвенной спеси тома!

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Я с детства знаю двух людей,
заядлых спорщиков, которых
в непримиримости идей
не расцепить в рабочих спорах.
Я в сшибках видел их таких,
почти футбольного накала,
но почему-то мысль о них,
как о врагах, не возникала.
Я уважаю споры те,
где спорщик зол и бескорыстен,
где убеждают в правоте
еще не всем доступных истин.
Но вот какой идейный бой
ты дашь недвижному кретину,
что несогласие с собой
воспринимает как рутину?
Пустое дело. Убеди,
как будто в том не убедились,
когда он в местные «вожди»
еще в конце тридцатых вылез.
Он так в сановности навык,
что, лишь смиренности любитель,
клеил на спорящих ярлык
ничуть не меньше, чем «вредитель».
И, под статью определив
того, кто дерзостью запятнан,
считал, что строг, но справедлив.
— Идеология, понятно?..
Но вот живем и дышим всласть
без слез по времени такому,
когда была вот эта «власть»
не ограничена законом.
И дело двинулось вперед,
слепя ракетными рывками.
Но сдаться новому урод
не собирается покамест.
Я не злопамятно упрям,—
крепка дубовая порода!
Он тот, что уникальный храм
взорвал от имени народа.
Да что там храмы старины
у древней дедовской заставы!
Он тот, кто узкие штаны
вспороть у школьников заставил.
Еще он будет гнуть, сопя,
свое, но, как бы ловок ни был,
мы нашей верою в себя
его приблизили погибель.
И он растерян потому,
что стало всем сегодня ясно:
усердие не по уму
патологически опасно.
Теперь он тянется «в народ»,
да все к народу не привыкнет:
того не в пору оборвет,
тому некстати подхихикнет.
Мы с ним не спорим, мы глядим
за ним, как говорится, в оба.
И тает старый нелюдим,
как снег последнего сугроба.

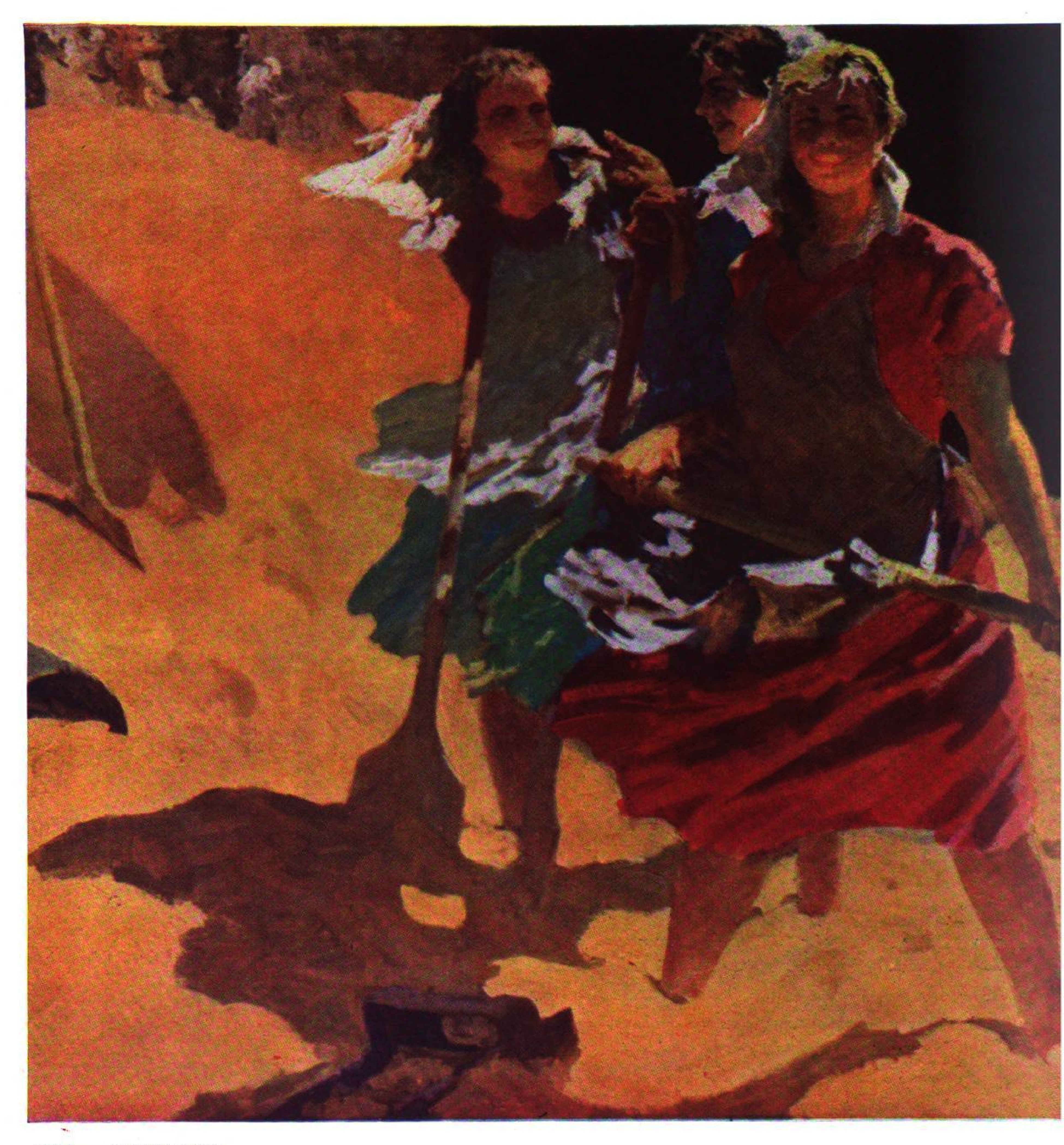
* * *

Научили гордости, а зря:
на какую мельницу ни ринусь,
боком, округленно говоря,
выйдет мне моя непримиримость.
Пропадает рыцарства заряд:
если в жаркой драке оземь грянусь,
мне ж мои собратья говорят:
— Что за донкихотская упрямость!
Вот кому башка не дорога,—
как же ты не ловок и не тонок,—
что за честь нажить себе врага?
Пусть его провалится, подонок...
Говорю собратьям: — Чепуха!
За меня в испуге не дрожите.
«Грозные» — подальше от греха! —
Кукиши в карманах подержите.
Скажете: не сложит головы
тот, кто эту голову имеет.
Оттого, что так безгрешны вы,
все головотяпы и хамеют.
Ну, а мы, не кукишем разя,
топчем эту слякоть сапогами...
Только не мешались бы «друзья»,—
как-нибудь управимся с врагами.

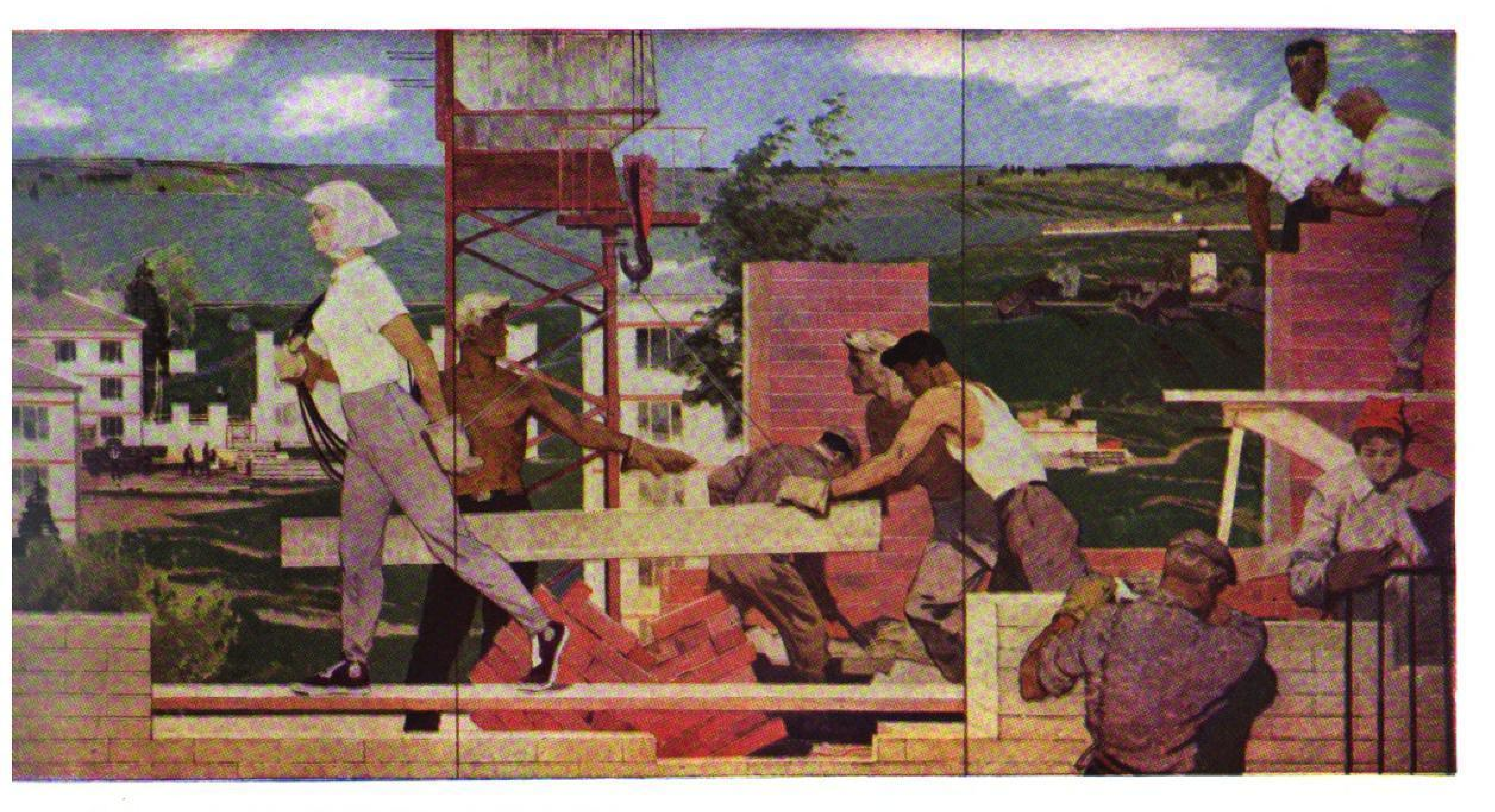
БУНТ

С поры́ моего малолетства
я диву давался тому,
как бойко чужое наследство
делилось в отцовском дому.
Я часто слыхал разговоры,
что вот, мол, доволен и рад
сосед, у которого скоро
чахоточный кончится брат:
ведь дом при земельном наделе,
картошкой засаженном сплошь,
считай, что на этой неделе
соседу пойдет — повезло ж!
Меня ударяла, как током,
в словах богомолок седых
тупая, слепая жестокость
хозяйственной мудрости их.
Как в бомбе с замедленным взрывом,
ушедшей до времени в грунт,
во мне созревал терпеливо
и рвался со стопора бунт.
Поднявшись навстречу содому,
я гаркнул однажды: «Вранье!»
И с треском рванулось из дому
в посконных платках воронье.
И сам я от баек облыжных
шагнул за отцовский порог.
Иду я, пиная булыжник,
ругаясь, как древний пророк.
О повод для радости — лапоть
и древняя в шишках кровать,
о жажда бездарная хапать,
сквалыжничать и урывать!
А солнце? А радуг подковы?
Плевал я на ваши дары:
я собственник сердца такого,
какому подвластны миры!..
За мною мосты за мостами.
Но, как их ни рви и ни рушь,
так просто себя не заставишь
не помнить родимую глушь.
В какой-нибудь дальней деревне
вдруг срежет тебя наповал
напевом былинности древней,
который твой прадед певал,
и, в голову блудного сына
бросая смятенную кровь,
целует взасос, как трясина,
губами полынных ветров...

Воронеж.

В. Кабанов. ЦЕЛИНА ЖИВЕТ.

Н. Ломакин, Г. Песис. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ДЕРЕВНИ.

БЛИЗКИЕ ГЕРОИ

Будут ярые морозы, будут январские пурги и февральские метели.

Но неповторим этот ноябрьский светлый день в картине А. Колесникова — молодого живописца из подмосковного городка Загорска. Над сияющей снежной окраиной улицы рдеют рябиновые кисти. Раскачиваются над крышами домов легкие дымки. И хочется в согласии с художником сказать: как хороша, как нарядна русская зима, наша земля! Свежесть взгляда, ощущение гармонии мира, заразительный аккорд бодрости и нерастраченных сил, безошибочное видение наших дней покоряют, наполняют радостью.

Должен ли знать зритель, каким нелегким путем приходит живописец к этой бьющей через край радостности цвета? Конечно, должен. Товарищеская заинтересованность зрителя в творчестве художника, стремление художника быть рядом с теми, чьи разум и руки создают новый мир, стали обычаем нашей жизни. Это не просто слова.

...Три художника озабочены. Они напоминают мастеровых. Сильные руки, мужественные лица, раздумье. Один в поисках ответа далеко ушел от предмета разговора. Второй, кажется, вот-вот схватит за крыло жар-птицу — истину. Третий только вглядывается в работу товарища.

Остроту раздумий трех друзей молодой живописец И. Корнев показывает через сложный, угловатый ритм фигур. Ритм этот поддержан в картине конструкцией дощатых козел. Особая выразительность решения картины еще и в том, что атмосфера духовного напряжения воссоздается острым композиционным приемом: раздумья трех художников, как в фокусе, сходятся на невидимой зрителю работе одного из них, и оттого, очень разные по интеллекту и темпераменту, они близки друг другу. Труд художника ничего общего не имеет с изящной игрой кистями и палитрой. Труд есть труд, а итогом его может быть картина, решающая серьезные проблемы жизни.

Пафос и красоту нашей эпохи можно и должно выражать полнокровным, живописным цветом, утверждает своим творчеством В. Кабанов.

«Целина живет». Нет, не случайно название картины. Целина — постоянная тема Кабанова. Он видел и писал первых целинников, он почти каждый год отправляется на целинные земли, чтобы самолично узнать, как живет целина, чтобы на току, на полевом стане, на ферме увидеть старых своих друзей и неизвестных еще героев и писать, писать, стараясь до конца постичь. Когда художник идет от глубокого знания жизни, когда он убежден, что его герои и есть соль земли, когда он их любит, он обязательно выразит поэтическую правду и ему нет нужды гнаться за модой, прихорашивая своих героев...

У нашего искусства впереди ясный путь. Жадный интерес молодых художников к жизни с ее радостями, трудностями и нелегкими свершениями обещает в будущем добрые плоды.

Ю. БЫЧКОВ

НОВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Фрэнк ХАРДИ Рассказ Рисунки **Е. ШУКАЕВА.**

ержант Стерлинг, новый полицейский городка Бенсонс Велли — Бенсонова Долина,— приступил к исполнению своих обязанностей в пятницу. Дело было летом.

После ужина он до блеска начистил портупею и ботинки, а тем временем его миловидная жена Барбара приготовила мундир. Сержант принял душ, полюбовался своим статным корпусом в зеркале ванной и сделал зарядку. Потом надел сержантский мундир и покрасовался перед овальным зеркалом в спальне, поворачиваясь так и этак, чтобы получше рассмотреть три нашивки на рукаве. Наконец, поцеловав жену в щеку, сержант Стерлинг через черный ход вышел во двор.

Проходя по бетонной дорожке, которая вела от его казенной квартиры к помещению для арестованных, сержант заметил двух бродяг, развалившихся на газоне.

— Что вы здесь делаете? — строго осведомился он.

— Сержанта Флаэрти дожидаемся,— сообщил один из безработных.

— Его уже нет здесь,— ответил Стерлинг.— И не будет никогда. Так что убирайтесь с участка, пока я вас не посадил под замок.

— Мы здесь получаем пособие по безработице,— сказал второй бродяга, нехотя вставая с земли.

— Пособие выдается по четвергам.

— Да, но сержант Флаэрти...

— Знаю, знаю. Он-то выдал бы вам пособие в любой день, в любое время дня и ночи, а если устали, еще арестовал бы для виду и устроил со всеми удобствами в камере: отдыхайте, пока не заблагорассудится уходить из города.

— Но ведь мы обрабатывали ему участок.

— Что было, то прошло.— Стерлинг оставался непреклонным.— Приходите в четверг. А до того лучше не показывайтесь в городе. Увижу — арестую за бродяжничество.

Безработные взвалили на плечи закатанные в одеяла пожитки и, устало волоча ноги, поплелись по Мэйн-стрит.

Сержант Стерлинг открыл калитку с проволочной сеткой и внимательно оглядел лужайки и садовые участки перед своим домом, зданием суда справа и арестантским помещением слева. Так вот, значит, каким способом Флаэрти содержал участки в чистоте и порядке! Ладно, со всем этим теперь покончено, как и с прочими безобразиями, из-за которых Бенсонс Велли слывет рассадником беззакония, городом, где суды бездействуют, а нарушителей закона больше, чем в других местах Австралии; городом, куда безработные, уставшие искать работу, стремятся как в землю обетованную. В полицейском управлении Стерлингу кратко рассказали о положении в Бенсонс Велли, а заодно и о художествах сержанта Флаэрти, дали инструкции навести порядок в городе, а также намекнули на продвижение по службе в случае успеха.

Он закрыл калитку и повернул налево — в сторону от центра города. Стерлинг тщательно рассчитал, когда ему лучше появиться на городской арене — вечером в пятницу, в день, когда магазины торгуют поздно, до девяти часов, и большинство жителей обязательно окажутся на улицах: им ведь не терпится узнать, что за человек новый полицейский. «Ладно, долго ждать им не придется, они очень скоро узнают, какие у меня намерения»,— подумал Стерлинг, проходя мимо аптеки. Он много времени потратил, чтобы придать себе военную выправку, но так и не смог отделаться от привычной для тренированного спортсмена небрежной, расслабленной походки.

Стерлинг выступал, и весьма удачно, во многих видах спорта; в конце концов он увлекся бегом и добился таких высоких показателей, что в полуфинале мирового первенства среди профессионалов пришел к финишу всего на двенадцать дюймов позади грозного Тима Баннера. Как большинство удачливых спортсменов, Стерлинг совершенствовался лишь физически, умственные способности его оставались на одном уровне; он не строил никаких планов на то время, когда кончится его спортивная карьера; он попросту не желал мириться с мыслью о неизбежности этого конца. Но безжалостные годы отняли у него легкость бега и свободу дыхания; Стерлингу перестали платить за участие в соревнованиях, а когда он ставил на себя сам, то чаще всего проигрывал. Он ушел из спорта, так и не сколотив капитальца, с которым можно было бы открыть собственное дело, и не имея за душой ничего, кроме изрядно потрепанной спортивной удали.

И вот Стерлинг с грехом пополам преодолел экзамены и поступил в полицию, подтянутый, добросовестный, надежный — именно такое пополнение и требовалось после недавних скандальных историй в полиции. Посвятив всю свою наконец-то пробудившуюся мыслительную энергию службе, как ранее физическую энергию спорту, он действовал с непреклонной решительностью и очень скоро возвысился до чина сержанта и стал вершителем судеб в Бенсонс Велли.

Возможно, сержанту лишь почудилась злоба во взгляде, который бросил на него юноша в белом халате, стоявший на ступеньках аптеки; но уж насчет заведомой враждебности вон тех мужчин, расположившихся на обочине тротуара у парикмахерской Шеа, сомневаться не приходилось.

— Видал, какая у него голова? — театральным шепотом обратился Арти Макинтош к Дарки.— Точь-в-точь как у гончей, что идет по следу!

— Говорят, он бегун,— сказал Дарки.— Что ж, не успеет оглянуться, как ему придется смазать пятки!

Эрни Лайл и Мэтчес Андерсон тоже весьма красочно изложили свои взгляды на законы вообще и нового сержанта в частности; после этого Сопливый Коннорс, который пристроился тут же с краю, утер свой вечно мокрый нос и заявил:

— Ладно, он может оказаться и вполне приличным парнем.

— Уж ты-то наверняка станешь перед ним юлить. Чего еще от тебя ждать? — оборвал его Дарки.— Он полицейский, так ведь? И его прислали навести порядок в городе.

— Я ведь только сказал, что он может оказаться хорошим парнем, как сержант Флаэрти.

— Может. Но опять-таки может и не оказаться. Да и старик Флаэрти тоже был хорош!

— Мы жаловались на старика Флаэрти за то, что он был жулик; а на этого нового будем жаловаться, потому что больно уж честный! — втолковывал Арти Макинтош.— Трудно сказать, что хуже, когда речь идет о полицейском.

Сержанту Стерлингу удалось расслышать только обрывки этой поучительной беседы. Пустяки, со временем он привыкнет к той смеси недоверия и презрения, с которой большинство австралийцев по традиции относится к стражам закона. В конце концов у него красивая, любящая жена, двое детей, из которых надо вырастить образцовых граждан; в друзьях же, помимо товарищей по службе, он не нуждается.

Стерлинг миновал гараж и пожарное депо. Вот еще одна вещь, с которой будет покончено,— соревнования пожарных на Мэйн-стрит: «кто быстрее развернет шланг». Это запрещено законом, да и опасно к тому же. Чувствовал ли сержант, какое множество глаз провожало его до подъема, где Мэйн-стрит переходила в аллею вязов и где по крутому холму взбиралось вверх шоссе?

Стерлинг пересек шоссе и направился к клубу масонов. «Ага, разгружают пиво!» — отметил про себя сержант. Он не состоял ни в каких масонских ложах и не был слишком усердным прихожанином в церкви. Он верил, что сможет добиться от граждан повиновения закону, никого не запугивая и никому не угождая.

Солнце уже быстро спускалось за голые холмы, когда Стерлинг повернул обратно, вниз по Мэйн-стрит, и прошел мимо кузницы. В дверях ее стоял Одышка-Эдмондс; он шумно пыхтел, ни дать, ни взять как мехи его старого горна; Эдмондс доживал свои последние дни, как и его профессия. Нет, сержант не ошибся, уловив неприязнь в косом взгляде Эдмондса: Одышка любил пропустить кружку пива, и не только в те часы, когда торговля спиртным разрешалась по закону.

Дальше сержанту попалось на пути несколько лавок и трактир, что возле суда. Кучка юных хулиганов веселилась на углу: мальчишки кривлялись и с безопасного расстояния выкрикивали ругательства. С этим он покончит тоже — с разбитыми уличными фонарями и прочими последствиями их бесчинств.

Стерлинг двинулся своим атлетическим шагом в самое сердце Мэйн-стрит; он чувствовал себя солдатом, посланным на разведку во вражеский тыл.

— Добрый вечер, сержант,— приветствовал Стерлинга несколько покровительственно, но

достаточно любезно скуоттер[1] Флеминг, вылезая из своей дорогой машины и переступая через водосточную канаву; поля шляпы у Флеминга были достаточно широки — впору владельцу даже миллиона овец[2],— но все же не настолько, чтобы поставить под сомнение вкус Флеминга.

— Добрый вечер, сэр,— отвечал Стерлинг.

— Добро пожаловать в Бенсонс Велли, сержант. Нам здесь до зарезу необходим честный и решительный защитник закона.

— Благодарю вас, сэр. Это ваша машина?

— Моя.

— Так вот, сэр, она неправильно стоит.

— Я ставлю так свою машину вот уже двадцать лет.

— Здешний закон гласит: на стоянках машины надлежит ставить под углом, задом к обочине.

— Впервые слышу о таком законе! — сквозь зубы проворчал скуоттер.

— Действительно, сэр, раньше тут довольно-таки небрежно обращались с законом, но теперь мы все это изменим. На Мэйн-стрит проезжая часть широкая, но не длинная, по сторонам — вязы; поэтому желательно ставить машины под углом.

Скуоттер Флеминг не знал, как поступить. Он был главным инициатором смещения Флаэрти и чувствовал себя обязанным всячески поддержать начинания нового полицейского. Но мог ли Флеминг предполагать, что именно он первый падет жертвой хваленой строгости Стерлинга?

Скуоттер Флеминг подчинялся законам; он одобрял их. Законы увековечивают существующий порядок, охраняют собственность самого Флеминга, его право принимать заклады и оставлять их себе в случае просрочки платежа, право нанимать и увольнять, право сдавать в аренду квартиры и выселять неплательщиков; законы заставляют рабочих и безработных знать свое место, вносить квартирную плату, платить проценты и продавать свой труд по твердым ценам, когда это необходимо ему. Флемингу. Скуоттер Флеминг смутно понимал все это, и инстинкт самосохранения, столь сильно развитый у состоятельных людей, говорил ему, что все обстоит прекрасно в этом лучшем из миров и законы, властвующие в нем, несомненно, самые лучшие в мире.

Поэтому-то Флеминга и возмущало легкомысленное отношение сержанта Флаэрти к закону. Ведь нечестностью Флаэрти пользовались трактирщики, подпольные букмекеры и их забулдыги-клиенты — словом, подонки общества. К нему, скуоттеру Флемингу, законы об азартных играх и торговле спиртным отношения не имели. Захочется ему выпить — он пьет дома; потянет играть — он отправляется на Флемингтонский ипподром либо на фондовую биржу.

А теперь его, извольте видеть, обвиняют в нарушении закона... об автомобильных стоянках!

Продажность сержанта Флаэрти была частью его натуры, так же как и добродушие и склонность к выпивке. Все это поневоле заставляло Флаэрти водить компанию с пьяницами и игроками. Флаэрти позволял пренебрегать законами, во-первых, потому, что брал взятки, во-вторых, потому, что в характере его была черта очень редкая и, пожалуй, даже неуместная в полицейском — сострадание. Где кончалась первая причина и начиналась вторая, даже он сам не мог бы сказать. В результате правила уличного движения, законы о спиртных напитках и азартных играх попросту не действовали в Бенсонс Велли. Незначительные нарушения любого рода всегда можно было замять, сунув прямо в ладонь Флаэрти некую сумму, а то и вовсе без денег; пинок ногой в зад либо удар по уху считались вполне достаточным наказанием за хулиганство, процветавшее среди юных жителей города; а переговоры между родителями легко улаживали любую сексуальную проблему, возникшую у детей, как бы далеко ни зашли детки в практическом изучении этой проблемы.

Закон стал предметом насмешек. Время от времени то та, то другая часть населения выражала недовольство. Скуоттер Флеминг и его друзья не придавали этому особого значения, пока город не оказался буквально наводненным безработными бродягами и бродячими рабочими, привлеченными невиданной легкостью, с какой Флаэрти выдавал пособия по безработице. Нэд Флаэрти — Через Плечо — так окрестили его безработные: он обычно выписывал карточку на получение пособия, не задав ни единого вопроса, и через плечо швырял ее для регистрации констеблю, сидевшему за столом позади него. Однажды, рассказывали люди, компания бродяг разыграла Флаэрти: тот заполнял им карточки на пособие, а они возьми да и назовись именами известных игроков в крикет: Бредменом, Вудфулом, Ричардсоном, Райдером, Киппаксом и т. д. Флаэрти и бровью не повел — записал всех. А потом так же спокойно делает перекличку и напоследок спрашивает: «А Билл Понсфорд здесь? Коли да, то команда в полном сборе, все одиннадцать, хоть на поле выходи!»

Вскоре помещения складов, берега реки, камеры в арестантском помещении и самый двор полицейского участка превратились во временные пристанища для сотен бродяг; городские жители, и без того подозрительно относившиеся к чужакам, стали жаловаться на всевозможные действительные и воображаемые преступления и требовали принятия решительных мер.

А тут еще начались массовые кражи овец. Скуоттер Флеминг обвинил в этом своих сограждан. Сержант Флаэрти либо не мог, либо не хотел обнаружить виновных, и это оказалось последним гвоздем, вбитым в крышку его гроба. Нет ничего опаснее, полагал скуоттер Флеминг, чем преступления против собственности: их следовало пресечь безотлагательно.

Когда Флаэрти был смещен, это принесло Флемингу удовлетворение и ощущение своей силы; и, пожалуй, только это помогало ему сейчас сдерживать гнев перед лицом столь явного нарушения Стерлингом правил, предписывающих уважать сильных мира сего.

— Машина вполне может остаться там, где стоит,— сказал Флеминг.

— Боюсь, что нет, сэр.

— Вам известно, кто я?

— Не имеет значения. Поставьте машину правильно.

Флеминг колебался. Он просто не мог припомнить, когда в последний раз ему отдавали приказания, не считая, разумеется, сварливой супруги. Наконец он медленно вернулся к машине. Стерлинг показал, как ее поставить, и, вежливо попрощавшись, двинулся дальше.

— Сержант! — окликнул его скуоттер.— Мое имя Флеминг. Нам надо бы поболтать кое о чем. Я зайду к вам в понедельник утром.

— Хорошо, сэр.

К несчастью для Стерлинга, единственным свидетелем небывалого зрелища — Флеминг, пострадавший за нарушение закона,— оказался Лори Дигдич, флеминговский друг-приятель, который очень забавлялся, наблюдая все происходившее из окна своей конторы; таким образом, этот факт не попал в поле зрения историков, описывавших ход войны Стерлинга против Бенсонс Велли.

Зажглись уличные фонари, и, словно по мановению волшебной палочки, темнота тут же окутала землю.

Сержант миновал здание почты, отодвинутое в глубь улицы, чтобы дать место памятнику павшим на войне; затем кооперативный магазин, у которого собрался местный духовой оркестр, готовый угостить город каким-нибудь музыкальным блюдом.

Тут же стояли кучкой зрители. Сержант подошел поближе и остановился, скрестив руки на груди.

— Добрый вечер, сержант! — поздоровался с ним капельмейстер, маленький человек со вздернутым носом и загнутыми кверху носками башмаков. Он воздел руки, призывая к порядку довольно-таки разношерстную компанию, составлявшую оркестр.— Мы начнем с песни «Снова в Бенсонс Велли». Это, знаете ли, оригинальное произведение, написанное специально по случаю торжеств в будущем месяце. Итак, раз, два, три!

Вняв команде, оркестр грянул в темпе марша:

Снова, снова в Бенсонс Велли возвратитесь!
Здесь здорово вы все повеселитесь!
Скорей же собирайтесь, собирайтесь к нам!
...А попадали ли вы задом в медвежий капкан?

Основой для шедевра, изготовленного руководителем оркестра, явно послужил довольно известный английский торжественный марш, столь часто оскверняемый пародистами (последняя строка, правда, звучала иначе, но в приведенной редакции так и просилась на язык — уж очень хорошо все знали пародию, откуда она взята).

Музыкальные же таланты капельмейстера, можно сказать, соответствовали мизерному вознаграждению, которое он получал от учеников за сомнительную честь обучиться игре на духовых инструментах.

Сержант Стерлинг вежливо слушал. Но скоро даже его неискушенное и не слишком музыкальное ухо почувствовало, что с оркестром дело неладно и причина тут не только в неумении музыкантов. Вон, например, тот рыжий парнишка; он так неистово дует в свой корнет, что того и гляди барабанные перепонки лопнут. Пиктон — Рыжая Макушка, ибо это был он — действительно довольно быстро освоил корнет, после того как его овдовевшая матушка наскребла денег на обучение сына в похвальной, хотя и тщетной надежде, что игра в оркестре немного отвлечет его от хулиганства.

Капельмейстер отбивал такт, пока терпение его не истощилось. Побагровев, он огрел Рыжую Макушку дирижерской палочкой. Рыжая Макушка дал деру, преследуемый по пятам взбешенным дирижером. Они промчались мимо кооперативного магазина, потом пустились вверх по переулку молочного завода.

Сержантом Стерлингом овладело искушение доказать, что его мастерство бегуна еще не все в прошлом; но он сдержался и продолжал свой обход, пока не достиг трактира «Королевский дуб». Дон Уотсон, отставной футболист из Мельбурна, покинул наблюдательный пост у поилки для скота и побежал

[1] Так в Австралии называют крупных фермеров.

[2] В Австралии считается, что чем шире поля шляпы у фермера, тем он богаче, тем больше овец на его ферме.

предупредить выпивающих в буфете[1] о приближении противника. Время, всегда безжалостное к спортсменам, заставило Дона Уотсона опуститься до профессии стоящего на стреме; его обязанностью было следить, чтобы пьющих в трактире после положенного часа не застигли на месте преступления.

Стерлинг вспомнил: «Королевский дуб» — главное место сборищ всяких правонарушителей. Он остановился на углу и осмотрел подступы к трактиру, заранее прикидывая возможности облавы на любителей выпить в неположенное время и на подпольных букмекеров. Крепость оказалась не столь неприступной; удовлетворенный осмотром, Стерлинг пересек боковую улицу и наткнулся на группу школьников, играющих в камушки на тротуаре перед кондитерской.

— Вы что делаете? — спросил он.

— В камушки играем,— бесхитростно сообщил один из мальчишек.

— На улице играть в камушки запрещается.

— Да неужели?!

— Мы каждую пятницу по вечерам здесь играем!

— А теперь вы больше здесь не будете играть!

Казалось, мальчишки собираются пренебречь его приказом; высокий подросток стоял в нерешительности, зажав камушек в руке.

— Сейчас же расходитесь,— повторил сержант.— Тротуары не место для игр!

Он обвел строгим взглядом всех мальчишек по очереди; они не устояли и обратились в бегство.

Стерлинг продолжал свой дружественный тур по городу. Площадка для гольфа, обнаружил он, находится в полном забросе. Он неохотно поставил это в заслугу городу, ибо в Мельбурне гольф стяжал дурную славу. Стерлингу было невдомек, что жителями Бенсонс Велли руководило вовсе не стремление к добродетели,— они просто не доверяли всяким модным веяниям и не увлекались спортивными играми.

Миновав торговый центр, сержант Стерлинг перешел дорогу и вновь направил шаги к Дому механика. На его ступенях несколько парней неумеренно заигрывали с двумя явно несовершеннолетними девицами. Стерлинг припомнил: судя по статистике, в Бенсонс Велли зарегистрировано наибольшее во всем штате Виктория число незамужних матерей. Он почувствовал соблазн задержать юнцов, однако решил отложить свое намерение на будущее, а для начала только ознакомиться с силами и расположением неприятеля.

Проходя мимо муниципалитета, Стерлинг вспомнил, что секретарем там состоит мистер Тай, с которым ему рекомендовали установить контакт. Может, удастся устроить так, чтобы Тай присутствовал при их разговоре с мистером Флемингом?

Наконец сержант очутился у высокого деревянного забора, отгораживающего какой-то пустырь. Вдруг послышался звон упавшей на асфальт монеты. Он порылся в кармане и с трудом пересчитал монеты при тусклом свете уличного фонаря. Стерлинг жил только на жалованье; ему приходилось вести строгий счет деньгам.

Странно, он мог поклясться, что слышал звон упавшей монеты... А вдруг он потерял шиллинг или шестипенсовик? Чиркнув спичкой, сержант нагнулся, собираясь обследовать тротуар.

Трудно сказать, кто из двоих испытал большее потрясение, когда глаза их неожиданно встретились сквозь дыру в заборе,— сержант или Рыжая Макушка — Пиктон, который, оставив с носом капельмейстера, присоединился к своим закадычным дружкам; а те развлекались излюбленной игрой под названием «урони монетку». Рыжая Макушка пустился бежать. Сержант, оказавшийся объектом этого специфически местного издевательства, потеряв голову от унижения, перелез через забор и бросился в погоню.

Рыжая Макушка обычно выходил победителем, удирая от кого-нибудь из своих многочисленных врагов; но тут он нарвался на профессионала. К тому же Пиктон, решив сбить Стерлинга со следа, свернул с Мэйн-стрит в фабричный переулок и тем совершил грубую тактическую ошибку. Переулок был ярко освещен; Стерлинг использовал это и уже не терял Рыжую Макушку из виду.

Стерлинг схватил беглеца за шиворот перед самой фабрикой, как раз у того цеха, где Том Роджерс, заступивший в ночную смену, работал у машины для сушки молока.

Стерлинг уже собрался записать фамилию и адрес Рыжей Макушки, но тут появился Том Роджерс. На нем были бумажные брюки и фланелевая рубашка. От долгих лет работы в духоте молочных и маслодельных фабрик лицо его приобрело мертвенно-бледный оттенок.

— Что случилось, сержант? — спросил он и, узнав, в чем дело, успокоительно заметил: — Ребята в нашем городе играют в эту игру уж не помню сколько лет; ничего, вы скоро привыкнете.

Не успел сержант ответить, как Рыжая Макушка вывернулся у него из рук и дал стрекача — только пятки засверкали.

На этот раз Стерлинг не стал за ним гнаться. Он холодно-вежливо попрощался с Томом Роджерсом и на всякий случай еще раз окинул его наметанным глазом полицейского.

Вернувшись на Мэйн-стрит, Стерлинг вновь пересек ее и прошел мимо универсального магазина. Именно сюда Флаэрти направлял бездельников, которым раздавал квитанции на пособие с такой легкостью, словно то были рекламные листки. Но теперь с этим покончено!

Сержант миновал газетный киоск и булочную, чувствуя на себе любопытные, а то и откровенно недружелюбные взгляды. Потом он оказался на углу переулка, у аптеки. По другую сторону находился «Гранд-отель». Сержант остановился, изучая оборонительные линии и возле этого трактира — заведения не столь широко известного, как «Королевский дуб», но также неблагонадежного по части торговли спиртным в недозволенное время.

Стерлинг сделал всего один шаг в сторону от тротуара и тут же взлетел в воздух, подброшенный передним колесом стремительно мчащегося велосипеда. Колесо разодрало ему брюки, руль больно врезался в бок. Быстро вскочив на ноги, Стерлинг пустился за велосипедистом через Мэйн-стрит и по переулку. Он мчался вихрем, хотя тяжелые башмаки мешали, и в отчаянном рывке ухватился за седло велосипеда и остановил его.

Кое-кто в городе, может, и поддержал бы Стерлинга, если бы он отдал под суд Рыжую Макушку — Пиктона за игру в «урони монетку»,— а именно это сержант и предполагал сделать, подобрав подходящий пункт закона. Но предъявить обвинение в езде без фар самому Алану Грину, который возвращался с тренировки, Алану Грину, который собирался выиграть велосипедные гонки Мельбурн — Балларат,— такой шаг Стерлинга всякий счел бы крайне неудачным началом!

Дома жена зачинила дыру на брюках сержанта и мазью растерла ему бок.

— Что же произошло? — возбужденно допытывалась она.

Насмотревшись голливудских фильмов, она изо всех сил старалась подражать изображаемым в них «боевым подругам» доблестных полицейских.

— Меня сшиб велосипедист, ехавший без фар,— ответил муж.

Обычно он не посвящал ее в подробности своей работы. Жена любила его, восхищалась им; он любил ее за это. Ему нравилось, что в семье у них не принято вспоминать о службе. Но сейчас он чувствовал: здесь, в Бенсонс Велли, ему скоро понадобится хоть кто-нибудь, кому можно довериться.

— Я думаю, тут был злой умысел, Барбара.

— О, дорогой! — воскликнула жена.— Умоляю, будь осторожен!

— Ладно, ладно,— ответил он, шутливо целуя ее в шею.

Ему захотелось приласкать жену; она с готовностью ответила на его нежность. Но мысли супруга были далеко.

Итак, неприятель вынудил его начать боевые действия, думал Стерлинг. Пришлось сразу раскрыть свои карты. Ну что же, теперь надо действовать стремительно, начать штурм, пока враг не мобилизовал силы.

---

[1] В часы, когда торговля алкогольными напитками запрещена, завсегдатаям подают спиртное во внутренних помещениях трактиров, которые называются «буфетами».

На следующий день сержант Стерлинг явился на службу спозаранок, и план наступления созрел у него еще до прихода констебля Лоутона — Промежду Прочим. Лоутону сержант сказал о своих планах не больше, чем тому следовало знать. Как сообщили Стерлингу в управлении полиции, Лоутон наравне с Флаэрти не гнушался даровой выпивкой в трактирах и был весьма снисходителен к подпольным букмекерам.

Сержант и Лоутон вышли из участка вместе. Начало дня оказалось богатым приключениями: на своем пути вверх, а затем вниз по Мэйн-стрит они предъявили обвинение в нарушении закона о стоянках ошеломленным водителям одиннадцати машин, двух грузовиков, возницам двенадцати фургонов с молоком и одной телеги.

Потом, уже в участке, Стерлинг сказал Лоутону:

— Сегодня после полудня устроим облаву на подпольных букмекеров.

— Ничего у вас не выйдет,— отвечал Лоутон.— У них, промежду прочим, везде люди на стреме. А если поймаете одного, других предупредят по телефону. Промежду прочим, то же самое с подпольной торговлей спиртным. Флаэрти сколько раз сообщал об этом на Рассел-стрит. Лучше бы вам обождать, когда прибудут переодетые сыщики.

— Все равно о сыщиках букмекерам тоже сообщат!

— Промежду прочим, промежду прочим...— забормотал Лоутон.— Вы на что же намекаете...

— Ни на что я не намекаю, только на то, что вам придется помочь мне навести порядок в этом городе.— Стерлинг отпер ящик стола и извлек папку.— Здесь у меня записаны подпольные букмекеры — все до одного.

Он стал излагать план, который позволит захватить букмекеров с поличным. Лоутон впал в уныние. Порядки, заведенные Флаэрти, вполне устраивали его. А теперь того и гляди придется выкладывать за пиво собственные денежки; конец случайным выпивкам, перепадавшим от букмекеров, конец фальшивым «лотереям», сбор которых поступал в пользу полиции; а главное, прощай благожелательная терпимость, с которой привыкли относиться к нему горожане. А ведь на одно жалованье констебля не проживешь, промежду прочим!

— Решено,— подытожил разговор Стерлинг.— Я займусь трактирщиком в Диллингли О'Коннелом, а вы — бакалейщиком Палмером, который орудует в бильярдной «Королевского дуба».— Он поднялся и добавил многозначительно: — И чтобы никаких таинственных исчезновений букмекеров! Я твердо решил устранить все, что стоит на пути закона и порядка в этом городе. И всех, кто потакает беззаконию!

— Нелегко их застукать! — сказал Лоутон и подумал: «А мне, промежду прочим, надо добиваться перевода, пока он и меня тоже не отправил в каталажку».

— Половина жалоб, приходивших на Рассел-стрит из Бенсонс Велли,— холодно заметил Стерлинг,— касалась подпольных букмекеров.

— А кто писал-то? Ханжи какие-нибудь...

— Не только ханжи. Матери и жены тех, кто даже пособие по безработице просаживает на скачках.

— А может быть, букмекеры сегодня не работают? Суббота ведь.

— Знаю я их жадность; именно субботу-то они и не пропустят. А мы нагрянем и застанем их врасплох.

Пока Лоутон нерешительно брел вниз по Мэйн-стрит, сержант Стерлинг отпер сейф, достал узел со старой одеждой, ботинки и переоделся в штатское. Он заменил каску потертой шляпой, пристроил под носом накладные усы; потом перелез забор позади участка и по переулку направился к мосту Диллингли.

Никем не узнанный, он вошел в бар трактирного заведения Данни О'Коннела. Взял кружку пива, поставил у самого Данни десять шиллингов на фаворита в скачках с барьерами и тут же арестовал трактирщика за незаконное содержание игорного дома.

Тем временем констебль Лоутон добрался до «Королевского дуба», колеблясь между страхом перед Стерлингом и надеждой, что не застанет там Палмера.

Но Палмер, по кличке Муммаша, остановил Лоутона уже у двери бара. Палмер жил один со своей мамашей, и из-за хронической шепелявости называл ее «муммашей» — отсюда и его кличка. Шепелявя больше обычного, он спросил Лоутона:

— Этот новый шобираетша наш накрыть, да, братец?

Маленький рост и верхняя губа, словно клюв, нависающая над нижней, делали Палмера похожим на хищную птицу.

Даже при милостивом правлении Флаэрти Палмер жил в вечном страхе перед арестом — боялся потерять место заведующего бакалейным отделением в кооперативном магазине; и все же жадность выгнала его из дому в этот день, несмотря на явную угрозу в лице Стерлинга.

— Собирается накрыть? Да ты уже накрыт! — сказал напрямик Лоутон.— Есть при тебе билетики, промежду прочим?

— Опомнишь, братец,— заныл Палмер.— Меня выштавят ш работы!

— Если я тебя отпущу, я сам вылечу со службы!

— Но я же штолько лет откупалшя...

— Не те времена; этот Стерлинг — крепкий орешек.

Весть о том, что предъявлены обвинения О'Коннелу и Палмеру, распространилась быстро, как пожар в зарослях. Остальные букмекеры в тот день прекратили свои операции, а в следующую субботу приняли все меры предосторожности; однако непредвиденный талант Стерлинга к перевоплощению и еще более неожиданное перерождение Лоутона — Промежду Прочим сделали свое дело. Очень скоро все подпольные букмекеры были привлечены к ответственности за нарушение закона об азартных играх, а трактирщики и кое-кто из их клиентов — за продажу и потребление спиртного в запрещенное законом время.

Люди стали поругивать нового полицейского, даже те, кому игра на скачках и частые выпивки были не по карману. Некоторым утешением, хотя и весьма слабым, явилось судебное преследование, возбужденное против мистера Тая: он попался в «Бридж-отеле», когда после карточной игры выпивал по давнему своему обыкновению с бильярдистами Клуба первых поселенцев[1]. Пока все пойманные на месте преступления протискивались к выходу, тщетно пытаясь скрыться, Арти Макинтош не выдержал — остановился позлорадствовать над Таем:

— Может, еще одну пропустите, мистер Тай? — выкрикнул он.

И тут же был арестован за излишнее усердие.

Следующими пострадали велосипедисты. Очень многие ездили без головных фар, а без задних — почти все. Стерлинг и Лоутон, казалось, успевали устроить засаду буквально за каждым деревом; вскоре все нарушители были занесены в список.

Репрессии против букмекеров привели к тому, что резко увеличилось число участников воскресных сборищ, где развлекались так называемой австралийской национальной игрой — попросту говоря, орлянкой. Играли на плато, расположенном над долиной; местность была открытая, это позволяло издали заметить приближение нежелательных лиц, вроде Стерлинга и Лоутона. Тщательно продуманная сеть наблюдательных постов в течение целых трех недель расстраивала воинственные планы нового полицейского. Каждый раз, приблизившись к месту предосудительных занятий, он заставал там только любителей футбола, лениво гоняющих мяч.

На четвертое воскресенье сигнальщик, стоявший у шоссе, заметил бегущего спортсмена, должно быть, участника какого-то кросса, в фуфайке, шортах и парусиновых туфлях; бегун, видимо, порядком выдохшийся, поднялся на холм и медленно затрусил через выгон. «Есть же такие идиоты на свете!» — подумал сигнальщик, когда спортсмен пробегал мимо. Сигнальщик разглядел очки, густые усы и свойственное бегунам на дальние дистанции стоически-измученное выражение лица.

Бегун миновал вторую линию стражей и очутился у самого круга играющих, не возбудив никаких подозрений. Он остановился и протолкался через кольцо игроков.

— Готово, мечи монеты! — выкрикнул ведущий игроку, у которого на ладони лежали две монетки.

Сержант Стерлинг — это и был бегун — арестовал обоих, а также кассира и конфисковал монеты как вещественное доказательство.

Вскоре пал жертвой Стерлинга и Рыжая Макушка — Пиктон; его задержали в то время, как он, сидя на крыше аристократического Клуба первых поселенцев, привязывал мешок к печной трубе бильярдного зала.

Правда, вслед за этим Стерлинг снискал расположение Флеминга и Дигдича, а может, и всего города: он арестовал пресловутого Дэйва О'Кифа за кражу овец.

И все-таки многие обитатели Бенсонс Велли упорно сомневались в чистоте намерений нового полицейского; они утвердились в этих сомнениях, когда он обратил внимание на «Тропу влюбленных». Тропинка эта вилась вдоль речки Диллингли, и ее часто посещали юные и не слишком юные влюбленные, питающие склонность к одному из немногих наслаждений, еще оставшихся нам в этой жизни. Стерлинг задержал там семь парочек, и даже то, что в числе их оказалась развращенная дочка директора банка, не повысило популярности сержанта.

Не довольствуясь преследованием представителей человеческого рода, Стерлинг обру-

---

[1] Членами его были люди состоятельные.

шился на городских собак. Он загнал всех незарегистрированных псов на птичий двор, пустовавший после того, как Флаэрти перед отъездом продал своих кур.

Все эти подвиги нового полицейского город наблюдал и оживленно обсуждал, но оставался покорным и разобщенным. Дело в том, что почти каждый арест, произведенный Стерлингом, у кого-нибудь да находил одобрение. Протестантские священники и некоторые прочие граждане, настроенные против азартных игр и пьянства, одобряли меры против букмекеров и трактирщиков. Владельцы машин поддерживали репрессии против велосипедистов, ездивших без фар. Те немногие, кто считал плотскую любовь греховной, тайно злорадствовали по поводу арестов на «Тропе влюбленных». Большинство признало правильным арест Дэйва О'Кифа. Не говоря уже о скуоттере Флеминге, чьи овцы оказались главными жертвами О'Кифа, многие другие жители были согласны в том, что Дэйв давно уже заслужил наказание за убийство своей жены, которое он, вне всякого сомнения, совершил, правда, несколько лет назад. Надо отдать О'Кифу должное: он отлично запрятал тело жены — вся полиция штата не сумела отыскать, да и свою собственную защиту на суде Дэйв вел умело. По правде говоря, скуоттер Флеминг как-нибудь переживет разлуку с одной-двумя сотнями овец. Другое дело — жена О'Кифа: это была совсем безобидная женщина, и Дэйв не имел права вот так просто взять и убить ее... Относительно Рыжего Пиктона всем пришлось согласиться: настало время, когда кто-нибудь должен был взнуздать мальчишку. И, уж конечно, никто не оплакивал арест Сопливого Коннорса за выпивки в буфете: его уже давно пора было посадить за пресмыкательство.

Однако известно: всякая тирания неизбежно приводит к объединению тех, кого она угнетает, если не между собой, то хотя бы против нее. Сержант Стерлинг не оказался исключением из этого общего правила.

Мелкие фермеры, рабочие и безработные довольно быстро сплотились против Стерлинга: слишком уж ретиво он выполнял свои обязанности при выселениях, взыскании долгов и денег по закладным; кроме того, он закрыл комитет союза безработных за нарушение «Правил санитарии и общественной безопасности» — там, видите ли, отсутствовал запасной пожарный выход и крыша малость протекала!

Сержант все еще пользовался благосклонностью местных воротил во главе со скуоттером Флемингом, Таем и Дигдичем, пока... пока, не ограничившись привлечением Тая за потребление спиртного после положенного часа, он не заарканил Лори Дигдича и прочих дельцов, приурочив свой налет на «Грандотель» к концу банкета членов Торговой палаты; пока он не арестовал сынка Флеминга, Чемми, за опасную езду, когда этот достойный юноша, заворачивая машину за угол между Мэйн-стрит и Диллингли-роуд, врезался в тротуар.

Стерлинг совершил еще две ошибки, которые в дальнейшем оказались роковыми. Он устроил облаву в Клубе масонов и задержал кое-кого из лучших местных ездоков на козлах[1] за употребление спиртного в помещении, не имеющем лицензии на торговлю напитками. Восхищенная этим подвигом, католическая церковь уже собралась встать под знамена сержанта, но в один воскресный вечер Стерлинг нагрянул туда в разгар карточного турнира и обвинил отца Бейли в содержании игорного дома!

Если у сержанта оставался хоть один друг в городе, то и этот друг с негодованием отступился от него, когда Стерлинг арестовал... не больше и не меньше, как самого Дарби Мунро![2]

Это была капля, переполнившая чашу!

Все так и звали его — Дарби Мунро. Он тоже называл себя Дарби Мунро, хотя и не отрицал, что Дарби Мунро, известный жокей, приходится ему братом. Он часто толковал о братьях и сестрах, хотя никто их никогда не видел: сам он, как известно, тоже никогда не отлучался из Бенсонс Велли и не получал писем.

Едва ли кто помнил, когда именно Дарби Мунро появился в городе; может, он тут всегда был? Никто не знал, сколько ему лет. Он работал за харчи и нищенскую плату у самых скаредных фермеров. Изредка сильно напивался. Одежда его всегда была в лохмотьях, борода грязная и сальная. Только ногти у него блистали чистотой: он имел привычку грызть их.

Местные жители ругали его, называли «распроклятым типом», насмехались над ним, рассказывали о нем анекдоты. Они считали его чем-то несуразным, вроде двухфунтовой банкноты[3]. Но он был старейшим жителем города, главной приманкой для туристов, талисманом, несущим счастье.

Да, Дарби Мунро давно превратился в легенду! Нельзя арестовать легенду и запрятать ее в тюрьму без права освобождения под залог.

Суд Бенсонс Велли находился в отвратительном строении из серого камня, возведенном руками первых заключенных; это был памятник бесчеловечного отношения человека к человеку.

В один из редких наездов окружной судья, к своему удивлению, обнаружил, что Стерлинг уже припас для окружного суда присяжных одно дело о краже овец, а для мирового суда — богатую коллекцию из ста одиннадцати более мелких дел. За все десять лет своего хозяйничанья Флаэрти не задавал столько работы суду!

Когда люди не в ладах с законом, они обычно его игнорируют. Именно так намеревался поступать весь город. Вряд ли хоть одна семья избежала сетей Стерлинга.

Ответ на первый естественно возникший вопрос — можно ли убедить нового полицейского прекратить дело? — был ясен для всех, кроме скуоттера Флеминга; тот прямо попросил Стерлинга снять обвинение с Флеминга-младшего. Стерлинг наотрез отказал; более того, он предостерег Флеминга: в случае, если тот будет настаивать, то сам попадет на скамью подсудимых по обвинению в попытке совратить полицейского чиновника со стези долга. Старый скуоттер был поражен до глубины души.

Он, Флеминг, старался отделаться от Флаэрти, который незаконно освобождал своих сограждан от ответственности перед законом; и Флеминг надеялся, что уж он-то и его близкие будут в безопасности, коль скоро Стерлинг станет честно внушать тем же согражданам уважение к закону. Флеминг рассуждал так: городу требуется одно из двух: либо честный полицейский, который бы держал в ежовых рукавицах низшие сословия (что Стерлинг и делал, надо отдать ему справедливость), либо нечестный, который закрывал бы глаза, если кто-нибудь из уважаемых граждан слегка погрешит против закона (что Флаэрти и делал, надо отдать и ему справедливость); одна беда — очень уж широко Флаэрти толковал понятие «уважаемый гражданин».

Второй вопрос, возникший в связи с грядущим великим судилищем, касался адвоката. Разумеется, жители Бенсонс Велли знали преимущества законного представительства. Но местным орлом-законником являлся Никольсон, прозванный Прыгунчик Джек за сходство с неким мельбурнским сумасшедшим, прославившимся под тем же именем; этот сумасшедший имел обыкновение писать на груди каким-то светящимся составом призыв: «Будь готов встретить смертный час!» Напугав этим одинокого прохожего, он отпрыгивал в сторону — ну, точно Никольсон, с его прыгающей походкой! Так вот, Прыгунчику Никольсону не часто случалось выступать в суде, а чтобы он выиграл дело,— о таком никто не слыхал.

Поэтому большинство решило обойтись без адвоката. Дэйв О'Киф намеревался защищаться сам, из чистого принципа, он всегда выступал собственным защитником, даже когда его обвинили в убийстве; а кража овец, рассудил Дэйв,— скорее традиционная местная забава, чем преступление; ведь именно эта забава заложила в свое время фундамент благосостояния семьи Флемингов! Тай и Дигдич все же примкнули к тем немногим, кто нанял Прыгунчика Джека.

У сержанта Стерлинга теперь в городе остался единственный верный сторонник — адвокат Никольсон. Никогда еще у Прыгунчика Джека дела не шли так хорошо. Скоро он загребет кучу денег, а до этого предстанет во всем блеске перед огромной аудиторией!

Когда адвокат подошел к ограде суда, группа ответчиков и зрителей уважительно расступилась. Никольсон один не выказывал никакого трепета перед лицом закона. Бойко подпрыгивая, он направился в здание.

Скуоттер Флеминг, твердо решив посрамить Стерлинга, пригласил адвоката из Мельбурна. Ни разу со времени последнего пожара в зарослях не были Флемингу и его сыну так близки их сограждане: ведь сейчас им снова угрожал общий враг.

Констебль Лоутон отворил скрипучую дверь, и люди гуськом потянулись в холодное, внушающее невольный страх помещение, где всего лишь сто лет назад приговаривали к телесным наказаниям за проступки куда менее серьезные, чем те, о которых речь пойдет сегодня.

Прыгунчик Джек сел за стол рядом с сержантом Стерлингом, лицом к возвышению, где было место судьи.

Судья появился из внутренних помещений. Лоутон — Промежду Прочим возвысил голос, и весь зал встал. Судья, маленький человечек, с хитровато косящим левым глазом, облаченный в поношенную черную мантию, занял свое место.

Первым слушались дела о подпольных азартных играх. Но адвокат выступал в защиту только одного из букмекеров, Муммаши-Палмера. Трое даже не соблаговолили явиться, полагаясь на надежное, неоднократно проверенное правило: если букмекер попался в первый раз, ему нечего особенно беспокоиться. Данни О'Коннел решил защищаться сам и ничего не потерял, надо сказать.

Прыгунчик Джек начал с того, что яркими красками расписал солидное положение, занимаемое Муммашей-Палмером среди граждан Бенсонс Велли.

— Тем больше оснований, мистер Никольсон, чтобы он показывал пример достойного поведения,— ехидно вставил судья.— Мы имеем показания констебля Лоутона: он обнаружил у подсудимого билетики, выдаваемые в удостоверение того, что сделана ставка на скачки.

— Ваша милость,— отвечал Прыгунчик Джек тем тоном раболепия, которым всегда в совершенстве владели одни юристы, да еще в свое время Урия Гипп.— Я смею почтительно указать, что человек такого общественного положения, как мой подзащитный, при всем желании не мог...

— Не должен был, хотите вы сказать! — сурово, без оттенка иронии, как и надлежит полицейскому обвинителю, прервал Никольсона сержант Стерлинг.— Улики ясны и неопровержимы.

Палмер попробовал вывернуться, сославшись на возможную ошибку в установлении личности.

— Кто-нибудь другой дал конштеблю эти билетики,— сказал он.

— Валяй, Муммаша! — заорал с места Арти Макинтош.

Судья призвал его к порядку.

Приговор Муммаше-Палмеру гласил: штраф в пятьдесят фунтов и предупреждение — в случае повторного ареста по такому же поводу последует немедленное заключение в тюрьму, без замены штрафом.

Окончание следует.

---

[1] Членами масонских лож обычно являлись люди состоятельные. Простой народ окрестил их «ездоками на козле», утверждая, будто от каждого желающего вступить в масоны требуют проехать определенное расстояние на козле.

[2] Так звали знаменитого в то время австралийского жокея.

[3] Двухфунтовой банкноты не бывает; есть банкноты в 1 фунт, 5 фунтов и т. д.

Г. ВЛАДИМИРОВА, А. ГОСТЕВ

ВЕСЕЛЫЙ

Сделать первый шаг всегда очень трудно.

Одна из лучших хозяек птичьего городка, Евдокия Ивановна Колесникова, и ее воспитанница Валя Железнякова.

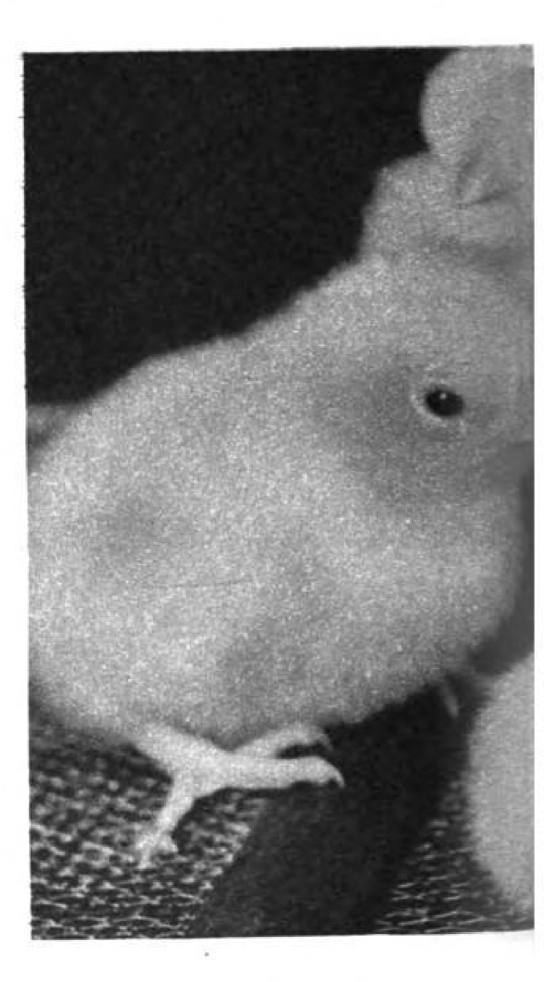

Раиса Сибирова — главная «соперница» Колесниковой. У нее сейчас одна забота — как опередить Евдокию Ивановну.

Недалеко от Ессентуков, на живописных холмах и лужайках, с которых прекрасно обозревается величественный Эльбрус, расположился птичий городок. Называется он весело и жизнерадостно: «Ясная Поляна». Горластое и беспокойное население его чрезвычайно многочисленно, исчисляется сотнями тысяч.

Как и в каждом городке, есть в нем дома, прогулочные площадки в окружении акаций, «ясли», «детсад», фабрика-кухня, цех антибиотиков, «родильный дом» и даже летние лагеря для петушков-подростков под горой Дубровной. И, как у каждого городка, в нем свои особенности и свои законы.

Стоят, например, на его дорогах шлагбаумы. Они пропускают на территорию далеко не каждого. А что касается машин, то им разрешается въезд только по особой визе. Другая особенность городка — чревоугодничество. Сотни тонн самых различных продуктов поедают его жители каждый день, и приходится удивляться их привередливости. В меню входит свыше двадцати разных высококалорийных яств. К витаминам они далеко не безразличны, а без рыбьего жира и вовсе не могут обойтись. Малыши, как и все малыши на свете, предпочитают молоко. Излюбленное же лакомство взрослых — соленая килька.

Молодые литераторы села Вороновицы

В садах, в окаймлении лиственного леса, лежит село Вороновица. Это то самое село, которое пересекают шоссейная магистраль из Винницы на Немиров и узкоколейная дорога из Гайворона на Винницу.

Добрая, хотя и не шумная, слава идет по Винничине о Вороновице. И совсем не удивительно, что в таком селе есть свои поэты, прозаики, переводчики. Недавно в Вороновице создано литературное объединение. В его состав вошли учитель вечерней школы Дмитро Маюк, учителя средней школы Василь Великород, Микола Веретинский, Микола Поляковский, работница сахарного завода Надежда Зборовская.

Дмитро Маюк перевел на украинский язык сборник рассказов Алексея Толстого, изданный Гослитиздатом Украины. Стихи В. Великорода, Н. Зборовской, М. Веретинского, М. Поляковского часто печатаются на страницах областных и межрайонной газет.

Члены литобъединения помогают местной стенной печати, занимаются распространением литературно-художественных журналов, пропагандируют лучшие произведения советской и зарубежной литературы.

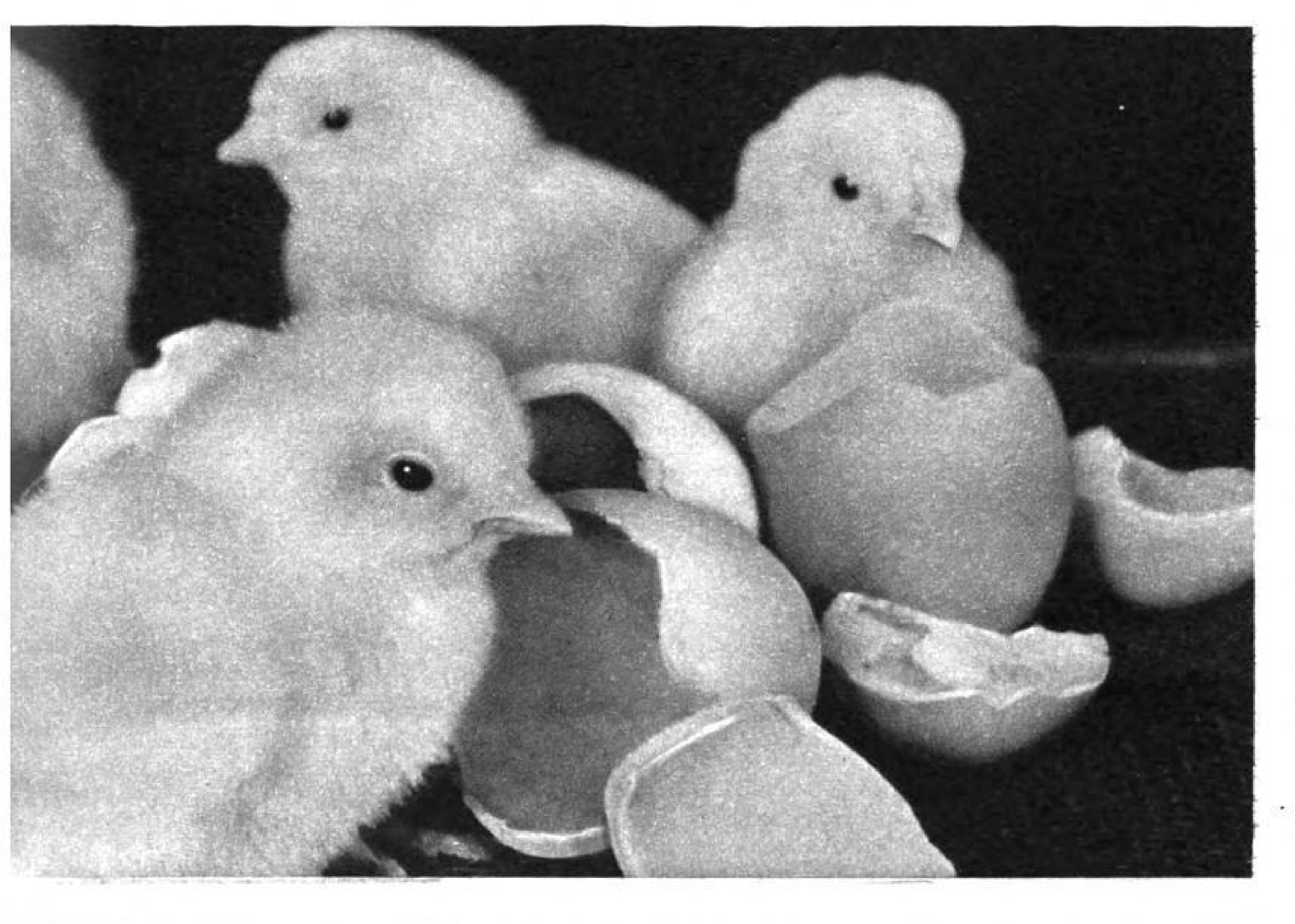
Предлагаем вниманию читателей стихи начинающих литераторов села Вороновицы.

Иван СТАДНЮК

ГОРОДОК

Снесла курочка яичко. Какое оно: «золотое» или простое? Всего же городок сдал в 1962 году уже свыше девяти миллионов яиц.

БЕССМЕРТЬЕ

Василь ВЕЛИКОРОД

Шла весна землей в цветах
и росах,
Грозами взрывая
Тишину.
Синеглазы и русоволосы,
Мы в окопах слушали весну.
И кукушка —
Светлая вещунья,
То приблизясь,
То уйдя во тьму,
Куковала,
будто бы врачуя,
Долги годы
другу моему.
Друг считал,
Кукушка ликовала,
Май вокруг беспечный ликовал.

Вдруг во мгле,
Горячей до накала,
Вражий пулемет закуковал.
Птица серая,
Ах, если бы ты знала,
Ты б, наверно, плакала навзрыд:
Мне пришлось
пилоткой полинялой
В том бою
Глаза ему закрыть.
Многовато лет наобещала.
Но увяла
Вешняя трава...

Ты ему
бессмертье предвещала,
Значит, ты
тогда была права.

РАССВЕТЫ

Микола ВЕРЕТИНСКИЙ

На судьбу жестокую не сетуй,
Я иной мечтою дорожу.
Ухожу я
В синие рассветы,
Словно снова
в счастье ухожу.

В те края,
Где шелестит бессонно
Над полями
Ясный небосвод,
Где
в рассветной мгле
по горизонту
Тоненькая девушка идет,
У которой губы,
Словно август,

Теплый весь,
Вишневый от жары.
А в глазах колышутся гривасто
Синие
Высокие костры.
...Ты не жди меня и в этот
вечер,
На иные зори я гляжу.
Я к тебе
Не выхожу
навстречу —
Я в рассветы эти
Выхожу.

Перевел с украинского
Анатолий ЗАЯЦ.

Давид МАРКИШ

Фото М. НАЧИНКИНА.

Пятеро у самого неба

Пик Академии наук. Что там, наверху?

Медленно плывет ледник внизу, под ригелем. Сверху он кажется аккуратно разрезанным на девять белоснежных ломтей восемью черными моренами. Медленно течет великий ледник Федченко, течет, повинуясь законам самой ординарной речушки: в середине быстрей, чем у берегов, в глубине — медленней, чем на поверхности. На его излучине стоит гидрометеостанция — ГМС, чуть выше подножия пика Академии наук, не покоренного еще человеком. Небо здесь рядом — оно лежит на твоих плечах.

Пять человек живут и работают у самого неба. Правда, в течение этой недели нас было семеро. Но мы, корреспонденты «Огонька», были лишь гостями...

* * *

— Будь он неладен, этот снегопункт! — захлопнул журнал Анатолий Якубов.

Месячный отчет о работе станции «Ледник Федченко» закончен. Здесь результаты четырехсот измерений, произведенных за минувший месяц. Ведь данные, полученные на ГМС «Ледник Федченко», исключительно ценны: они влияют на составление метеокарт всего Памира... Показания самописцев-барографов, гидрографов и термографов. И — совсем особняком — гляциологические данные: о скорости движения ледника, о его таянии, о плотности ледяной корки—фирна. Эти данные собираются на противоположном берегу ледника, на снеговом пункте, будь он трижды неладен!

Чем же не угодил этот снегопункт «президенту» снежной республики Федченко, как его называют друзья, Анатолию Якубову?

Несколько дней назад он, Толя Якубов, молодой начальник гидрометеостанции, и дозиметрист Джумакадыр Байганалиев, а попросту Джума, вышли на снегопункт. Небо мутное, ненадежное, снежок вертится между скал. Надели лыжи и пошли. Снег над трещинами желтее, чем вокруг, можно обходить щели. Часа через три благополучно вышли к снегопункту. С верховьев ледника резко задул ветер, пик Гармо закрылся снежной пеленой. Можно ожидать, что снегопад придет и сюда.

Так оно и случилось, когда зимовщики собрали данные и двинулись в обратный путь.

— Метров сорок в секунду будет,— определил скорость ветра Толя. Он шел впереди, Джума с рюкзаком — следом за ним. Шли осторожно, ощупывая и обходя щели. Темные очки мешали всматриваться. Толя снял их и положил в карман. Ему было жарко.

Джума шел за начальником, держа интервал в пять метров. Толина спина, обтянутая бело-голубой штурмовкой, была еле различима. И вдруг ее не стало видно вовсе. Джума остановился как вкопанный: снизу, из-подо льда, донесся крик...

Джума сбросил рюкзак, лег на снег и пополз. Трещина, в которую провалился его друг, была неглубока — не больше десяти метров.

— Якуб! — закричал Джума, заглядывая в щель.— Жив?..

Якубов был жив, но дела его обстояли неважно. Трещина представляла собою конусообразную щель, сужавшуюся книзу, и руки Толи, падавшего «солдатиком», оказались прижатыми к телу и заклиненными. Джума, не знавший этого, размотал веревку и бросил конец.

— Держи!

Но держать было нечем. Конец плясал у самого Толиного лица, можно было дотянуться до него зубами.

«Может быть?..» — Толя вспомнил случай, происшедший здесь несколько лет назад с одним из зимовщиков. Он так же вот упал в трещину, так же бросили ему веревку. Не сдержавшись, зимовщик взял зубами узел — и на поверхность вытащили только одни зубы... Нет, он не схватит веревку зубами. Спокойно! Он жив, и кости, кажется, все целы... Толя с трудом повернул голову.

— Меня заклинило!

Теперь Джума знал, что делать. Он размотал веревку во всю длину и, обмотав один ее конец вокруг большого камня, другой бросил в щель. Надел на руку ледоруб и медленно стал спускаться... В трещине было тихо, не слепила пурга, мягко светились зеленоватые стены. Джума ощупал Анатолия — цел! — и стал вырубать лед вокруг его рук. Работа была тяжелая, веревка резала под мышками, и с дыханием что-то неважно. А Толя морщился от боли: ушибся, видимо, здорово.

Джума не знал, сколько времени он рубил лед в щели. Только когда он вытащил друга наверх, уже темнело. А когда задыхающийся под тяжестью Анатолия Джума добрался до подножия каменной гряды, на которой стоит станция, было совсем темно.

Назавтра на станции отлеживались двое: Анатолий лечил ушибы, Джума пил валидол — после внеплановой нагрузки шалило сердце. Ведь на такой высоте каждое лишнее движение надо учитывать...

Вот почему Якубов имел основания предъявлять свои претензии к снегопункту. Но так или иначе, месячный отчет был составлен, Толины ушибы зажили, а сердце Джумы вернулось к прежнему ритму.

Два года назад Анатолий не чаял попасть на ледник. Он заканчивал геолого-географический факультет Томского университета, и место распределения было для него загадкой. Попав во Фрунзе, он предпочел кабинетной деятельности работу на ГМС «Ледник Федченко». И он не жалеет об этом.

Теперь он поглаживает окладистую бороду и говорит, мечтательно прищурив глаза:

— Очень хочется в Антарктиду. Уже заявление написал. Как вы думаете, пошлют?

* * *

Когда наступает утро, первым окрашивается солнцем пик Гармо. И медленно меркнет утренняя звезда Чолпон — Венера над его головой. Станция еще лежит в тени. А через полчаса свет наступающего дня приходит и к ней.

— Опять кричал,— говорит Джума, завязывая шнурки на своих горных ботинках.— Точно тебе говорю — кричал.

Да я и сам слышал «его» нынче ночью. Я уже укладывался спать, когда в кубрик ворвался зимовщик Ваня Лазарев.

— Надевай ватник! Быстрей! Кричит!..

Крик доносился с пика Академии наук. Тоскливый голос пронизывал тьму и леденил кровь. Разум ясно говорил, что это всего лишь ветер свистит в ледоломе, но душа хотела иного, загадочного...

— Это снежный человек,— интригует нас Джума.— Точно говорю. Давайте сегодня на «Академию» залезем, интервью у него возьмем.

Все смеются: никому еще не удалось покорить пик Академии наук.

Все они романтики. Радист Витя Артюшенко тайно сочиняет стихи. Ваня Лазарев рисует. Джумакадыр Байганалиев пишет стихи и песни. В отличие от Вани он не скрывает своего увлечения и часто по вечерам поет нам только что сочиненные песни.

Джума — самый старший на станции: ему уже исполнилось тридцать лет. Он окончил Фрунзенский университет и с увлечением работает на леднике дозиметристом. Но зимовщики представили нам Джуму как поэта:

— Он будет писателем. Это дело решенное.

Джума написал на леднике пьесу, она называется «Грустное ущелье». Речь там идет о пятнадцатилетней девочке, которую насильно хотят выдать замуж. А девочка эта мечтает учиться... И вот приходят люди, которые вмешиваются в ее судьбу, помогают ей, побеждают бай-манапские пережитки, сохранившиеся в Грустном ущелье.

— С натуры писал,— говорит Джума.

Мы догадываемся, что одним из тех, кто вмешался в судьбу девочки, был сам Джума Байганалиев.

— Приеду во Фрунзе,— Джума трясет толстой пачкой мелко исписанных листов,— покажу писателям.

* * *

Наверху, над станцией, прячется маленькое озеро. С его берега виден почти весь ледник: с перевала Абду-Кагор, где он берет начало, до Чертова Гроба. Наверх нас ведет еще один из славной пятерки, зимовщик Костя Новгородский.

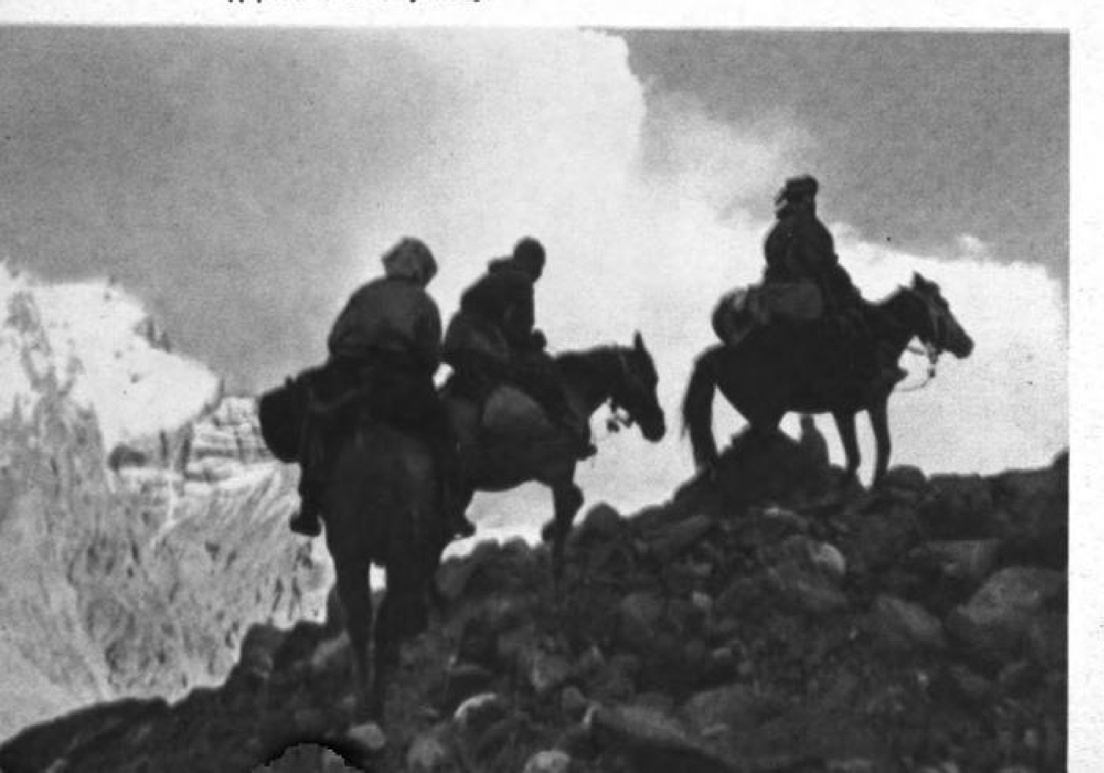
Лица у всех закрыты марлевыми масками, защищающими от солнца, поверх них — темные очки. Дышать тяжело: не хватает кислорода. Высота — около пяти тысяч метров.

Костя зимует здесь уже второй год и отлично знает окрестности. Он повар. Руки у него умелые, он работал прежде в столичном ресторане «Сусамыр», потом и в армии не изменил своей профессии. А теперь Костя готовится передать белый поварской колпак

Гелиограф работает на полную мощность,— солнца леднику Федченко не занимать.

Река? Нет, ледник Федченко.

Дорога к самому небу.

День начинается так...

Анатолий Якубов, начальник ГМС. По совместительству «президент ледяной республики» Федченко.

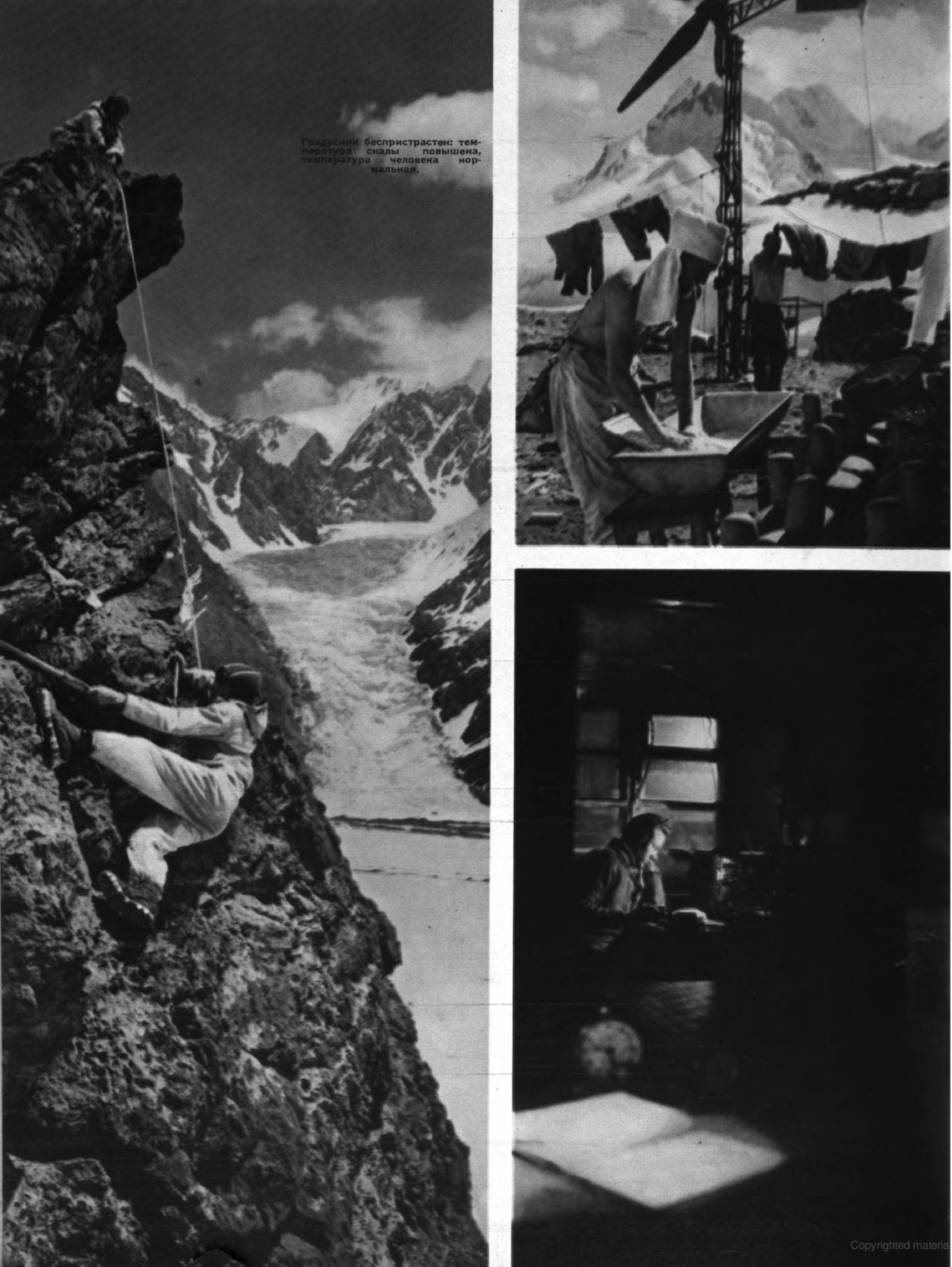

Не волнуйтесь, они вернулись благополучно.

Не мытьем — так катаньем, не по снегу — так по скалам.

Градусник беспристрастен: температура скалы повышена, температура человека нормальная.

На станции аврал. Сегодня стирка.

неведомому пока преемнику. Скоро приедет на ГМС инструктор, примет у Кости экзамен, и станет Костя радистом-наблюдателем. Он выучился этому делу здесь, на леднике. Ему помогали все радисты. Объясняли книжную премудрость, показывали, как работать с аппаратурой.

А повар Костя замечательный! Хотя обходится тем, что есть под рукой,— жарит картошку, варит рисовую и манную каши, суп из мясной тушенки. Вода закипает здесь при 65—70 градусах. Нужно обладать незаурядным терпением, чтобы разварить как следует рис или пшено. Зимовщики не жалуются: у Кости есть терпение...

Над ледником задымилась пурга. Но мы твердо решили выполнить задуманное и упрямо лезем вверх. Часа через полтора достигаем круглой вершины; снега здесь нет: он сдут ветром. Сносим к центру площадки крупные серые камни и складываем из них пирамиду. Внутрь пирамиды кладем железную банку, принесенную со станции. В ней карандаш, блокнот, коробка фотопленки и записка:

«Всем журналистам, которые придут сюда вслед за нами.

Первыми на ГМС «Ледник Федченко» побывали корреспонденты журнала «Огонек». Желаем вам, друзья, счастливой работы».

* * *

Прогноз погоды, составленный накануне Толей Якубовым по показаниям барометра, был, очевидно, наиболее точным за все тридцать лет существования станции: пурга бушевала вовсю. Но командировка кончалась, и нам надо было спускаться вниз. Джума пошел нас проводить.

Когда спустились к леднику, разделили на троих самое ценное — катушки отснятой фотопленки — и связались веревкой. Первым в связке шел Джума. Трещины попадались через каждые пять метров. Большие и маленькие, они рассекали ледник вдоль и поперек.

— Лучше падать в большую,— с философским спокойствием заметил Джума.— Там можно отделаться ушибами. А в маленькой хуже: сломаешь ноги.

Большие трещины мы переползали по-пластунски. В маленькие проваливались, но судьба была расположена к нам: мы отделались благополучно.

Не знаю, сколько времени продолжался наш путь, только вдруг внезапно показались синие просветы на небе и исчезла пурга. Склоны гор, громоздящихся по бокам ледника, зазеленели травой.

Мы медленно входили в лето...

«Передает ледник Федченко!» У аппарата Иван Лазарев.

ШАХМАТЫ

Под редакцией международного гроссмейстера С. ФЛОРА.

Продолжение следует?..

М. БОТВИННИК,
чемпион мира

В № 45 журнала «Огонек» была напечатана статья международного гроссмейстера С. Флора «Ботвинник дает Фишеру фору», в которой рассказывалось о соревнованиях сильнейших шахматных команд и о центральном событии этих соревнований — встрече чемпиона мира М. Ботвинника с молодым американским гроссмейстером Р. Фишером. Эта партия, насыщенная до предела драматическими событиями, привлекла к себе всеобщее внимание как у нас, так и за рубежом. Как оказалось, придает ей большое значение и сам Ботвинник. Чемпион мира представил редакции свои весьма интересные комментарии, вводящие нас в творческую лабораторию шахматиста.

На доигрывание мы шли вместе с нашим капитаном Л. Абрамовым. «Так каковы итоги анализа?» — спросил он. «Пешки нет, но если Фишер записал сильнейший ход 45... Лс5, шансы на ничью велики: именно этот ход хорошо проанализирован»...

Все шло по плану. Судья Л. Бонева (одна из сильнейших шахматисток Болгарии) вскрыла конверт и сделала ход за черных. Моего партнера не было: он по привычке опаздывал. Итак,

45... Лс7 — с5

В первом ходе мы не ошиблись. Но как будет дальше? Анализировали ли американцы план, предложенный Е. Геллером? Поскольку моего партнера все еще не было, судья предложила мне, в соответствии с правилами, записать очередной ход на бланке (но не делать его на доске) и пустить часы черных.

Вскоре появился в зале Р. Фишер. С удивлением уставился он на доску, заметил, что ход белых не сделан, а идут часы черных, и раздраженно, со стуком пустил часы белых... Л. Бонева хладнокровно перевела часы обратно, а затем продемонстрировала Фишеру записанный на бланке ход белых

46. Лf3 — f7 ...

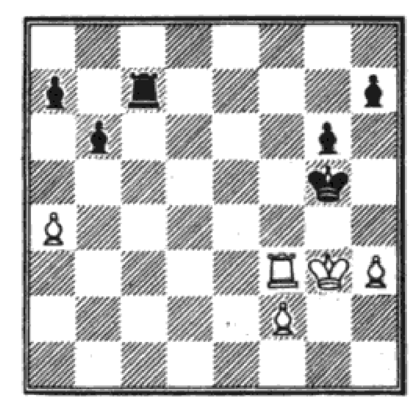
И доигрывание началось.

Ход 46. Лf7 и явился началом плана, предложенного Е. Геллером. Идею этого плана одесский гроссмейстер нашел с удивительной быстротой еще в ресторане во время ужина. Но «оформление» идеи оказалось делом весьма хлопотным. Лишь к 3 часам ночи удалось найти логичное продолжение за черных, а в 4 часа 30 минут — хитрую жертву пешки, что оказалось единственным спасением за белых. Лишь в 5 часов 30 минут мы расстались с тренером команды С. Фурманом... Последовало

46... Лс5 — а5
47. Лf7 : h7 Ла5 : а4
48. h3 — h4+ Крg5 — f5

Все это было разыграно столь быстро, что сомнений не было: американцы предвидели план защиты, связанный с разменом пешки а4 на пешку h7. Иначе бы черные вряд ли отказались от искушения обдумать продвижение связанных проходных пешек путем 48... Крf6 49. Лb7! Ла5 50. Крg4 b5 51. f4 а6 — хотя именно здесь белые добивались ничьей — 52. Лb6+ Крf7 53. Лb7+. Но осталась еще одна надежда сделать легкую ничью: нашел ли Фишер в анализе хитроумную жертву пешки?

49. Лh7 — f7 + Крf5 — е5
50. Лf7 — g7 Ла4 — а1!

Ладья здесь стоит отлично. Сейчас косвенно защищена пешка g6, а если белые играют 51. Крg2, одновременно возобновляя нападение на пешку g6 и контролируя важное поле h1, весьма неприятно 51... Крf5 52. Лf7 + Крg4.

51. Крg3 — f3

Критический момент! Когда партия была доиграна, было установлено, что черные могли здесь доставить белым немало неприятностей. Но, увы, американский гроссмейстер не достиг еще подлинного мастерства в искусстве анализа. Он не разглядел скрытой западни и все в том же молниеносном стиле сыграл

51... b6 — b5

В случае 52. Л : g6 b4 черные легко выигрывают с помощью двух связанных проходных пешек. Однако именно ход 51... b5 ведет к легкой ничьей.

52. h 4—h5! ...

Когда этот ход был сделан, все стало очевидным: вместо связанных проходных пешек черные получают крайние пешки а и h, что ведет к ничейной позиции, давно известной в теории эндшпиля. Однако найти этот ход нелегко: вместо того, чтобы взять пешку g6, белые еще жертвуют пешку h4, казалось бы, единственную свою надежду!..

Мой партнер стал в этот момент мертвенно-бледным и надолго задумался. По существу, на этом партия закончилась.

52... Ла1 — а3 +
53. Крf3—g2 g6 : h5
54. Лg7 — g5 + Крe5 — d6
55. Лg5 : b5

и на 68-м ходу была зафиксирована ничья.

Но лишь после партии началась настоящая «работа». Мог ли выиграть Р. Фишер, если бы не ошибся на 51-м ходу?

Американцы нашли ход 51... Крd5 и направили к Геллеру в качестве парламентера гроссмейстера Эванса. Он спросил: «Как в этом случае советские гроссмейстеры собирались делать ничью?»

Следует признать, что ответ на этот вопрос был не из легких. Примерно лишь через неделю (заключительный анализ был проведен в самолете с участием П. Кереса, Б. Спасского, М. Таля и С. Фурмана) было установлено, что после 51... Крd5 52. Л : g6 b5 53. Крe3 а5 54. Крd3 Ла3+ 55. Крc2 Ла2+ 56. Крc3 Л : f2 57. Лg5+Крc6 58. Лg6+Крd7 59. Лg7+Крe6 60. Ла7 белые должны все же сделать ничью. Казалось, что все ясно... Но увы! 29 октября после встречи в голландском аэропорту Схипхол с д-ром М. Эйве я получил неожиданный удар. Эйве, сидя за рулем своего «фольксвагена», весело бежавшего по автостраде, ведущей к Амстердаму, внезапно спросил меня: «А как бы белые делали ничью в случае 51... Крd4? Ведь тогда перевод белого короля на ферзевый фланг стал бы невозможен».

Три дня я безуспешно искал спасения для белых. Эти поиски пришлось прекратить лишь на время сеанса одновременной игры в Гааге. Наконец в Аалсмере на церемонии открытия выставки цветов во время речей, которых я не понимал, так как не знаю голландского языка, была найдена интересная идея, а именно: (51... Крd4) 52. Л : g6 b5 53. h5 b4 54. Крg2 b3 55. h6 b2 56. h7 Лh1 57. Кр : h1 b1Ф + 58. Крh2 Фb8 + 59. Крg1 Фh8 60. Лg4 + Крc3 61. Лh4 а5 62. Крg2 Крb3 63. Лh3+ Крc2 64. Лh4. Белые шахами отгоняют черного короля от поля а4, а в случае размена пешек а и h они имеют шанс получить теоретически ничейную позицию, если им удастся установить ладью на поле е3 или g3... Этот маневр я и нашел во время речи председателя цветоводов Голландии.

Но уже в Москве, в шахматном клубе, было установлено, что белые не успевают в этом варианте причалить к теоретически ничейной гавани. Черные продолжают здесь (после 64. Лh4) 64... а4! 65. Л : а4 Фg7+! 66. Крf1 Ф : h7 67. Ла2+Крb3, и белая ладья не попадает на поле е3 или g3. Или 66. Лg4 Фh3+ 67. Лg2 Крd2 68. Крg1 Крe1, и черные выигрывают.

Так неужели же отложенная позиция была проигранной? Неужели я ошибся в оценке позиции?.. Или блестящая идея Геллера неверна?

Но топор был все же найден — он оказался под лавкой! Оказывается, несущественно, как играют черные — 51... Крd5 или Крd4. Например, 51... Крd4 52. Л : g6 b5 53. h5 b4 54. h6 Лh1 (Приходится! Вся соль в том, что после 54... b3 55. Лg4+! Крd3 56. Лb4 Крc2 57. Лc4+Крd3 58. Лb4 Крc3 59. Лh4 или 54... b3 55. Лg4+ Крc5 56. Лg5+ Крb4 57. Лg4+ Крa3 58. Лh4 b2 — 58... Лc1 59. h7 Лc8 60. h8Ф Л : h8 61. Л : h8 а5 62. Крe2 — 59. h7 b1Ф 60. h8Ф черные не могут выиграть, так как черный король ограничивает свою же ладью.) 55. Крg2 Лh5 56. Ла6 b3 57. Л : а7 Л : h6 58. Лb7 Крc4 59. Крf3 Лc6 60. Крe3 Крc3 61. f4 Лc5 62. Крf3 b2 (62... Лc4 63. f5 b2 64. f6 Лc6 65. f7 Лf6 + 66. Крe3) 63. Л : b2 Кр : b2 64. Крe4, и пешка f должна спасти белых.

Итак, как будто все в порядке: консилиум советских гроссмейстеров в Золотых песках поставил правильный диагноз! Верно ли это? Поживем — увидим!

В заключение можно отметить, что это окончание произвело удивительное воздействие на шахматный мир. Роберт Фишер сыграл с советскими гроссмейстерами уже несколько десятков партий и без особого успеха; тем не менее авторитет Фишера был необычайно силен, и многие на Западе поддерживали американца в его требованиях играть матч на первенство мира вне очереди. Но достаточно было Р. Фишеру свести этот эндшпиль, который он и не должен был выиграть, вничью, как многие, и очень многие, от него отвернулись, и, несомненно, теперь Фишеру придется встать в очередь...

Что же, ему всего лишь 19 лет,— торопиться некуда!

Анатолий ТКАЧЕНКО

ЖИВ

Окончание. См. «Огонек» №№ 49, 50.

ТАК БЫЛО...

(Воспоминание третье)

Мать рассказывала:

В 1900 году, отбыв семь лет каторги, отец вышел на вольное поселение. От казны получил корову, мешок картошки, мешок зерна и топор — на обзаведение. Попросил и сожительницу. Каторжанка Марья пришла с узелком, когда у отца сруб из свежих лиственничных бревен поднялся выше головы. Он шагнул к будущему порогу, развел руками и сказал: «Проходи, Марья, хозяйкой будешь». Она прошла, оглядела стены, ткнула пальцем в паз, заделанный зеленым мохом, и принялась собирать щепки. Растопила посреди избы костер, вынула начищенную песком банку и сходила за водой. Скоро была готова пшенная каша — из Марьиных запасов. Поели молча, а потом вдвоем принялись поднимать сырые бревна на сруб. Работали до звезд и вместе легли спать на стружках в углу.

Утром встал отец и увидел: его единственная рубашка сушится на веревке и посреди избы горит огонь.

Снова была пшенная каша, и снова ели ее молча. Отец думал: «Как же она сняла рубашку со спящего?..» Но не спросил. Весь день чистая рубашка пахла мылом, холодила грудь и спину. И опять была ночь, звездная, холодная, и они спали на стружках.

Изба потихоньку росла на бугре у речки, поодаль от поселка и каторги. Отец не ходил в поселок и Марью не пускал: решил сам, своим горбом устроиться, надышаться свободой. Его не трогали, не трогали и Марью: была она незавидной, простецкой, не из тех, которых выбирают в любовницы,— не испорченная вином и подарками. И все же пришли както ночью двое из отпущенных и сказали отцу: «Уступи Марью, заплатим: хошь — самогоном, хошь — деньгами...» Сожительница не жена, можно и уступить. А почему не уступить? Вода в речке холодная, и завтра в море выплывешь с отрубленной головой. Почему бы?.. Половина поселенцев торгует сожительницами — и живут... Можно другую взять со временем, покрепче, побойчее.

И сказал отец: «Берите». Сторговались на деньги, а когда обернулись к Марье, увидели: она стояла в углу в белой нижней рубашке и в руке держала топор. От реки, от черноты, тянуло холодом, и холодно стало всем четверым. Отец сказал, дрожа и злорадствуя: «Берите». Помолчал минуту, подняв к небу голову и загадав: «Если упадет звезда...» Звезда не упала, он вежливо протянул деньги гостям. Они ушли к речке и уплыли на лодке, ругая людей и бога. С этой ночи Марья, ложась спать, клала себе под голову топор.

Весной они перемотыжили поляну вокруг дома и посадили картошку. Все лето ловили, солили и вялили рыбу. Поздней осенью, когда речка спряталась под лед и забурлила от рунного хода наваги, Марья принесла сына. Первое утро она не встала раньше отца и не приготовила ему еду. Обошлась без акушерки, все сделала сама и лежала, слабая, обливаясь потом. Ничего не просила — не умела просить. Отец не умел, стыдился подавать бабе. И пошел за пять километров к соседу-поселенцу посоветоваться, как быть теперь и что делать. Соседа не застал дома, наверное, уехал в поселок, и отец вернулся, посидел у

себя на крыльце, покурил, потом вошел к Марье.

Она часто и горячо дышала, губы у нее почернели. Отец дал ей воды, поднял голову и напоил, и Марья заплакала, как маленький ребенок, поймала руку отца, прижалась иссохшими губами. И ожил, засуетился отец: принес воды, растопил печь, сварил еду, чай, придвинул все Марье, и она ела, чтобы угодить ему; а он сидел, и ему казалось, что в груди у него тает холодная, тяжелая глыба льда, тает, и теплая вода заливает тело, подступает к глазам, и сквозь эту воду трудно смотреть — она мутная. Дальше было все легко: отец купал орущего младенца, заворачивал в пеленки из старой своей рубахи; Марья улыбалась ему, радовалась крику. И плакала теперь, не утираясь, одними глазами, не досаждая. Будто и у нее в груди оттаивала такая же холодная льдина.

Марья поднялась на ноги, и пригласили попа Игнатия. Он приехал из поселка на лошади, в черной рясе, широких шароварах и начищенных сапогах. Молодо спрыгнул на землю, бойко поздравил с новорожденным и, окропив святой водой ступени крыльца, широким знамением перекрестил жилище и хозяев, прочитал молитву. От закуски не отказался, самогонки отхлебнул. И на Марью смотрел с таким упорством, что отцу от волнения жарко стало. Заговорил про ружье, про охоту, пожурил хозяина за неразворотливость — дичь сама в дом лезет — и сказал: «Несите младенца». Марья вынесла, бледнея, шепча молитву, поп ловко принял, поднял над корытом с речной студеной водой, спросил: «Как наречем?» — и быстро выговорил имена святых. Отец и Марья молчали. Они не сговорились, забыли по своей молчаливости. Поп ждал, и его руки над корытом вздрагивали. Еще минуту, и он сипло пропел, пробормотал: «Отныне новорожденный... младенец... сын... нарекается Игнатием... и во веки веков... Аминь!..» — Он быстро, головой вниз, продернул розовое тело ребенка сквозь воду,

еще и еще раз — всплеск, крик,— и раб божий Игнатий закачался в руках Марьи.

— У меня так,— принимая из рук отца полотенце, сказал поп,— Игнатиями нарекаю, если что... Много их уже по землице сахалинской ходит.

— По святцам ли? — робко спросила Марья.

— По святцам, по святцам, Марья. День святого Игнатия впереди,— ответил поп.

Он выпил еще самогонки, пообещал приезжать за рыбкой, дышать воздухом лесным и уехал.

Каторга жила рядом — стонала, волновалась; это была не главная каторга — всего поселок, но кровная частица, капля большой сахалинской каторги. И жила она так же — властвовала над всем живым вокруг, судила и рядила.

Даже здесь, на заимке отца, по утрам в звериной тишине издали слышался скрип тачек, звон лопат и ломов: колонны каторжан отправлялись на работы. В километре от речки был проложен волок: с ближних сопок, впрягшись в захватанные ремни, каторжане сволакивали бревна. По одному, по два, в измокшей тюремной робе, они приходили к речке, пили воду, мылись. Марья смотрела на них в щель забора, иной раз бросала что-нибудь поесть, чаще — соленую или сушеную рыбу; они хватали, грызли, ругались, и во дворе собаки надрывно рычали, чуя их дикость, недоброту.

Но хуже были беглые. Летом каторга на треть разбегалась, бродяги прятались в сопках, ели ягоду, ловили рыбу, голодали, резали друг друга. Их вылавливали солдаты, их, как зверей, выслеживали нивхи-таежники, убивали и отрубленные черные головы приносили в поселок, сдавали в охрану, «главному начальнику»; за каждую голову получали награду: деньги, порох или спирт,— и уходили довольные, и снова охотились: так надо, так приказал русский начальник. Но беглых не уменьшалось: люди хотели свободы — на час, на неделю... Беглые приходили к жилью ночью, в ненастье-черноту, и их боялись собаки, чуяли издали, забивались под сени и голосили. Отец выходил с ружьем и, что было из еды, бросал за забор. Стрелял в воздух, не спал до света. В углах двора стояли кадки с водой: беглые,

случалось, поджигали заимки. Только поздней, гиблой осенью выжившие и уцелевшие приходили к стенам каторги, вконец озверевшие, изъеденные голодом, и сдавались на милость властям. Их пороли в кровь, прибавляли сроку и приковывали к тачкам — они становились кандальниками.

Каторга жила, и вокруг нее жили, разорялись, крали, торговали сожительницами поселяне. В Россию мало кто уезжал: какая она, что там, к кому?.. Была тоска по «Расее», но не было сил и воли стремиться к ней, и тоска эта вызывала одно неукротимое желание — глотать, пить, сжигать себя самогоном. Поселяне толпами притекали к тюрьме, просили работы, крупы, талонов на водку, просились на каторгу. Смотритель выезжал на коне, с нагайкой — усы до ушей, глаза углями; толпа

торги. И большой милостью смотрителя было не выгнать их на волю.

Отец не бегал с каторги и не просился на каторгу. Жадно, по-мужицки жилисто он ухватился за свою маленькую свободу, за свою «маленькую Расею», отгородил ее высоким забором и стал жить в ней, трудясь, бедствуя и терпя. «Расею» полюбил поп Игнатий, приезжал, помогал, наставлял. И научил отца главному на этой земле — охоте. «Дичь-то сама в дом лезет,— говорил.— Смотри на туземцев нивхов, они не сеют, не пашут...»

В десять лет Игнатий хорошо помнит себя. Помнит и отца — он был лыс, кругл и суетлив; ходил чуть прихрамывая — память каторги,— взмахивал одной рукой и матерился. Матерился при детях и бабах, только при матери сдерживался и бормотал про себя. Он был лесничим, егерем, охотником — человеком вольного дела, зажиточным и неукротимым. Он властвовал в лесу, и сам губернатор, заезжая в его глушь, приглашал на заячьи и лисьи потравы, покупал медвежьи шкуры. Щедро давал на водку.

Помнит Игнатий и своего крестного отца попа Игнатия. К этому времени поп ослаб от алкоголя, табака и «прошлой жизни». Но все так же приходил в «маленькую Расею», жил по неделе, отдыхал, нагуливал силы. Незаметно, начав «с рюмочки», они запивали с отцом — пили неторопливо, втягиваясь, и несколько дней разговор шел о каторге, уже неведомой новым людям, но живой, не забытой старожилами. А потом — уже в алкогольной горячке — затевался спор о Иисусе Христе, апостолах и святых. Читалась библия, выкрикивались молитвы, слышался непотребный мат отца; суетясь и оря, он доказывал, что нет ни бога, ни черта. Он тыкал в Старый завет пальцем, брызгал слюной, хватал за длинные патлы попа,

отца, дом и, не отряхиваясь, мелкими шажками шел за ворота. Вслед ему неслось:

— Я тебя перекрещу, патлатый иудей!

«Иудей» было его самым бранным ругательством.

Отец спал не меньше суток, а придя в себя, сразу собирался на охоту. Иногда брал с собой быстрого, остроглазого сына; купил ему старенькое одноствольное ружьишко, учил стрелять и удивлялся: сын стрелял метче, проворнее его, сшибал уток в темноте, на свист. Мать радовалась, говорила:

— Это у него глаза такие. Как чистые стеклышки.

Отец молчал — трезвый он больше молчал — на охоте, дома. И сын учился молчать. Особенно надо уметь молчать в лесу. В мягких, сыромятных ичигах они ходили по смутным звериным тропам, выслеживали медведей и оленей, томились в засадах. Убивали, жарили мясо и на теплых, неостывших шкурах ложились спать. На другой день приводили коня, забирали добычу.

Поп Игнатий долго не показывался в «Расее», но, соскучившись и простив отца, приходил, кроткий и истомленный. А то и сам отец, устав ждать, запрягал лошадь и ехал за попом, привозил друга в той же помятой черной рясе, угождал, ублажал. Мир, покой и смирение поселялись в доме. Но чем дольше затягивалась тишина, тем грознее она становилась. С первыми рюмками, выпитыми «за здравие», мать убирала со стола все тяжелое. Велись долгие, согласные разговоры. А после...

— Бог есть? — спрашивал отец, наваливаясь на стол и наливаясь злобой.

И, ЖИВОЕ

Повесть

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

бросалась коню в ноги, выла, стонала, ее разгоняли жандармы, избивали насмерть, но некоторые все же прорывались к воротам ка-

раскачивал его голову, будто старался просветлить ее, и выкрикивал:

— Суета сует, говорит Екклезиаст. И псу живому лучше, чем мертвому льву... Мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению!..

— Бога единого славим...— упрямо тянул поп.

— ...И любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли... И нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем!..— Отец вскакивал, бегал от стены к стене, размахивал рукой.

— Бога...— пьяно выговаривал поп Игнатий.

Отец вдруг замолкал, задохнувшись от возмущения, а потом зверем набрасывался на попа, хватал за шиворот и волок к порогу. С крыльца сталкивал пинком в спину. Поп, путаясь в рясе, падал вниз головой на мягкую землю двора, медленно поднимался, крестил

— Есть,— твердо отвечал поп Игнатий.

И повторялось все сначала.

Мать урезонивала, совестила трезвого отца, он багровел, стыдился и бормотал ругательства. Пьяного она не трогала, боялась его буйного нрава, его слов «барская полюбовница» (говорили, будто мать попала на каторгу за то, что убила топором молодого барина). Все чаще отец хватался за ружье, грозился убить мать, попа Игнатия и себя.

Но были недели, когда отец затихал, не пил, истово молился. Часами он стоял в углу на коленях, и его круглая, сгорбленная спина неустанно падала и поднималась. Он не ходил на охоту, не ел мяса, не хотел видеть собаку — любимую Белку, которая, чуя враждебность хозяина, растерянно бродила по двору. На стенах в доме появлялись непонятные, полусумасшедшие надписи отца. Неграмотная

мать звала сына и просила прочитать. Игнатий по складам разбирал каракули, не понимал и, смутно пугаясь чего-то, говорил: «Нехорошо написано». Мать не расспрашивала, шептала молитвы и просила никому не говорить.

А страшное приближалось, надвигалось, оно было в мертвенных затишьях, в бдениях и молениях отца, в самом воздухе, которым становилось трудно дышать в «Расее».

Оно грянуло неожиданно, все же неожиданно, в солнечное, сырое, капризно-нежное сахалинское утро. Отец отказался есть, вышел во двор, прошел из конца в конец, заглянул в конюшню, коровник, обнял прыгнувшую ему на грудь Белку и, поднявшись на крыльцо, позвал мать. Опустился перед нею на колени, сказал: «Прости»,— подозвал Игнатия, поцеловал его в щеку и быстро, суетливо торопясь, скрылся за дверью дома.

Мать вскрикнула, забилась грудью и головой в дверь, и в доме глухо ударил ружейный выстрел. Мать бросилась через двор к воротам и, как была, разлохмаченная, страшная, побежала в поселок. Игнатий влез на сеновал, зарылся в сено, и ему показалось, что он умер, все умерли: отец, мать, поп — все теперь живут «на том свете», пьют водку и стреляются. Ему тоже захотелось застрелиться. Если застрелишься, то, может быть, попадешь снова на «этот свет» и жить станет не так страшно... Очнулся он, когда услышал во дворе поповский голос. Сполз по лестнице, увидел на крыльце мать, попа и двух полицейских — они взламывали дверь.

Отец сидел в углу под образами, между коленей у него лежало ружье, голова была откинута назад, в сумрак, и казалась черной от запекшейся крови. Темными, резкими полосами кровь поднималась по стене к потолку и там разбрызгивалась черными кляксами. Икона Исуса Христа сорвалась с угольника, косо висела, шевелясь на льняном шнурке.

Они бросили свой дом, свою «маленькую Расею», продали хозяйство, погрузили на подводу узлы и двинулись в город. Из поселка их проводил поп Игнатий, дал записку к знакомым в Александровске, перекрестил на дорогу, заплакал. Он совсем опустился, растерялся после смерти друга и все пил. Руки у него дрожали, были холодные и мокрые. Говорил он тихо, отрешенно, больше о прошлом, пообещал приходить на могилу отца, к чужой теперь «Расее». Простился насовсем.

Александровск — город. Дома и дома. Народ чужой. Суета, очень много крику, и смотри, чтобы вещи не стащили. Мать и Игнатий медленно ехали по краю улицы, смотрели то в ту, то в другую сторону, и даже их конь пугливо прядал ушами. Увидели огромный, с двумя рядами блестевших окон дом, догадались: губернаторский, фон Бунге живет; у ворот ходил раззолоченный полицейский, и боязно было смотреть на дом и на полицейского. Мать перекрестилась. У Игнатия вожжи в руках сделались мокрыми. Он вспомнил, как Бунге приезжал к ним в поселок. Школьников выстроили возле школы, и они долго стояли, пока управитель объезжал тюрьму. Малыши плакали от утомления, учитель тыкал им в носы желтый палец и грозился поставить на колени. Потом все обмерли: мимо проехал губернатор. А когда их распустили по домам, даже малыши хвастались, как они здорово стояли в строю и ничуть не хныкали и не боялись. Вот хвастунишки!

Знакомые попа Игнатия не впустили их и на порог; баба, прочитав по складам записку, сказала:

— Это еще откуда этот пьянчуга нас знает? — хлопнула дверью и щелкнула крючком. По доброте душевной поп дал им адрес своих давнишних знакомых, но теперь они не хотели знаться с ним.

И поехали они по длинной улице в гору; заляпанный, перепавший конь едва перебирал ногами; мать высматривала победнее дворы, стучалась, быстро и тихо говорила, просилась переночевать и, задыхаясь от усталости и стыда, возвращалась к телеге.

Их пустила одинокая, больная старуха — ее избушка чернела на краю улицы в сыром овраге — и сразу попросила плату. Пока они пили чай, она угрюмо следила за ними и, кажется, считала сухари. Мать дала ей сухарь, старуха быстро спрятала его, а потом, когда легли спать, она грызла сухарь в темноте, ходила пить воду, шлепая босыми ногами по полу. Ночью пошел дождь, крестными знамениями мерцали молнии, громыхали бочки Ильи-пророка. Старушечья избушка ожила, заскрипела, заохала: чудилось, будто она отмывает свою горбатую крышу и грязные стены.

Игнатий уснул только к рассвету, когда утихли молнии, а мать все вздрагивала и схватывалась, ощупывала и считала узлы.

Утром старуха затопила печь, сварила кашу и пригласила завтракать. Мать пугливо отказалась, старуха взяла ее за руку, привела к столу, наставительно проговорила:

— Нельзя, когда приглашают.

Молча, по-крестьянски, поели жидкую ячневую кашу. После старуха сказала:

— Ночью я загадала: если громушко пожалеет мой дом, значит, хороших людей пустила... Теперь живите...

Старуха стирала белье чиновникам городской управы, мыла полы, работала в чужих огородах. Мать стала помогать ей, понемногу осмотрелась, осмелела и сама научилась искать работу и наниматься. Ее взяли поварихой в рыбацкую артель. Столовая была в палатке, на берегу моря. Игнатий ездил к матери на коне; случалось, артельщики нанимали его возить продукты, Игнатий охотно брался и зарабатывал «себе на хлеб». Они стали жить хорошо. Была рыба, была мука. А рыба была всякая: вареная, жареная, сушеная, копченая. Из рыбы делали котлеты, пельмени, пирожки, шашлыки, и это время запомнилось Игнатию запахами рыбы. Особенно копченой. Как услышит где-нибудь, так сразу и привидится берег сырой, продымленная палатка, деревянные щелястые столы и котел у воды — черный, жирный, с белым сладковатым окоемом рыбного супа.

Зимой Игнатий нанялся возчиком на лесозаготовку: можно было заработать и прокормить коня. Лес рубили в сопках и по санному пути возили в город. Одно бревно — десять километров. Утром выехал — к вечеру дома. Игнатий не отставал от мужиков и даже обгонял, когда те запивали с получки. Как-то не угодил рыжему мордвину, старшинке участка,— не «занял» на самогонку,— и мордвин обругал его «каторжанским дермом». Его впервые так обозвали, и он не знал: обидеться ему или рассмеяться. Ничего не сказал, но пока ехал домой, стыл на санях и слушал задышливые вздохи коня, все думал о каторге. Приехал с ледяным комом в горле — за всю дорогу ни разу не пробежался сбоку саней — и нудной тоской в груди. А когда мать налила в чашку горячего супа, спросил:

— Скажи, за что отец каторжанил?..

Мать промолчала. Она села на лавку, опустила на колени истомленные руки, ссутулилась. Кажется, она думала, вспоминала. Потом виновато, растерянно посмотрела ему в глаза и чуть заметно повела головой, губы ее беззвучно сказали: «Не знаю».

Она не знала, не спрашивала отца, он не говорил. Они мало говорили о каторге, жалея друг друга, отгораживались от нее. Только, напиваясь, отец распускал язык; отрезвев, стыдился: «Это водка говорила...» Но ни разу водка не рассказала «об этом». Игнатий хотел написать попу, расспросить, и вдруг, жалея отца, назло мордвину решил: «Зачем?..»

Весной, когда растаял санный путь и речки унесли унавоженные дороги, Игнатий попросился в лесничество. Бирюковатый лесник Прокоп взял его объездчиком. Игнатий погрузил на телегу узлы, посадил мать, старуха перекрестила «хороших людей», заплакала от беды, одиночества, и они уехали в лес, на кордон — рубленный в лапу, грубый и тихий крепыш-дом.

Русские воевали с немцами. Где-то далеко, на краю света. Где-то в России. Здесь не слышно было войны, ее привозили купцы и купеческие сынки, другие юркие люди, бежавшие от призыва в армию. Здесь не брали на службу.

Потом — революция. Февральская — посадили в тюрьму фон Бунге, назначили временную власть; Октябрьская — сбросили временную власть и избрали Советы. Объявился Колчак — и снова сел губернатор, только уже Реут.

В городе хозяйничали каратели, на угольных шахтах в Дуэ бастовали китайцы, по ночам патрули стреляли из винтовок. Купцы укрепляли заборы, откармливали сырым мясом цепных псов.

В лесах появились осторожные, молчаливые люди. Они ходили глухими распадками, по одному и разными тропами, не стреляли, не рубили лес, ходили, как лесные духи. За ними

трудно было следить. Игнатий попробовал увязаться за одним, шел километра три, а потом потерял. Через несколько минут сзади защелкали ветки — его догнал человек, тот самый, и попросил прикурить. Сказал, что любит ходить по лесу, дышать воздухом. Игнатию стыдно стало — так обвел лесообъездчика! — и он больше не гонялся за «тихими людьми».

Осенью, в хороший, затишный день, объезжая свой участок, Игнатий выбрался к морю, на ветер: коня одолел гнус, зверевший от предчувствия холодов. Покачиваясь в седле, отдыхая, он медленно ехал по твердому песку у самого прибоя. За зеленым мыском, на поляне, увидел людей. Были одни мужчины. В чистых рубашках и отглаженных штанах, они сидели вокруг белой скатерти, на которой четко выделялась большая бутылка посреди кусков ржаного хлеба, картошки и рыбы. Игнатий хотел объехать стороной. Его заметили, и старший, седоватый, усталый, на вид не рабочий, сказал:

— Подсаживайся, лесник, закуси. Вот по случаю воскресенья отдыхаем...

Игнатий не ожидал приглашения, смутился. Тогда другие заговорили:

— Давай, чего там!..

Он слез, подвязал коню уздечку и пустил пастись. Люди раздвинулись, старший налил самогонки. Игнатий выпил немного и только потом подумал, что бутылка была полной и ни от кого «не пахло» спиртным. Осмелев, почувствовал себя хорошо после таежной скуки.

— Разрешаешь, значит, в своих владениях отдыхать? — спросил старший.

— Места много,— ответил Игнатий.

— А то в городе какой отдых! В городе-то бываешь?

— Бывает, я его видел раз,— сказал молодой, беловолосый парень, наверное, из рыбаков, потому что лицо у него было «моряцкое», грубокожее, и на руке наколка: «Душа соленая, как море». Игнатий завидовал таким парням, их отчаянности, и самому хотелось в рыбаки. Вот бы попроситься у беловолосого! Он тоже где-то видел его. Может, в лесу?..

— Нравятся тебе каратели?

— Не знаю,— ответил Игнатий.

Хмель, стукнувший ему в голову, прошел, и он опять растерялся: о чем говорить, что делать?.. Просто наедаться и молчать было стыдно. Водки больше не наливали.

— Самсонова знаешь? Каторгу отбывал, как и твой отец, они его схватили.

Кто им сказал про отца?..

— Если убежит — не выдай.

По одному они стали прощаться и уходить. Старший объяснил:

— Туча вон накрывает, как бы дождиком не промыло.

Игнатий поймал коня, сказал «спасибо» и поехал берегом, тихо и не оглядываясь. Впервые думал о Самсонове, карателях, Реуте и Колчаке. Лесничий, пугливый и звероватый Прокоп, говорил: «Не наше дело. Нам тихо надо жить». «Не наше дело»,— учился думать Игнатий. Лес при любой власти одинаков. И вот... Конечно, Игнатий догадывался, кто эти «тихие люди». Но не признавался себе, а то пришлось бы о разном соображать. Время смутное, куда ему с двумя классами во все лезть. Так спокойнее: они ходили — он не видел их. Лес большой. Мало ли кто ходит.

Выпал первый снег, тонко и ненадежно лежал он в распадках, а на склонах стаивал, тек ручьями. В лесу появлялось все больше следов, «тихие люди» смелели. И только на его участке. Они теперь жгли осторожные костры, ночевали, кое-где оставляли шалаши — в каждом спички, соль, а то и сухарей немного. Ночью Игнатий проснулся от недалеких выстрелов: блекло вспыхивали окна. Мать стояла в углу перед иконой, шептала и крестилась. Во дворе от страха заливался пес. Игнатий хотел выйти, мать загородила дверь, не пустила.

Утром пришел Прокоп, сказал, что ловят «каторжника Самсонова». Деньги большие обещают. Наставительно проговорил:

— Властям помогать надо, для порядку.— И ласково добавил: — Ты, Игнаша, больше меня ходишь, смотри, не теряйся...

Весь день Игнатий был в лесу, а когда вечером вернулся домой, в забор застучали прикладами каратели. Может, видел Игнатий Самсонова, может, нет — сколько их теперь ходило по лесу! Но чистенькому злому офицерику сказал:

— Не знаю.

— У тебя под носом бродят! — закричал офицерик, нащупывая белой бабьей рукой медную рукоятку шашки.

Вот сейчас ударит плашмя по голове, свалит себе под ноги, перепугает до смерти мать. Офицерик не ударил, со щелком толкнул шашку в ножны. А хотел ударить: это увидел Игнатий в его глазах. Он ушел к солдатам, понуро стоявшим поодаль и тупо вскинувшим ему навстречу головы. «А раньше бы ударил...» — подумал Игнатий.

Поехал в город на базар, купил пуд черной муки, подобрал листовку и привез на кордон; прочитал, спрятал. Мать нашла и, наверное, сожгла. Несколько слов запомнилось: «Товарищи сахалинцы! Советскую власть душит Колчак царской лапой... Ему помогает мировой империализм... Сплотимся вокруг Ленина... Спасем революцию...» Кончалась листовка так: «Лучше смерть, чем рабство... Вон карателей! Долой колчаковского холуя Реута!..»

Глухо, гулко зимой на кордоне. Упадет ком снега — слышно, заяц хрустнет веткой — от каждой лиственницы отскочит звук, взлетит куропатка — большой переполох. А если человек идет на лыжах — весь лес знает, прислушивается, радуется живому, повторяет скрип, стук. Скрип, стук, шорохи слышал Игнатий по ночам в своем лесу, видел следы лыж. Лес не умер, не уснул в эту зиму. В нем что-то творилось — тайное, осторожное и грозное.

Игнатий ждал, как ждут удара волны, замершей от крайнего напряжения, непосильной высоты.

В первое утро нового года прибежал на кордон Прокоп, взмокший, перепуганный до икоты, сказал:

— Переворот!

Игнатий стал на лыжи и пошел в город. К полудню он был на площади у губернаторского дома. Здесь толкался, гомонил народ. Над крышами щелкали красные флаги, по улице, закручивая снежные вихри, носились легкие упряжки, и везде люди с ружьями и наганами, перепоясанные ремнями.

Игнатий ходил, слушал. Веселый бородач, видно, согревшийся самогонкой, рассказывал бабам:

— Мать честная!.. Их, значит, офицерьев, и прихватили пьяненьких. Новый год справляли. И Реут с ними. Девицы, значит, вино... Мать честная! Опомниться не успели... Теперь в тюрьме протрезвляются...

Потом над толпой поднялся человек, он влез на сдвинутые повозки — и гомон утих. Он снял шапку, помолчал, часто дыша морозом, и, резко вскинув руку, выкрикнул:

— Товарищи! На остров вернулась Советская власть!..

Игнатий узнал в человеке одного из «тихих», своего лесного знакомого.

— Трофимыч! — сказал бабам бородач.

Игнатий женился на дочери Прокопа. Наверное, Прокоп сам его женил. Может быть, и взял его в лесники как жениха. Их свели, позвали гостей, выпили и оставили спать. На полотняных, твердых, вонючих от нафталина простынях они лежали, отодвинувшись друг от друга, и молчали. Чуть дыша, прислушивались и старались казаться друг другу спящими. Ухая табуретками, расходились гости. Во дворе орал огородник Иван, друг Прокопа, перехвативший лишку самогона. Он матерился, хватал кого-то «за грудки», а когда вышел из избы Прокоп, крикнул, всхлипывая от обиды и злости:

— Порченую девку подсунули, после офицерьев!..

Антонина вздрогнула и заплакала.

Дрожала, билась в припадке, потом тоненько, надсаждаясь, завыла, что-то выговаривая. Игнатий будто ожил: ему стало жаль ее. Это

было его первое чувство к ней. Пусть такое, но чувство. Он стал гладить ее мокрую от слез руку, привыкая, обнял ее, худенькую, жесткую, вымотанную работой, и так держал ее до света, а она плакала и прятала голову в подушку. Утром сказала:

— Лучше убей, а не бросай.

Игнатию было жаль ее, жалость не прохо-

дила. Антонина будто что-то разбудила в нем, что-то напомнила, и от этого жалость стала очень большой. И особенной. Сначала было жаль отца, попа и мать, потом себя, а уже после Антонину за то, что ее легко ударить, за то, что ее только били. Он даже испугался, подумав, что мог бы поднять руку, сказать что-нибудь. Тогда, наверное, исчезла жалость, и он бы убил Антонину. И, пожалуй, перестал жалеть всех других.

Подошла мать, шепотом, умоляюще попросила:

— Не обижай ее, перетерпи, и бог тебе зачтет. С виноватой легче-то жить будешь...

Игнатий сказал Антонине:

— Собирайся.

И она послушно, быстро собралась. Игнатий запряг коня, положил в телегу узел, посадил Антонину. Выскочил Прокоп, опухший, полуслепой, но, увидев Игнатия, ослаб, угодливо проговорил:

— Ну, поезжайте, живите отдельно. Я все как лучше хотел...

Это было весной 1920 года.

А через несколько дней броненосец «Микасо» и крейсер «Мисими» навели на Александровск пушки, и японцы уткнули свои тупоносые шлюпки в берег. Улыбчивые солдаты в изящных обмотках, с короткими кинжальными арисаки вошли в город. У каждого на ремешке висела сумка с конфетами — дарить «руссикэ дети». Командующий Тамон вывесил приказ: «Объявляю всем местным жителям и военным, что наш отряд высадился для того, чтобы узнать истинное положение здешнего района, откуда шли разные известия об убийстве наших соотечественников...»

Трофимыча арестовали, увезли на броненосец и (ходили слухи) сожгли в топке. Партизаны ушли в лес. Город спрятался за плетни и заборы. По улицам вышагивали тонконогие вежливые солдаты. Утром говорили: «Охайе годяймас», вечером — «Гомбангва»[1].

Умерла мать. Ее хоронили на городском кладбище. Пришли старухи, просто любопытствующие. Сбежались голодные мальчишки — получить кусок на поминках. И пришел японский патруль, следить за порядком: сборища и разговоры не дозволялись.

Игнатий и Антонина выстроили вокруг дома высокий, острозубый забор. Привязали пса, и он гремел по ночам цепью, ревел в темноту, исходя пеной. Он злобствовал в лесу, где человек издавна привык жить рядом с медведем, но боялся теперь всякого человека.

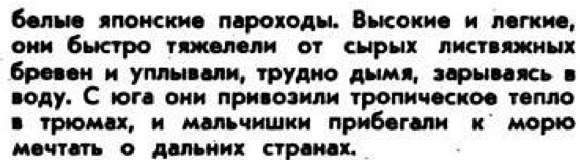
В лес пришли люди с топорами: японцы, русские, китайцы. Их привел военный инженер армии императора. Крикливый, проворный, придерживая левой рукой эфес самурайского меча, а правой взмахивая, как подрубленным крылом, он прыгал через коряги, вскакивал на пеньки и что-то злобно наговаривал едва поспевавшим за ним бригадирам — японцу, русскому и китайцу.

Он уехал верхом на коне в город, и в лесу упали первые лиственницы. Начался великий лесоповал. Рубили днем и в лунные ночи. С крутых сопок бревна съезжали по деревянным желобам, внизу вязали их и на волокушах тащили по длинной дороге-волоку в город. Лошади вязли в трясинах, пропарывали сучьями животы, ломали ноги; храп, ругань, треск бичей распугивали птиц и зверье.

На виду у города на синем рейде стояли

[1] «Доброе утро», «Добрый вечер».

белые японские пароходы. Высокие и легкие, они быстро тяжелели от сырых лиственных бревен и уплывали, трудно дымя, зарываясь в воду. С юга они привозили тропическое тепло в трюмах, и мальчишки прибегали к морю мечтать о дальних странах.

Лошадь у Игнатия «контрактовали», но самого его спас от «великого лесоповала» Прокоп, пообещав поставлять пушнину лично инженеру императорской армии. Игнатий ходил на медведей, стрелял оленей, зимой соболевал и белковал. Антонина выделывала шкуры. Прокоп переправлял их «куда следует», взамен привозил из города муку, соль и сахар. «Живем,— говорил,— при любых властях».

Так и жили. Весной 1925 года с севера пришла Красная Армия. Японцы живо убрались, оставив страшный волок в опустевших сопках и тревожно-свежие штабеля леса на берегу моря.

В первый день Советской власти Игнатий отобрал у Прокопа припрятанную «на черный день» пушнину и сдал военному коменданту, в народную казну.

А потом?

А потом — снова лес. Но свой, русский.

ГОРЯЧЕЕ ОЗЕРО

Снизу от поселка по отлогому взгорью долго поднимается машина. Мотор ее жужжит сытым осенним шмелем, прерывается и снова затевает долгую добрую песню.

Деревья еще зеленые, но не свежие, только роса молодит их, и лес, забывшись в утренней тишине, свете и прохладе, думает о весне. А машина-шмель жужжит добро, сыто, и всем ясно: так бывает только осенью.

Едут отдыхать. Игнатий знает это и ждет. Воскресенье — беспокойный день. Ребятишки, бабы и мужики разбредутся по речкам, будут жечь костры, варить уху — и смотри, чтоб не вспыхнул лес: осенью, когда в деревьях замирают соки, он горит жадно, перекидывая огонь по усохшим вершинам. «И чего бы бродить в сопках! — думает Игнатий.— Сидели б у озера — вода теплая, песок!» Но сердиться ему не хочется: зачем же лес, если на него издали смотреть? Надо приходить и жить в лесу. Сколько кто может — час или день.

Над озером призрачно чадит пар, пахнет серой, слышится глубинное гурчание, булькают пузыри: со дна поднимаются струи ключей. Утром, когда лес пуст, и ручьи, стекающие по распадкам, чисты, Игнатий купается в озере. В это раннее время вода горячей, плотнее оттого, что на ней лежит густой пар.

Под сопкой, на узкой дороге, вымощенной подорожником, показывается машина. Она и в самом деле похожа на шмеля — с глазами фар, зелеными крыльями бортов и пестрой спинкой-кузовом. На несколько минут она скрывается за кустами, только трудится ее мотор, а потом вымахивает на холм к озеру.

И прячется, уходит в лес тишина, будит эхо, нашептывает ему свои обиды, сползает в овраги слушать воркотню ручьев.

Пахнет от машины теплом и бензином, от платьев — ветром и духами, от пиджаков — табаком. Дети разбегаются, раскатываются по зелени во все стороны, и матери, еще свежие, добрые, пробуют свои голоса: «Машенька!», «Витенька!», «Коленька!». Молодые — сразу к озеру, раздеваются, бросают сумки; старики устраиваются на зеленых «пятачках», не спеша, на весь день. Потянуло дымком — кто-то уже устраивал костер.

Игнатий смотрит приехал Петр, отец Васьки, и мать — Лиля. Васьки нет. Наверное, оставили дома или ушел в школьный поход. Игнатий приближается, говорит:

— Утро доброе.

— Доброе! — подает руку Петр, а Лиля не то смеется, не то щурится от света; платье ее надувает ветер.

— Ой! — Лиля прижимает подол к коленям, тут же, опомнившись, сдергивает платье через голову. Она быстро, нащупывая босыми ногами гладкий песок, идет к воде. Петр несет следом тяжелую, угластую от бутылок сумку, спрашивает Игнатия:

— Как жизнь, старик?

Игнатию хочется заговорить о Ваське: что с ним, где он там? В это утро на этом озере нет Васьки. Он не увидит всего этого, сегодняшнего. А может, он узнает что-нибудь другое, очень интересное? Здесь бы они просто поговорили об осени, о политике или помолчали. Хорошо помолчать с другом — потом и одному остаться не страшно. Игнатий спросил бы о Ваське, но что-то мешает, наверное, дружба, мешает то, что для Петра Васька — мальчишка, ребенок.

Лиля расстилает на песке белую холодную скатерть, разворачивает свертки, ставит бутылки. Она черная, только волосы белые, а если сравнить их со скатертью,— желтоватые, да ладони розовые. Она красивая — это видно по тому, как смотрят на нее мужчины и парни, как откровенно не любят ее женщины; Петр ревнует, не доверяет — по мужской привычке, на всякий случай — и радуется такой жене: ничего лучшего нет у него в жизни — простецкий парень. Игнатий же по-своему видит ее, она не горячит его кровь, не смущает его, но каждый раз что-то умирающее оживает в нем, обостряет ощущения, мысли, и... он вспоминает Анну. Потом всю ночь не может уснуть, и не нужен ему сон, и ничего ему не надо. Он знает: тело его, уставшее от жизни, но помнящее, хранящее прошлое, еще долго будет любить солнце и дышать воздухом.

Лиля наливает в стаканы водку — она всегда наливает сама: так нравится Петру — и каждому подает в руку. Чокаются, поднимают стаканы и поднимают головы. Радуются зелени и синеве, теплу и прохладе и, чтобы добавить себе радости, пьют вино. Горькое, крепкое. Они знают: без горького не бывает сладкого. И вздыхают, выпив, и облегченно едят: горькое позади, а сладкое — вот оно, и можно продлить его, только не жадничай, не торопись, не то оно уйдет, станет усталостью, горечью.

Лиля режет розовую подсушенную рыбу, делит огурец, брызнувший рассолом, говорит:

— Ну, еще...

И сразу вскакивает, разминает длинные худые ноги, бежит к воде. Ее догоняет Петр;

вместе они забредают в озеро и плывут в курящийся, голубеющий пар. Игнатию кажется, что он слышит, как горячие струи скользят, омывают их тела.

Они здоровые — Петр и Лиля. И Васька ничего. Только вот с глазами у него... Отчего бы это? Лиля рассказывала, что у деда глаза были плохие. Значит, что-то дедовское перешло к Ваське. А вот глаза Игнатия — непоблекшие, неуставшие — уйдут с ним в могилу. Оставить бы их Ваське, подарить вместо очков, на память о себе.

Игнатий думает, что завтра надо сходить в поселок и зайти к Ваське, попросить какую-

нибудь книжку. Например, приключенческую. Теперь-то Ваське некогда: в школу пошел. Зимой только, на каникулы, наведается, рябчиков постреляет, петли на зайцев поставит. А добычу придется Игнатию собирать. Ничего, соберет, он еще стоит на лыжах. Трех-четырех в поселок отнесет, других ошкурит и шапку сошьет. Ваське. Давно собирается, но в эту зиму сошьет.

Солнце над лесом, греет мох, старые пни, муравейники; лес полон людей; теперь они, с ружьями и удочками,— на ключах и озерах; с мешками и корзинами,— на грибных сопках, до самого перевала; а смелые — и за перевалом, на форелевых речках.

Везде Игнатий поставил плакаты: «Берегите лес от пожаров, лес — наше богатство!» Один плакат в стихах сочинил:

В лесу, как дома, живи —
Огонь, уходя, туши!

Занес его подальше от дороги и даже Ваське не показал. А директор наткнулся, в блокнот себе переписал и на собрании похвалил. «Если любишь свое дело,— сказал он,— то и стихами заговоришь»,— и взялся написать двадцать плакатов. Игнатий больше не смог ничего сочинить: плохо получалось. Да и этот плакат расстреляли охотники, дробью. Часто стреляют по плакатам. Что за люди! Вот бы хоть одного увидеть! Может, это хороший человек? Все равно сказать ему: «Лес — наше богатство».

За сопкой слышится сонливое стрекотание, понемногу оно густеет, вырастает в небе, и через вершины деревьев переваливается вертолет. Он желтый, с выпуклым, стеклянным, как у насекомого, лбом и трепещущими крыльями. Летит, вытянув лапы, будто отыскивает цветок поярче. Летит и смотрит, стрекочет и сверкает лбом. И тонет, как в воде, в полыхающем бесцветном мареве где-то у перевала. Это хорошо. Пусть смотрит: он зорко видит.

Петр и Лиля выходят из озера, прикладывают к глазам ладони, глядят вслед вертолету. Это интересно. Вертолет над лесом. Над дичью — машина. Интересно, может быть, потому, что человек в лесу всегда немножко дичает. Конечно, дичает. Лиля, взвизгнув вдруг, срывается и бежит по твердому песку у самой воды; слышно даже, как стучат ее пятки. Ее ловит Петр, она увертывается, выкрикивает что-то гортанное, бессвязное, мокрые волосы хлещут ее по спине. Она дикарка. Она одичала от воды и солнца, она сейчас позабыла слова и таблицу умножения, ей не надо платья и туфель, она не знает, что такое город. На нее с удивлением смотрят те, кто еще не одичал, а те, кто никогда уже не одичает, брезгливо отворачиваются.

Подошел Петр, а Лиля, забежав на песчаную, дрожавшую в мареве косу, упала навзничь, лицом к небу, и раскинула руки. Петр налил водки, кивнул Игнатию, выпил. Закусывая, сопел; его крепкие зубы постукивали, и на груди, под левым темным пятачком, трепетно прыгал бугорок — билось растревоженное сердце. Капли быстро высыхали на горячей спине, от них оставались белые пятнышки серы. Петр взял бутылку воды, стакан и пошел, опустив плечи, на косу к Лиле.

Солнце утомляло, изнуряло людей. Они отодвигались в тень, ложились на разостланные одеяла, на траву, вяло говорили. Берег пустел, горячел. И только дети еще бегали у воды, кричали и ссорились. Маленькая девочка подошла к Игнатию, поглядывая на скатерть: нет ли хорошей конфеты? — и протянула ему большую еловую шишку.

Игнатий дал девочке конфету. Она потопталась немного, ничего не придумала и, огорченно вздохнув, побежала к воде, потому что песок припекал ноги, потому что надо было куда-нибудь бежать, что-то делать, с кем-нибудь спорить и кричать, визжать и хохотать, пока есть еще силы, пока не увезли домой. Игнатий глянул на шишку — она была растопыренной и колючей. Солнце высушило ее, открыло чешуйки, высыпало семена: солнечный самосев. И теперь шишка, если смотреть на нее с макушки, была похожа на цветок, на много цветков — один поверх другого...

Кажется, приходила девочка, что-то сказала, сама взяла конфету, тронула Игнатия за бороду — от девочки пахнуло жаром. Она убежала. А может, ее и не было: все это привиделось. Игнатий дремал и знал, что дремлет. Потом уснул и знал, что спит. Знал, что ему снится сон, и не хотел просыпаться, потому, наверное, что сон был легкий и хороший. Плохое не снилось Игнатию, от плохого он сразу просыпался. Хорошее — другое дело. Хоть никогда он не помнил своих снов, но радовался им долго; носил в душе теплое, ласковое облачко, которое будто приподнимало его над землей.

Игнатий проснулся оттого, что ушло солнце. Ушло за деревья. Понизу покалывало холодком, шуршала трава, на дороге слышались негромкие голоса и редко постукивал мотор автомашины. Все было по-вечернему — тихо, дремотно. Опустел берег, пустел лес. Солнце насытило и утомило. Землю и людей.

За кустами прозвучал растяжистый, сиплый женский голос:

— Вася! Василка, где ты?..

Женщина прошла мимо Игнатия, не глянув, волоча по траве край платка в опущенной розовой от ожога руке. Снова скрылась в кустах, и оттуда донеслось капризно и вяло:

— Василка!..

Пришли Петр и Лиля, молчаливые и уже озабоченные, стали торопливо собирать сумки. Они были совсем нормальные, только запах воды и загара, исходивший от них даже сквозь одежду, напоминал о длинном горячем дне. Петр сунул Игнатию руку, тяжелую, налитую жаром, Лиля улыбнулась запекшимися губами неохотно, больше для порядка, и они побежали к машине, нет, им казалось, что они бежали,— они просто шли, часто перебирая ногами и оттопыривая локти.

Игнатий передал с ними привет Ваське, не на словах, а так — мысленно. Просто посмотрел им вслед и сказал: «Привет Ваське!» — будто написал на спинах. Васька увидит отца и мать, узнает, где они были, и вспомнит Игнатия. А на словах — не надо, все равно забудут передать.

— Васил-ка!..

Женщина шла по той стороне озера и напевала одно и то же слово. Ей помогали, подтягивали недружно, негромко. В зелени мелькали платки.

Игнатий встал и пошел вверх, к дому. Во дворе было чисто и просторно. Куры, сморенные жарой, зарылись в землю на завалинке. Иркир лежал под крыльцом, мордой к калитке, и оттуда посверкивали его желтые глаза. Игнатия ждали. Куры проковыляли к двери, Иркир проворно выполз и бросился в дом — встречать хозяина.

Посыпав курам зерна и бросив Иркиру горбушку хлеба, Игнатий сел на скамейку — проводить вечер. В дом не хотелось. В доме вещи и стены, они все в прошлом. А человек уходит в прошлое только с последним дыханием.

Нашелся Василка, укатила под гору, смолкла машина, и теперь слышно было, как булькало и роптало озеро. Фонтаны, струи пара и теплых газов сквозили из воды, поднимались, остывали — и рождался туман, неподвижный, непроглядный. Он неприметно заполнял теплую чашу озера, проливался в овраги, белыми реками тек в холодеющие леса.

А над сопками, зубчатыми, плотными, потерявшими цвет, еще светился, радовал умирающими красками закат. И лиственницы у озера, поднявшие кроны выше черных сопок, грели на закате, зажигали лохматые ветви. Они светились, их свет мерцал на мокрой, обросевшей траве, в окнах дома, их свет видел Игнатий на своих руках.

Закат сгорал долго. Его давила, сжимала, сживала с неба огромная, возникшая мириадами звезд Вселенная. Закат плотнел, багровел и мрачнел.

Глаза уставали.

Но стоило сощурить их — и лиственницы охватывало пламя. Возникали огненные, тревожные деревья.

Игнатий вздрагивал.

Каждый из этих тбилисских ребят хочет быть вратарем.

Фото О. Туркия.

НА ЭТОТ РАЗ — КОТРИКАДЗЕ

Закончился большой футбольный сезон, подведены все итоги, вручены призы. Как и в прошлые годы, редакция журнала «Огонек» присудила приз лучшему вратарю сезона. Первый Кубок «Огонька» был вручен Л. Яшину, в прошлом сезоне его обладателем стал В. Масляченко, теперь почетный приз получает молодой тбилисский вратарь С. Котрикадзе. Он немало способствовал успеху своей команды и теперь включен в олимпийскую сборную страны.

Молодому вратарю Сергею Котрикадзе и посвящен этот очерк.

М. МЕРЖАНОВ

Иной раз трудно в кипении футбольной борьбы обнаружить общее содержание, игровой порядок, какие-либо закономерности, но неточный пас или неловкий удар бросаются в глаза и вызывают гул на трибунах. Таких ошибок много, но они проходящие, их можно на ходу подправить и забыть о них, коль скоро опасность миновала. И только ошибки вратаря роковые. Он, как минер, ошибаться не может. Нет более ответственной и более трудной футбольной роли, чем роль вратаря. Он первый защитник команды и последняя ее надежда после того, когда промахнулись все и мяч неумолимо летит в ворота. Это делает игру вратаря романтичной и требует от него смелости, решительности, находчивости и зоркости. Недаром поется в песне:

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот...

Я видел на своей жизни сотни вратарей в Сухуми и Сант-Яго, в Кимрах и Стокгольме, в матчах юношей и на чемпионатах мира. Они отличаются друг от друга классом, манерой, темпераментом, но они похожи друг на друга содержанием игры. Все они должны точно выбирать место в воротах, чувствовать штанги, не глядя на них, должны прыгать, выходить на мяч, ловить его в воздухе, а в последнее мгновение бросаться в ноги форварду.

Высокая техника и самообладание — решающие условия высокого мастерства.

Даже в самые напряженные моменты борьбы нервы полевых игроков не бывают так натянуты, как нервы вратаря. Это струны, готовые звучать на самых высоких нотах спортивного совершенства, но способные и лопнуть, если их перетянуть. Актер, выходя на сцену, всегда волнуется. Даже опытный актер. Он должен сыграть свою роль так, чтобы никто из зрителей, сидящих в зале, не почувствовал фальши, неестественности, наигранности.

Сцена вратаря — ворота, в которых каждый сантиметр должен быть защищен от мячей. Вратарь защищает их на глазах многих тысяч зрителей и, показывая мастерство, тоже не может фальшивить. Фальшь вратаря — это гол. Владеть своими нервами, быть их хозяином и держать в «упряжке» — большое искусство. Но самообладание вовсе не исключает волнения, присущего каждому спортсмену, каждому игроку. Больше того: волнение поддерживает в нем ту степень жизнедеятельности, которая помогает исполнять самые сложные приемы вратарского искусства.

Мне пришлось видеть знаменитого бразильского вратаря Жильмара в пустяковой, ничего не значащей товарищеской игре. Это было этим летом в чилийском городке Винья-дель-Мар на берегу Тихого океана за несколько дней до начала мирового чемпионата. Бразильцы играли последний контрольный матч с местным клубом «Эвертон», футболисты которого во всем уступали бразильским виртуозам. Но Жильмар все же волновался: дергал концы вратарских перчаток и все время пританцовывал на месте. Тренер Марейра, стоявший тут же, за сеткой ворот, приговаривал:

— Спокойно, спокойно...

Жильмар опускал руки, словно бы расслаблялся, а затем вновь начинал пританцовывать и дергать перчатки.

Мне казалось, что слова тренера были излишни и не помогали вратарю. Я высказал эту мысль Марейра, и он, улыбаясь, объяснил, что пытается корректировать легкое волнение Жильмара, придать ему нужную настройку, но не больше, а то ведь он бразилец с горячей кровью.

Я вспомнил об этом эпизоде, наблюдая недавно игру Сергея Котрикадзе на тбилисском стадионе «Динамо». Он вел себя, как Жильмар, с тем легким на внешний взгляд волнением, которое, видимо, помогало ему настраивать себя на нужный лад. А матч был серьезный, многое решающий в соперничестве тбилисских и киевских одноклубников, острый и полный неожиданных и каверзных ударов, особенно с фланга, на котором действовал В. Лобановский.

Много раз мне приходилось видеть игру этого молодого, стройного, темпераментного вратаря. Каждый раз он обращал на себя внимание не только своей организованностью и высоким исполнительским мастерством, но и задором, который помогал ему создать особый, привлекательный рисунок игры.

Сергей Котрикадзе имел возможность не только наблюдать за действиями Моргания или Яшина, Пираева или Масляченко, но и учиться у них и технике и тактике игры в штрафной площади.

Впрочем, пора представить молодого вратаря.

...Во дворе играть запретили. Слишком много было битых стекол и чистого белья с пятнами от футбольного мяча. Пришлось уйти на улицу. Там спокойнее.

Смуглый, кудрявый подросток, приехавший из села Даблацихе, что значит по-русски «нижняя крепость», вел себя геройски: бросался на асфальт, а то и на булыжник в ноги друзей, которые пытались вогнать мяч в воображаемые ворота.

Однажды по улице проходил прославленный динамовский вратарь Дорохов. Он стал в сторонку и наблюдал за игрой мальчиков — «двор на двор». Ему понравился их азарт, попытки копировать самого Пайчадзе, но больше всего ему понравился паренек, защищавший ворота, отмеченные мелом.

— Как тебя зовут?

— Сережа Котрикадзе.

— Приходи завтра в тридцать пятую школу, там будем играть на настоящем поле, на траве.

...Сейчас, когда Сереже 26 лет, он только с улыбкой вспоминает то чувство, тот трепет юношеского сердца, которые не давали ему тогда покоя ни днем, ни ночью и заслонили всю «суету мирскую».

В 35-й школе в те годы собирали даровитых, любящих футбол мальчиков, обучали их технике владения мячом, основам тактики, следили за их правильным физическим развитием. Но все это при одном условии — успеваемости по всем предметам.

Сережа Котрикадзе перешел учиться в 35-ю школу и попал в группу вратарей, которой руководил Дорохов. Занятия проходили на стадионе имени Ленина. Хватку тренировали на мячах, отскакивающих от кирпичной стены. Чем сильнее удар, тем неожиданнее отскок, тем труднее поймать мяч. Затем тренировали реакцию на полет мяча: сильные, неожиданные удары шли из-за спины вратаря, к тому же посланные под разными углами и на разной высоте. Наконец, Дорохов подвешивал на веревке мяч в двух метрах от учеников, в полуметре над землей и предлагал ребятам бросаться на якобы летящий мяч.

Словом, это была футбольная школа по всем существующим тогда законам обучения. В ней в те годы учились М. Месхи, Ш. Яманидзе, З. Калоев, Д. Чкуасели.

Сережа Котрикадзе шел по крутой лесенке мастерства, от ступеньки к ступеньке, и ни одна из них не казалась легкой.

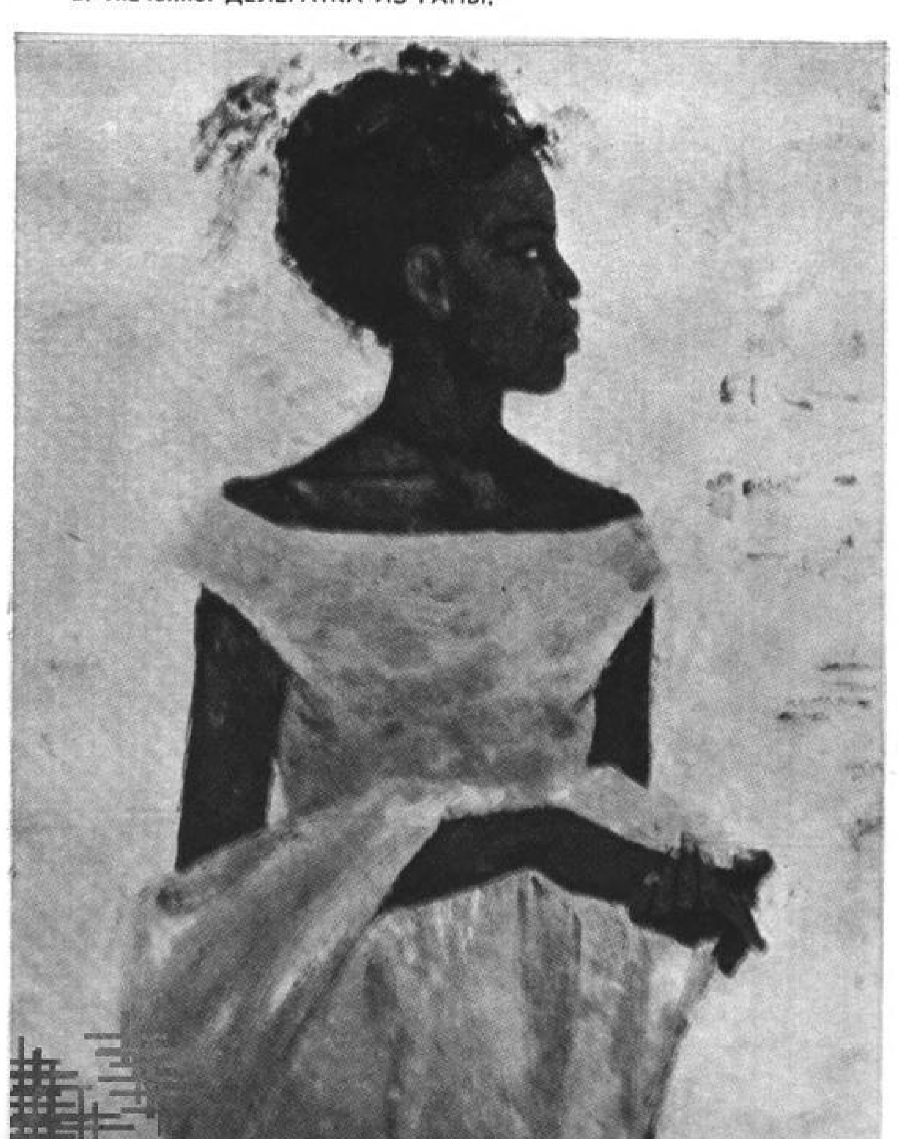
Ему особенно запомнился матч, игранный весной 1957 года. Тбилисцы принимали футболистов московского «Динамо». Впервые Сережа встал в ворота основного состава, потому что играть в тот день было некому. И сразу же, как только раздался свисток, он увидел В. Шаброва, Г. Федосова, А. Мамедова. Сережа волновался, пританцовывал, непрерывно одергивал свитер, пытался поднять гетры, хотя в этом не было никакой надобности. И вот летит высокий навесной мяч. Сережа, правильно рассчитав, выходит из ворот и в прыжке эффектно ловит его. Это было так красиво, что трибуны взорвались аплодисментами, а Котрикадзе немного расслабился. Через несколько минут он вновь выходит из ворот и бросается в ноги Аликперу Мамедову и спасает команду от, казалось, верного гола. И снова шумные рукоплескания. И каждый раз трибуны успокаивали вратаря и крепили его уверенность.

С тех пор много утекло футбольной воды. Кто только не обстреливал ворота Сергея Котрикадзе! Тут и англичане Кеван и Боби Смит, французы Копа и Пьянтони, австрийцы Хоф и Немец, тут и иранцы, бельгийцы, люксембуржцы, бразильцы, кубинцы, боливийцы, эквадорцы, костариканцы. Да всех не перечтешь!

Запомнилась неудача, постигшая

А. Колесников. РАННИЙ СНЕГ.

В. Ткаченко. ДЕЛЕГАТКА ИЗ ГАНЫ.

И. Корнев. МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ.

И. Погожев. ШКОЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ.

вратаря в Англии. Это было два года назад, когда тбилисцы после обидного проигрыша в финале Кубка СССР улетели на Британские острова. Из трех матчей динамовцы проиграли два, а один свели к ничьей, но во всех трех играх аккуратно пропустили по пять мячей.

Это пятибалльное сотрясение тбилисских ворот было уроком не только и не столько для молодого вратаря, который, в общем, провел матчи хорошо, сколько для всей команды, которая почувствовала, что в защите что-то неладно. Ржавчина бессистемной игры защитников разъедала оборону.

Для того, чтобы побороть болезнь, нужно установить диагноз и определить форму лечения. Это было не так просто. Новая система обороны шла ломаной, петляющей дорогой. Потребовалось немало времени и много сил.

Я возвращаюсь к недавнему матчу с киевлянами. Сейчас уже все было по-иному. Защитники действовали отменно. Переход на бразильскую систему помог выявить способных игроков, которые правильно восприняли новые формы игры и обезопасили свои ворота.

Изменилась и игра вратаря. Она как-то повернута к флангам. Теперь лобовых атак меньше. «Стопперы» Г. Чохели и Хурцилава не подпускают форвардов на пушечный выстрел. Атаки идут на краях: оттуда прострелы, хитрые передачи, навесные мячи, оттуда жди неприятностей, особенно когда летит резаный мяч, если даже он угловой.

Теперь «сухим листом» пользуется много форвардов, но отлично исполняет его Валерий Лобановский. Его мячи трудно ловить.

Почему?

Сережа на мгновение задумывается и говорит:

— Вы держали когда-нибудь живую рыбу в руках? Вот так и мячи Лобановского.

Да, резаные мячи нынче очень распространены. Котрикадзе видел это в Арике и Сант-Яго. Он наблюдал за игрой отличных вратарей: югослава Шошкича, чилийца Эскути и бразильца Жильмара. Они, защищая ворота своих команд, словно читали лекции сидящему на трибуне Котрикадзе. И он «слушал» эти лекции внимательно и многое понял.

По-особому он теперь смотрит на игру в пределах штрафной площадки. Выходов из ворот стало меньше. Покидать их стало опаснее.

— Нагрузка уменьшилась, — говорит Сережа, — но бдительность должна возрасти, иначе... Вы помните, как бразильцы забили второй мяч чилийцам?

И перед глазами всплыла картина интересного поединка, когда легендарный Гарринча показал не только свои отличные финты, от которых шарахались в сторону Санчес и Новарро, но и сильные, дальние, а главное, неожиданные удары по углам ворот. Один из таких мячей и пропустил Эскути, а запомнил Котрикадзе...

Сезон окончен. Сережа в студенческой аудитории. Ему осталось немного: в январе он заканчивает университет. А будущее лето полно событий. Главное из них — игра в олимпийской сборной.

Письмо Демьяна Бедного

Л. КУДРЕВАТЫХ

В апреле 1963 года советская общественность отметит 80-летие со дня рождения Демьяна Бедного, выдающегося поэта-большевика, певца Великого Октября. Воспоминания Л. Кудреватых о Демьяне Бедном, отрывок из которых мы публикуем, свидетельствуют о том, как поэт активно и энергично вмешивался в жизнь, чувствуя себя борцом за дело партии.

Только что начался тысяча девятьсот тридцатый год. В Берлине на немецком языке вышла грязная книжонка Л. Троцкого «Моя жизнь», полная самовосхваления, искажения исторических фактов и клеветы на священные для советского народа октябрьские события 1917 года. Немедленно после выхода этой книжки, 4 января 1930 года, в газете «Правда» появляется стихотворный фельетон Демьяна Бедного «Новый барон Мюнхгаузен». Фельетон заканчивался обещанием вернуться вскоре к этой теме более основательно.

И вдруг, всегда оперативный, Демьян Бедный на этот раз сбился с темпа, не сдержал слова. Фельетон-памфлет, в котором он обещал распотрошить книгу Троцкого, не появлялся. Прошел январь, минул февраль, наступил март. А Демьян молчит.

И только 14 марта, через два месяца и десять дней, в «Правде» печатается памфлет «Плюнуть некогда».

Почему произошла столь долгая пауза? Объяснение этой паузы находим в памфлете:

Но... тут Вятка меня подвела.
Вятка в гости звала.
«Вятка ждет и надеется...»
— Ладно,— думаю,— с Троцким
успеется! —
Попал я в тихие заводи Вятки
В православные святки.
...Поговорив с тем-другим
забулдыжкою,
Тех-других коснувшися местных
имен,
Почувствовал я, как запахло
отрыжкою
Далеких, щедринских времен.
Усладивши свой взор той-
другою картиною,
Я вернулся из Вятки
с растерянной миною.
...Я вернулся из Вятки
Без желаемой, бодрой зарядки.
Не туда я, выходит, полез.
Без зарядки, однако, зарез!
Тут помог мне приятель мой,
Волин:
— «Приезжай-ка к нам в
Нижний, так будешь доволен!
Все окинешь внимательным
оком.
Чудеса ведь какие под боком!»
Проведенные в Нижнем три дня
Воскресили меня.

И, только воспев увиденные в Нижнем чудеса бурного строительства, Демьян Бедный начинает «потрошить без остатка» книгу Троцкого «Моя жизнь».

Что же произошло с Демьяном Бедным в Вятке? Чем вызвана «растерянная мина», с которой Демьян вернулся из Вятки, куда его приглашали? И почему после Вятки Нижний?

Ответы на эти да и другие вопросы, которые могут возникнуть при чтении вступления к памфлету «Плюнуть некогда», можно получить из хранящегося у меня письма Демьяна Бедного от двадцатого января 1930 года.

«В цех-ячейку редакции газ. «Вятская правда». Товарищам Макарову, Кудреватых, Логинову, Лугинину и Сычугову.

Дорогие товарищи!

Вы не можете представить, каким целительным лекарством для меня было ваше письмо от 15 января, из которого я узнал, что большинство вашей ячейки, то есть, все вы, названные выше, нашли в себе достаточно мужества, чтобы протестовать против того отношения, какое было проявлено ко мне в Вятке партверхушкой.

...Случай в самом деле небывалый в моей практике. Человек простой и не чванный, получив из Вятки настоятельную просьбу приехать, я бросаю все и еду за 900 верст. Приезжаю в Вятку и сразу вижу, что к вызову окружком не имеет никакого отношения. В дальнейшем определяется «отношение», но очень странное. Так, в клубе, где я выступаю, я не вижу ни единого приветливого окружкомского лица. На товарищеский писательский ужин окружкомцы, специально приглашенные, не приходят тоже..., а предпочитают прогулку в кино. На следующий день та же история. Я не знал, что и думать. Заметьте, что такие случаи бывали у меня, когда я — в Одессу, например, приезжаю по вызову не окружкома, а Перекопской дивизии. Я еду прямо в дивизию, выступаю там. Я могу вернуться обратно в Москву, не заявившись в окружком, а сделавши только то дело, ради которого приехал. Никаких тут формальных нарушений нет. Но никогда не бывало, чтобы местный агитпроп немедленно не попытался использовать меня до отказу: побыл в дивизии? Хорошо! Теперь походи денек-два в партийной упряжке! — И я ходил, как тому и быть полагается. Все это просто и ясно. У партруководства нет формализма, у меня нет чванства, идем друг другу навстречу. Иначе не должно быть. Тут же я делаю к вятскому окружкому 900 верст, а он 900 вершков не хочет сделать, простой записочкой не отзовется, не спросит, в какой мере меня можно взнуздать, куда послать и т. д.

...Подобное отношение к писателям показывает прежде всего убогий уровень культурности тех, кто обнаруживает такое наплевательство. Салтыков-Щедрин завещал наипаче уважать звание писателя. Но ведь старорежимные вятские высокородия и превосходительства были на сей счет другого мнения, совпадающего, как это видно, с мнением нынешних вятских высоко-ком-благородий, не постеснявшихся сказать: мало ли к нам пролетарских писателей ездит? Что особенного в приезде Демьяна Бедного? — Тут дело, говорю я, касается культурного уровня. Так что личной обиды у меня не было и нет. А была горечь и было недоумение. Ведь мне-то хотелось бы, чтобы партийная среда была выше, а не ниже известного уровня. Ведь я менее всего расположен чернить хороших работников. Наоборот. Я как революционный художник стараюсь найти лучшие черты, скажем, в вятском партийном лице. А это лицо отворачивается! Что я должен подумать?

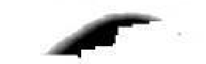
Думать теперь нечего. Лицо себя показало заявлением в ЦК, где на шести страницах наворочено нечто такое, с чьим ароматом не могут сравниться все запахи вятского кожевенного завода... Опровергать невозможно. Надо просто отвернуться от этой жижи, что я и сделал. В дальнейшем люди сами себя покажут, чего они стоят. Вы хорошо знаете, как велась за мною в Вятке слежка, как перетолковывались мои слова. Но в заявлении в ЦК не только все извращено, но даже написано о том, чего вовсе не было...

Что я должен думать о людях, способных, с целью выгородить себя, писать такие небылицы в лицах? ...Я вижу, как после моего визита в Вятку нервничает теперь «Вятская правда», каким высоким голосом она поет, из сил надрывается. Но разве я ребенок и не понимаю, что это значит?

Есть, стало быть, кое-какая польза от того, что я поворчал в Вятке. Встряхнулись люди. Посмотрим, надолго ли этой зарядки хватит.

...Моя формулировка — «пустое место на пустом месте» была односторонним отражением не объективной действительности, а моего субъективного, настороженно-раздраженного настроения. Побывавши на нескольких собраниях, особливо на собраниях крепкокостной, рабочей, румяной, приветливой вятской молодежи, я еще в самой Вятке, будучи до отъезда, ясно различал в Вятке больное и здоровое, и потому-то я не настаивал на моей первоначальной резкой формулировке: нельзя было бить по здоровому, осердясь на больное. Но мириться с больным я не собирался, как это заявляют окружкомцы. Больное я отмечал не в одной Вятке...

Ваше неожиданное письмо, дорогие товарищи, сослужило хорошую службу. Оно вернуло мне снова чувство бодрости и уверенности в том, что я правильно прощупываю людей и нахожу сочувственный отклик в той простой,

товарищеской среде, добрым мнением и симпатиями которой я наиболее всего дорожу.

С горячим тов. приветом
Демьян Бедный

Вы, надо полагать, уже знаете то, о чем я только сейчас узнал, а именно, что любителей кинематографических сеансов уже вызывали в Нижний Новгород в облаcтком. Пришлось, стало быть, проехаться и услышать не совсем для себя приятные вещи. Иначе и быть, конечно, не могло. Я же решил ударить челом областкому, ставшему на мою защиту, и неожиданно препожаловать в Нижний послезавтра для выступления на собрании в память 9 января.

Д. Бедный».

Как видим, это письмо в какой-то мере объясняет причины творческой паузы, связанной с поездкой Демьяна Бедного в Вятку. К тому же в нем Д. Бедный излагает свой взгляд на место и роль писателя в жизни.

Но почему письмо адресовано этим пяти товарищам? Какое письмо послали мы 15 января 1930 года Д. Бедному и почему оно явилось для него «целительным лекарством»?

В 1930 году Вятская губерния вошла в только что образовавшийся огромный Нижегородский край, а Вятка из губернского города превратилась в окружной. Могучий, освежающий ветер индустриализации еще не докатился до Вятки. Почти все предприятия, а их было не так много, сохранились в своем первозданном виде с тяжелыми, изнуряющими человека условиями труда. Революционные бури, конечно, вымели чиновничье-купеческую рухлядь, изменили правопорядки в городе. Но внешний облик да и быт в Вятке носили на себе отпечаток глухомани.

Молодежь Вятки настойчиво требовала внимания к своим культурным запросам, рвалась к знаниям, увлекалась литературой, искусством. Давно зрела мысль пригласить поэта в клуб его имени. И в конце 1929 года профессиональный союз рабочих-кожевников послал поэту такое приглашение.

Шестого января 1930 года рабочая Вятка встречала Д. Бедного. Накануне «Вятская правда» вышла с аншлагом «Пламенный привет певцу пролетарской революции — Демьяну Бедному». На первой странице газеты были напечатаны приветствия в адрес гостя.

После короткой беседы в редакции Д. Бедный автомобилем — их тогда в Вятке были единицы — поехал в Ленинский район, центр кожевенной промышленности. Дорога узкая, занесенная сугробами снега. Встречные лошади шарахаются в стороны и прочно оседают в снегу. Идет обоз. Несмотря на сигналы, лошади не уступают дорогу. А разминуться нельзя. В чем дело? Оказывается, все ямщики обоза вдрызг пьяны.

— Дороги у вас ужасные,— вздыхает Д. Бедный.— Вы же были губернским центром. Как же держали связь с уездами?

Около заводоуправления предприятий Ленинского района состоялся митинг.

Уже здесь, на рабочем митинге, Д. Бедный говорил не только о великих свершениях, которые принесет стране план индустриализации, но и бичевал косность и отсталость. Его возмутили пьяные компании, разгуливающие по улицам города, и звон колоколов, несшийся с разных сторон.

— Я должен видеть не только хорошее, но и плохое,— пояснил свою мысль Д. Бедный.— Мне, горластому человеку, который кричит на весь Советский Союз, нужно держать ушки на макушке, а глаза навостре. Мне и вам надо найти, на ком вошь ползает, придавить и раздавить эту вошь.

После митинга Д. Бедный побывал в цехах, разговаривал с рабочими, особенно со старыми. Он увидел ужасные условия труда: почти весь процесс обработки кож был ручным. В цехах грязь, вонь. Лица рабочих изможденные.

— До революции за такие порядки рабочие вывезли бы мастера на тачке за ворота! — с возмущением говорил Д. Бедный директору завода, сопровождавшему его по цехам.— Окружное начальство у вас бывает? Видит все это и мирится? Странно!

Во многих цехах побывал Демьян, и лицо его становилось все строже и суровее. Когда мы ехали с завода, он говорил инспектору профсоюза:

— Невыносимые условия, в которых работают люди, созданы старым строем. Видели вы рабочего, который работает на заводе тридцать пять лет? Тридцать пять лет этот человек дышит вонью. Это герои, подлинные, незаменимые, будничные герои. Не пойму одного: как так можно — окружкомовцы знают о порядках в цехах, а мер к облегчению условий труда не принимают?! Вот я их и пристыжу сегодня в клубе на собрании рабочих.

В клуб, где должен был выступить Д. Бедный, кроме меня, редакция газеты послала еще двух сотрудников, чтобы подробно записать выступление писателя.

После выступления Д. Бедного на трибуну один за другим поднимались рабочие. Они не только разделили гнев поэта, вызванный забвением интересов рабочих, трудившихся в тяжелых условиях, но и привели немало примеров, показывающих равнодушие окружных руководителей к нуждам города. На столе президиума перед Демьяном Бедным лежала груда записок. Он спросил меня, кто сидит в президиуме. Я назвал всех.

— А из окружкома партии никого нет? Значит, на рабочие собрания не ходят? Боятся услышать от рабочих слово правды. Ну, я им скажу это слово.

И Демьян снова поднялся на трибуну.

Вечером, после собрания в клубе кожевников, на товарищеский ужин в честь гостя собрались местные литераторы, журналисты и рабкоры. Ждали на ужин и руководителей окружкома партии, которые обещали обязательно быть и приветствовать пролетарского поэта. Но не пришли. «Ушли в кинематограф»,— ответили нам в окружкоме.

— Теперь все ясно,— заметил Демьян Бедный, узнав, что товарищи из окружкома предпочли встрече с поэтом кинематограф.— Теперь я вижу позицию руководителей окружкома в отношении меня и вас, «писателишек».

Все это было шестого января вечером. А днем седьмого января мы готовили подробный репортаж о выступлении Д. Бедного в клубе, о состоявшейся утром в тот день встрече поэта со студентами педагогического института. Было условлено: выступления поэта дадим в подробной записи.

Но свет увидел только куцый отрывок из репортерской записи.

«Дорогие товарищи! Очень трудно беседовать тогда, когда нечего сказать. Но бывает еще труднее тогда, когда хочется сказать многое, но не знаешь, с чего начать. Мне часто приходится бывать на многих большевистских, советских и рабочих собраниях. Как большевистскому «протодьякону» мне везет. Вот приехал я в Вятку и сразу попал в клуб, который был когда-то женским монастырем.

В Москве из церкви Пантелеймона сделали клуб имени Д. Бедного. Демьяна Бедного превратили в Пантелеймона. Один паршивенький пароходик «Зосима и Савватий» переименовали в пароход моего имени. Но пароход от этого не изменился, он остался таким же. Вот и ваш клуб зовется моим именем. В обыденной жизни его зовут попросту «Демьянка». В «Демьянке», как я узнал, подчас бывают пьяные и хулиганы. А потом о своем клубе вы будете говорить:

— Демьянка — пьянка.

Не хочу я, чтобы мой клуб назывался так. Пьянства у вас в Вятке действительно много. Бывал я в разных городах, но такого количества пьяных, как в Вятке, я еще не видал. Вам надо вести большую борьбу против пьянства, поднимать культурный уровень рабочих и особенно крестьян.

Есть другое зло — невежество. Невежество — лучший друг религии. Раньше дворянские писатели восхваляли и пели:

— Ах, как хорошо умирает русский мужик!

Свое счастье в смерти русский «мужик» видел раньше, когда жить ему было трудно. Невежество «мужика» порождала царская Россия. Эта Россия искала путь к спасению, но кроме смерти ничего не нашла. Смерть ее наступила в семнадцатом году.

Теперь надо хозяйничать по-новому. Мы стараемся и добьемся того, чтобы как можно скорее вылезть из болота прошлого. Мы должны закалять себя в бою, покончить с мягкотелостью, дряблостью, перестать быть «соломенными богатырями».

Наша политика, политика рабоче-крестьянского правительства заключается в том, чтобы создать волевой стержень в массах. Эту переделку будут проводить такие ячейки, как клуб.

Я горжусь тем, что культурное учреждение, ваш клуб, носит мое имя. Но вместе с тем я обращаюсь к вам с просьбой — поддерживайте свой клуб, ходите сюда не ради пьянки-гулянки. Загорайтесь энтузиазмом социалистической стройки! Помните, что только культура окончательно выведет вас в люди».

Из «почти стенографической записи» двух речей Д. Бедного было много вычеркнуто уже из набранного текста. В частности, такие места:

«К вам в Вятку я приехал не для того, чтобы показать себя... Хочу сам поглазеть, что у вас есть хорошего и плохого.

Я ехал в Вятку с надеждой, что мне покажут новое, хорошее. Но я приехал и пожалел. Я, как архиерей, по одному-двум заводам помахал кадилом и убежал. И хорошего я у вас видел мало. Я уже говорил — на кожевенных заводах вонь, грязь, невыносимые условия труда. А в Доме крестьянина? Вонища — мухи дохнут. Пьяных до черта. И никого из культурников. Хрипит один пьяный граммофон».

«Я приехал в Вятку, а пришел ли ко мне кто-нибудь сказать: «Приходите, посмотрите на наши достижения»? Нет, никто не пришел. Ведь могли бы использовать меня. Придите, покажите мне хорошее, и я прогремлю о вас на всю Россию. Ведь мы — одно целое. Мы служим друг другу, общему делу. Не для одного клуба я приехал сюда. Я приехал посмотреть, как у вас живут, работают, что у вас хорошего. Зарядите меня хорошо, и я расскажу сотням тысяч о ваших достижениях...»

Больше того, свет не увидели не только эти и другие отрывки из речи Д. Бедного. Поэт еще два дня пробыл в городе, отвечал на приглашения многих организаций, выступал там, но обо всем этом газета сообщила в маленькой хроникерской заметке только после отъезда поэта из города.

«Вятская правда», встречавшая поэта приветственным аншлагом, вдруг готова была замолчать его пребывание в городе, а сообщения о его выступлениях искажала или совсем выхолащивала.

В чем же дело?

Острое и справедливое слово Д. Бедного стало поперек горла тогдашним руководителям окружкома партии. И они решили отплатить ему молчанием, пренебрежением. Позиция руководителей окружкома партии и редакции «Вятская правда» возмутила работников редакции. Ее заметили и читатели.

В ту пору я был секретарем цеховой партячейки редакции. Сотрудники редакции — коммунисты и беспартийные — спрашивали меня:

— Неужели замолчите этот произвол с Демьяном Бедным? Ведь это конец всякой критике и самокритике на страницах газеты!

Коммунисты редакции решили выяснить у редактора газеты причины замалчивания в газете выступления Демьяна Бедного; двенадцатого января провели по этому поводу собрание. В принятом большинством постановлении, в частности, говорилось:

«Газета сделала большую ошибку, не использовав речь Д. Бедного, как крупнейшего, всесоюзного, популярнейшего партийного агитатора, для мобилизации внимания всей общественности и рабочих масс на беспощадную борьбу с косностью, мещанством, темнотой, невежеством и другими недостатками».

Стоит ли говорить, что после этого собрания разыгралась настоящая буря. Пять коммунистов подверглись лобовым и обходным атакам со стороны окружкома партии. Обходная атака — заявление в ЦК партии на Демьяна Бедного. Очернить Демьяна Бедного, обвинить его в смертных грехах, а потом уже можно расправиться и с пятью коммунистами, поднявшими голос в защиту критики и самокритики. Прямая атака — стук кулаком по столу в кабинете секретаря райкома:

— Кто вам дал право противопоставлять себя окружкому партии?! Знаете, чем это попахивает?

Копию протокола партийного собрания мы отправили не только в райком и окружком партии. Пятнадцатого января послали Демьяну Бедному письмо и материалы партийного собрания.

Ответ Демьяна Бедного, как и наше письмо к нему, по его меткому выражению, был для нас «целительным лекарством». Мы из него узнали многое, чего не знали раньше. Действительно, вскорости руководство окружкома партии было вызвано в Нижний Новгород в крайком партии и выслушало там много горьких для них слов.

Вскоре под предлогом «выдвижения» из Вятки уехали Владимир Макаров (впоследствии редактировал областные газеты, в том числе и «Кировскую правду», и был собственным корреспондентом «Правды») и Николай Логинов (позднее был редактором саратовской областной газеты, членом редколлегии «Правды», заместителем главного редактора газеты «Советская культура», ныне член редколлегии журнала «Агитатор»). В марте того же тридцатого года и меня пригласили в окружком партии.

— Вас отзывает крайком партии.

Значит, тоже «выдвигают», решил я и поехал в Нижний через Москву: решил навестить Д. Бедного.

Демьян принял меня радушно. Выслушал рассказ о судьбах пятерых коммунистов из «Вятской правды», показал свою богатую библиотеку и отпустил только после обеда, предварительно позвонив в Нижний Борису Михайловичу Волину, старому большевику, редактировавшему «Нижегородскую коммуну»:

— Завтра в Нижний приедет молодой журналист из Вятки. Я тебе о нем и его друзьях рассказывал подробно. Не без помощи вятских партблагородий его хотят куда-то «выдвинуть». Придержи его в Нижнем, пусть пройдет школу журналистики...

Сейчас, вспоминая историю, связанную с письмом Д. Бедного, невольно сравниваешь минувшее время с нынешним. Бывшая Вятка, ныне город Киров,— областной центр, благоустроенный, промышленный город. В Кирове своя писательская организация, книжное издательство. Писатели области окружены вниманием и заботой, они верные помощники партийной организации.

В нынешних условиях, когда советская литература и писатели пользуются таким уважением народа, вятский эксперимент с Демьяном Бедным образца тридцатого года просто немыслим. В этом отношении письмо Д. Бедного имеет и литературное и историческое значение.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Л. ОСИПОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Земля накалена. Только изредка ветер доносит свежесть моря и откуда-то запах полыни. По склонам высоких холмов, обступивших долину, движутся черные точки. Вот они вырастают, уже различимы матросские бескозырки, винтовки с примкнутыми штыками... И вдруг рвет окрестную тишину яростный шквал: «Ура!»

— Стоп. Кончили!

Эхо разносит по всей долине команду.

Солнце так нагревает металлические части съемочной камеры, что к ним не притронешься. Пот застилает глаза. Это пустяки, лишь бы техника не подвела в самый ответственный момент.

— Еще раз! Повторим... Мотор!

И окрестные холмы опять обрастают стремительными фигурками.

Идет съемка «Оптимистической трагедии». Каждый рабочий день с его суетой, спорами, творческой напряженностью режиссер-постановщик С. Самсонов и оператор В. Монахов расценивают как проигранное или выигранное сражение.

Пьеса Всеволода Вишневского в свое время сломала многие сценические каноны, раздвинула рамки, возможности театра. Заживет ли она такой же большой жизнью на экране?

Почти полгода длилась экспедиция. Пески и выжженные степи в окрестностях Приднепровска, Черноморское побережье вблизи Севастополя и Балаклавы, Одесса. Работать здесь помогала сама земля. Каменистая почва казалась спрессованным прахом многих поколений. История напоминала о себе заросшим травой дзотом, откопанным на склоне оврага ржавым штыком, гильзой. Кочевой быт, с которым за долгие месяцы успели сродниться члены съемочной группы, создавал особый тонус. Стало привычным мчаться на катере, который взлетает куда-то высоко и вдруг шлепается с размаху в волны; подниматься на высокий борт крейсера по штормтрапу — веревочной лестнице, мокрой и предательски раскачивающейся на ветру; жить в кубрике, который иногда ночью начинал кружиться и куда-то уплывать... Приближающийся шторм научились угадывать и без барометра, а морские команды знали назубок.

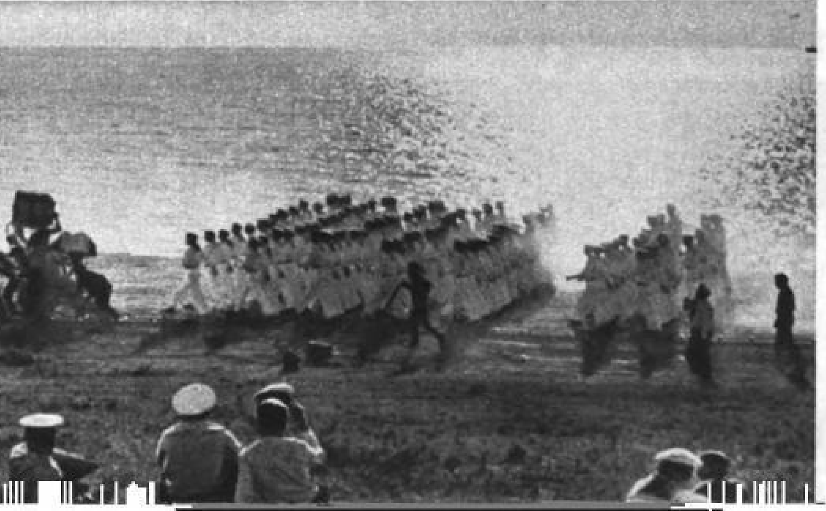
Каждое утро моряки привычно надевали морскую форму тех времен, а вечерами спорили, удачно ли строил режиссер кадр. В сущности, именно они, матросы, были главными героями картины. Почти ни одна съемка не обходилась без массовки в 300—400 человек.

Поэтому никого не удивляло, когда ребятишки, любители автографов, сначала обступали плотной стеной Бориса Андреева, Вячеслава Тихонова, Маргариту Володину, Всеволода Сафонова... а потом решительно двигались к отдыхающим в тени матросам. Те уважительно, без тени снисхождения расчеркивались на открытках, сборниках стихов и просто учебниках.

Съемки картины еще не закончены: сражение продолжается.

В роли комиссара — М. Володина.

Снимают один из символических кадров фильма — «Полк в белом».

Алексей — В. Тихонов.

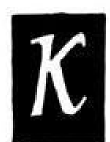

Надомницы. От зари до зари за нищенскую плату крутят они сигары.

Так живут многие тысячи колумбийцев.

Ю. ГВОЗДЕВ

Каждый раз, когда я беру в руки маленькую чашечку с дымящимся кофе и вдыхаю его горьковатый аромат, передо мной встает Колумбия — далекая и красочная страна. Недавно я был там.

Вновь вижу изумрудные отроги Анд, уносящие свои высокие гребни в голубые дали. Вижу, как багровая дорога спешит куда-то среди бананов и кофе. Вижу, как грациозные пальмы лениво полощут широкие листья в золоте солнца.

Глухой рокот падающей воды снова в моих ушах. Снова перед глазами сумрачное великолепие каскада Текендама. Мы в самом сердце страны, мы стоим у каменного барьера, на краю бездны, куда неистово сбрасывает свои воды река Богота. Сто сорок пять метров кипящей, яростной лавины, падающей в гигантскую скалистую чашу, откуда к небу тянутся белые клубы брызг.

— Смотрите,— говорю я нашему колумбийскому гиду,— кажется, что река непрерывно кончает жизнь самоубийством.

На смуглом лице гида появилась грустная улыбка:

— Видите черный камень на самой вершине? Это «камень смерти», с него отчаявшиеся люди бросаются в струи Текендама. Между прочим, Колумбия занимает одно из первых мест по числу самоубийств среди стран западного полушария...

Грохот падающей воды заглушает последние слова гида: ветер подул в нашу сторону, и солнце исчезло в белом дыхании каскада. Зато там, внизу, вдруг расцвела нежная радуга...

Город Богота — колумбийская столица — по площади не уступает Парижу, широко растекаясь по емкой долине реки Боготы. Одним своим краем он как бы прижался к горе Монсеррате, вершину которой венчает католическая церковь и библиотека Боливара. Нити подвесной дороги и фуникулер прочно связали с городом эти достопримечательности.

Иностранцам всегда советуют:

— Обязательно поднимитесь на Монсеррате — и вы увидите всю Боготу.

Но настоящую Боготу, ее жизнь едва ли можно разглядеть с птичьего полета...

Богота — трагический город, и его трагедия встречает вас сразу же при выходе из гостиницы. Стоит миновать порог отеля «Континенталь», как маленькие оборванные дети, часто ежась от холода и дождя, гурьбою бегут навстречу.

— Сеньор, почистить ботинки? Поймать такси? Понести сумку?

Беспризорные, голодные дети — это, пожалуй, самое страшное, с чем сразу же сталкивается человек, попавший в столицу Колумбии.

Стайки голодных оборвышей буквально заполняют центр города. Никто точно не знает, сколько их в Боготе, но полагают, что эта детская армия нищих насчитывает десятки тысяч человек...

Недавно колумбийский журнал «Ла нузва пренса» поместил фотографию: группа бездомных, оборванных детей на фоне плакатов, с которых президент Валенсия (как, впрочем, и его предшественники) обещает жилища, образование, аграрные реформы. Под снимком подпись: «Дети бросают вызов гнусной политической системе»...

Летом этого года бездомные дети устроили манифестацию в центре столицы: «Нам холодно — у нас нет одежды», «Мы голодаем, хотим есть», «Мы тоже колумбийцы — нам нужна работа, нужна помощь»...

Полиция разогнала демонстрацию и арестовала детей — «зачинщиков». «Детская революция», как ее называли газеты, была подавлена.

Но проблема беспризорных детей осталась. Ее трудно решить — она всего лишь часть той мрачной трагедии, которую страна переживает сегодня.

Ко мне в гостиницу пришли студенты университета. Они передали мне фотографии, которые сами по себе являются обличительными документами. На них изображены «черные зоны» Боготы, зоны трущоб, нищеты...

— В «черных зонах»,— сообщил Фернандо С.,— живут сотни тысяч человек. Их жилища — убогая конура из картона, щепок и жести. Считается роскошью, если есть кровать, на которой обычно спят вповалку шесть—восемь человек.

Все нечистоты, — продолжал студент,— сливаются в сточные канавы, зловоние от которых распространяется вокруг. Нет ни питьевой воды, ни электричества. Когда наступает ночь, наиболее «состоятельные» обитатели зон зажигают свечи. Людей, живущих там, называют в Колумбии пещерными жителями...

И в таких условиях живут примерно восемьдесят процентов колумбийцев!

Некогда Богота славилась своими университетами, философами, писателями. До сих пор о ней пишут в туристических справочниках: «Богота — Афины Америки».

Сегодня это звучит иронически. Страна задыхается от невежества. Более половины ее населения неграмотно. Одна треть детей школьного возраста не имеет возможности учиться. В республике много классов, где приходится шесть—восемь детей на одну парту. Многие ученики занимаются, сидя на полу...

Еще хуже дело с высшим образованием. Университеты страны влачат жалкое существование. Этим летом студенты Боготы вышли на улицы с лозунгами: «Винтовки — нет! Книги — да!», «Долой клерикалов и олигархию!», «Долой милитаризм!».

Полиция расстреляла демонстрацию. Кровью студентов обагрились улицы столицы.

Колумбия — страна легенд. Когда наступает вечер, с ее задумчивых синих гор сползают седые гривы туманов, и кажется, что вот-вот предстанет перед нами страна той, какой была она много веков назад. Алчные конкистадоры искали здесь тогда сказочные сокровища Эльдорадо, искали источники вечной молодости. Искали чудеса. Об одном таком чуде стоит рассказать.

— Сипакира — самое интересное место в окрестностях Боготы,— говорит нам колумбийский инженер Роберто Н.,— там вы увидите настоящее чудо...

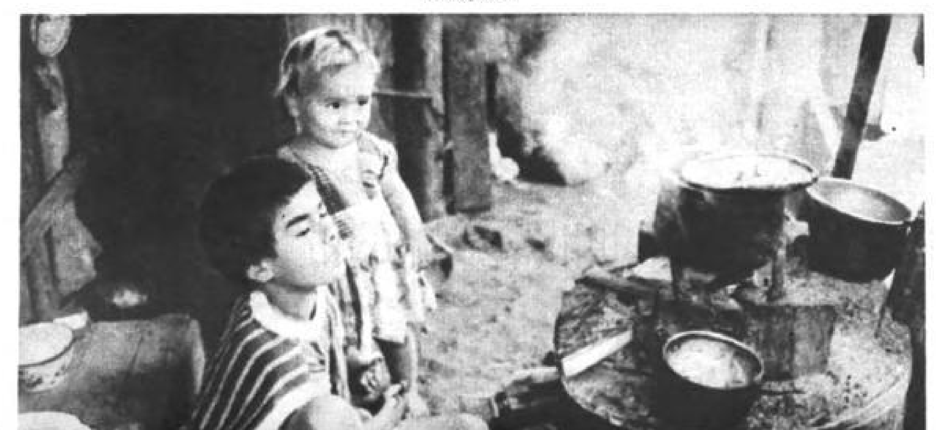
Мы подъезжаем к Сипакира, небольшому провинциальному городку в пятидесяти километрах к северу от Боготы. Вокруг зеленые горбины гор. Постепенно люди съедают их — здесь добывают соль. Когда-то все эти места лежали на дне океана.

Машина медленно въезжает в туннель, ведущий к сердцу горы. Душно и мрачно: тускло горят ряды электрических ламп. Гулкое эхо сопровождает каждый звук. Мы едем километр, еще полкилометра, и перед нами встают сумрачные высоченные залы подземного католического храма. Лестницы, колонны, святые — все высечено из соли.

— Попробуйте,— говорит наш спутник, трет пальцем по алтарю и прикасается к нему языком.— Соленое... Более восьмисот лет назад начали индейцы добывать

ГОРЬКИЙ КОФ

Дети трущоб. На каждом шагу их подстерегают болезни или голодная смерть.

Яркой, экзотической, как эти индейцы, стараются представить Колумбию справочники для туристов.

Квартал Поликарпа, известный своими страшными трущобами, власти отгородили от других районов Боготы стеною.

Колумбийская семья выброшена на улицу за несвоевременный взнос квартирной платы.

здесь соль, которую вожди меняли затем на золото в окрестных индейских царствах... Так собирались сокровища Эльдорадо.

Таинственно мерцают многочисленные свечи у алтаря. Крупными римскими цифрами обозначены на стене все основные эпизоды страданий Христовых... Не отражены лишь вековые мучения народа, чьи слезы горше, чем вся соль Сипакира.

Храм сооружен всего лишь десять лет назад, и денег на его строительство ушло немало.

Засилье церковников в стране не поддается описанию. Шагу нельзя ступить, чтобы не встретить на улице развевающуюся на ветру сутану какого-либо монаха. Здесь действует более двухсот церквей.

«Без священника дети остаются сиротами, женщины без защиты, мужчины без удержу...» — гласят многочисленные плакаты в городе Медельин.

Но церковь занимается не только семейными вопросами. Она оказывает большое влияние на политическую жизнь страны, ведет широкую пропаганду против идей прогресса и демократии со страниц своих журналов и газет. С ведома властей в университетах страны стараются фактически восстановить святую инквизицию для борьбы против всего нового.

Каменными крепостями возвышаются в горах католические монастыри, тысячи церковных крестов подпирают небо... Но время берет свое.

В городе Кали на замшелой стене старинной церкви я прочитал пламенные слова: «Да здравствует Куба! Да здравствует революция!». И не только в Кали, это я видел всюду; даже на правительственных зданиях в Боготе их не успевает замазать полиция.

...У меня на столе кофе. Его горький вкус наводит на размышления...

И снова мысленно я на родине этих кофейных зерен. По голубому небу величественно плывет раскаленный шар солнца. Жарко. Мы на плантации, здесь выращивают кофе...

— Не правда ли, красиво кофейное деревцо? — спрашивает хозяин. И все мы стараемся потрогать нежные зеленые веточки с розовыми ягодами.

— Кофе разных стран имеет свой вкус,— объясняет нам хозяин.— Что касается колумбийского кофе, то он отличается особой горечью...

Горечь. Это не только привкус кофе. Слово это всплывает в памяти всегда, когда я вспоминаю о Колумбии, о том, как живут там крестьяне...

Мы едем на машине по пыльной красноватой дороге. Пыль покрывает толстым слоем листья деревьев, стебли трав, венчики цветов. Пылью покрыты загорелые лица крестьян, их белые холщовые штаны. Усталые и унылые, бредут они по обочине дороги.

Мы проезжаем мимо убогих серых домов без окон, где люди спят на полу, где дети ползают среди тощих черных свиней. Нищета смотрит на нас мрачными глазницами дверей. Нищета среди буйного разгула тропических цветов. Их оранжевые, карминовые, лиловые, белые созвездия как бы молча протестуют против убожества крестьянских жилищ...

А рядом вдоль дороги тянутся километры и километры зеленых кофейных плантаций. Все это владения местного «асендадо», помещика. Изможденные крестьяне на фоне бескрайней латифундии. Горстка крупнейших помещиков и 1 300 тысяч безземельных крестьян, обреченных на голодное существование!

— Мы требуем аграрной реформы! — гремит над землей легендарного Эльдорадо.

Но «асендадо» крепко держится за плантации сочных бананов, за массивы душистого кофе. «Асендадо» хочет властвовать так, как он властвовал в средние века. На движение за аграрную реформу латифундисты отвечают массовым террором. Собравшись в городе Кали, они потребовали пытки и смертной казни для крестьян, осмеливающихся посягать на их земли. Отряды террористов — их называют здесь «птичьи стаи»,— поддержанные колумбийской армией, обрушились на крестьянство. Сотни тысяч могильных холмов отмечают путь карателей... Но против этой стаи стервятников, выпущенной олигархией, народ Колумбии организует вооруженные отряды самообороны. В стране разразилась настоящая гражданская война.

В курчавых отрогах Анд, в знойных просторах плодородной саванны, действуют крестьянские партизанские отряды. Над страной, носящей имя Колумба, разносится их песня, песня борьбы и надежды:

Я солдат партизанских отрядов,
Бой ведущих за лучший мир,
И клянусь победить я
в сраженье
Против доллара и тиранов...

А засилье доллара в стране действительно велико, действительно страшна его власть. Восемьдесят пять процентов всей валюты, сорок процентов всего национального дохода дает кофе, а он — во власти доллара. Крупные империалистические монополии только от понижения цен на колумбийский кофе «заработали» за последние восемь лет полмиллиарда долларов. Эти деньги отняли у голодной, нищей страны, и это называют в Вашингтоне «Союзом ради прогресса».

В стране действует военная миссия США, она «изучает опыт борьбы с партизанами» на живом теле республики, под руководством американских инструкторов обрушивается на крестьян армия колумбийской олигархии.

Вот почему, когда я увидел в аэропорту «Эльдорадо» небольшой зеленый самолетик со знаками военно-воздушных сил США, увидел, как из него выпрыгнули солдаты-янки — члены миссии, я подумал: «Как он похож, этот самолетик, на комара-кровопийцу!».

...У меня на столе кофе, ароматный, горький. Каждое его зерно таит в себе горькую, буйную силу народного гнева, из которого разгорается борьба за освобождение страны от нищеты, от угнетателей.

Я вспоминаю город Кали, вокруг которого кофе, кофе и кофе. Я вспоминаю Кали во время выступления там советского ансамбля «Березка» на закрытом стадионе. Тысячи колумбийцев пришли сюда на встречу с Советским Союзом. Какой радостью, надеждой, счастьем искрились их глаза! Самозабвенно аплодировали загорелые крестьяне и степенные учителя, древние старики и маленькие черноглазые девочки. Даже полиция не выдержала... и зааплодировала. «Россия! Да здравствует Россия!»—слышал я вокруг. Слышал, как бьются тысячи дружеских сердец, как в могучую радугу надежды сливаетс блеск тысяч глаз.

Я вспоминаю горячий прием, оказанный «Березке» Институтом советско-колумбийской дружбы, слышу проникновенные слова любви к Стране Советов, чувствую тепло рукопожатий наших друзей, вспоминаю, как нам каждому подарили на память по небольшому мешочку колумбийского кофе.

Когда я смотрю на эти зерна, я думаю о тех чудесных живых семенах дружбы с Советским Союзом, которые всходят в сердцах миллионов колумбийцев.

Богота — Москва.

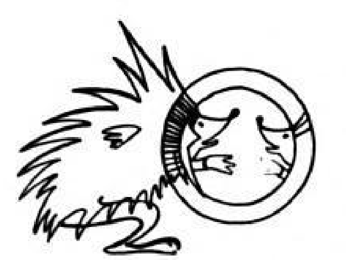
Е КОЛУМБИИ

На этой кровати спит семья из восьми человек, и это все, что можно поставить в лачуге, которую здесь называют «домом».

Студенческий митинг протеста в Боготе против репрессивных действий армии, занявшей помещение столичного университета.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С „ЕЖОМ"

Как по-сербски крокодил? Этот вопрос я задал белградскому юмористу Браниславу Црнцевичу. Мы отправлялись на свидание с его коллегами, и я старательно готовился к этой встрече.

— Крокодил, по-нашему, — это еж,— улыбаясь, ответил Црнцевич

Признаюсь, я не сразу понял соль его шутки. Но когда все юмористы собрались и главный редактор журнала Любиша Манойлович открыл совещание, мне все стало ясно. Крокодил — по-югославски действительно еж. Журнал, выходящий в Белграде под названием «Еж», хотя внешне и отличается от нашего «Крокодила», но содержанием своим очень на него похож. Он также борется с недостатками, зло высмеивает плохих людей и добродушно подшучивает над хорошими.

Вот, например, кто-то рассказал на совещании, что на адриатическом курорте Дубровник в гостинице «Парк-отель» приезжих невкусно кормят. Тема рисунка рождается мгновенно. Предлагает ее главный редактор.

В «Парк-отеле» появляется Иисус Христос.

— Что вам здесь нужно? — спрашивает директор отеля.

— Приехал перенять у вас опыт,— отвечает Иисус Христос.— Мне удалось когда-то одним хлебом накормить сорок человек, а вы ухитряетесь в течение всего лета кормить курортников одной мусакой.

На страницах «Ежа» выступают с юморесками и стихами видные югославские писатели: Любиша Манойлович, Бане Дьюричич, Миле Станкович, Алексей Марианович, Бранислав Црнцевич, Бранко Чопич, Васа Попович, Владимир Булатович, Омер Зорабдич, Никола Шкрба и многие другие. Мне хочется познакомить советских читателей с некоторыми из них.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Белград.

НОВАЯ ПРИТЧА О БОГЕ

Любиша **МАНОЙЛОВИЧ**

Бог давненько не спускался на землю. Ему, бедняге, до смерти наскучило на небе, где вряд ли могут появиться новые идеи по линии развлекательных мероприятий. Вот почему бог снова снизошел на землю.

Он затесался в толпу людей, но на него никто не обращал внимания. Только один старец, сам похожий на бога, остановил его и сказал:

— Я вас где-то встречал.

— Я бог,— сказал бог.

— Припоминаю, припоминаю,— замахал головой старик.— Вы, кажется, женаты?

— Ну как же! У меня есть сын — Иисус Христос.

— Ага, слышал. Если не ошибаюсь, вокруг этого была какая-то сплетня.

Бог уточнил:

— Безгрешное зачатие.

— Совсем ненаучное обоснование. Подобного быть не может,— сказал старик.— Неужели вы в это верите?

Бог презрительно усмехнулся: уж он-то, надо думать, лучше знал, как это произошло.

Невозмутимо шел он дальше. Расстроился, когда увидел, что крестьяне больше не пашут деревянными плугами. Взволновали его и фабричные трубы. И тут богу захотелось легких развлечений. Какой-то молодой человек, встретившийся на пути, предложил ему пойти посмотреть на не совсем одетых женщин. Бог отверг это с полным равнодушием:

— Оставьте, пожалуйста! Эта сенсация имеет давность по меньшей мере в полмиллиона лет. Я был совсем молодым, когда это входило в моду.

Молодой человек оглядел бога с благоговейной улыбкой.

— Да,— сказал он,— согласно последним научным открытиям, тогда приблизительно и был создан человек мужского и женского пола. Но вы говорите с таким апломбом, будто вы лично сотворили человека.

— Вот именно,— сказал бог.

— Да,— усмехнулся молодой человек.— Все так думают.

— Но ведь я бог,— сказал бог.

— Каждый думает, что он бог!

Бог пошел дальше. На него наскочила веселая компания.

— Дяденька, не толкайся! — крикнул кто-то из компании.

— Во-первых,— сказал бог,— я не толкаюсь. А во-вторых, я тебе не дяденька.

— А кто ты такой? — спросили его.

— Вы не узнаете меня?

— Нет! — воскликнули все в один голос.

— О люди, что с вами! Ведь я сам бог! — закричал бог и ударил палкой об асфальт.— Бог! Понимаете, бог!

Веселая компания внезапно утихла.

— Бог?!

— Да, бог!

Компания совсем скисла. Только одна миловидная девушка заискивающе спросила:

— Бог? Извините, а на каком предприятии?

ПОПРАВКА

Бане **ДЬЮРИЧИЧ**

— Гражданин хочет поговорить с вами, товарищ Мишо,— сказал секретарь, пропуская в кабинет взбешенного посетителя.

— Милета Войнович,— представился тот,— работник просвещения... Пришел в связи с заметкой о котятах. Я требую, чтобы вы немедленно дали поправку, в противном случае...

Короткая заметка, напечатанная пятнадцать дней назад, сообщала о редком явлении. Кошка Милета Войновича родила шесть ангорских котят с темно-красными глазами.

— Здесь что-нибудь не так? — спросил редактор Мишо.

— Прежде всего кому понадобилось сообщить это известие? Поймите, пожалуйста, я работник просвещения. Теперь меня в классе дети встречают дружным «м-я-у-у-у-у».

— Однако, извините меня, я не понимаю, какую поправку вы требуете? — сказал редактор.— Наша газета писала о природном феномене, и здесь все в порядке.

— Для вас, может быть, в порядке. А то, что я из-за этой новости потерял покой, вас не касается! Меня осаждают все любители кошек от Сочи до Сараева. Требуют котят. Пристают лично, через знакомых, по почте, по телефону, по телеграфу...

Спасательная команда редакции вступила в действие. В кабинет заглянул секретарь редакции.

— Товарищ Мишо,— спросил он многозначительно,— мы начнем совещание точно в десять, как назначено, или отложим на другое время?

— Нет, нет, откладывать нельзя, тем более, что мы с товарищем уже закончили.

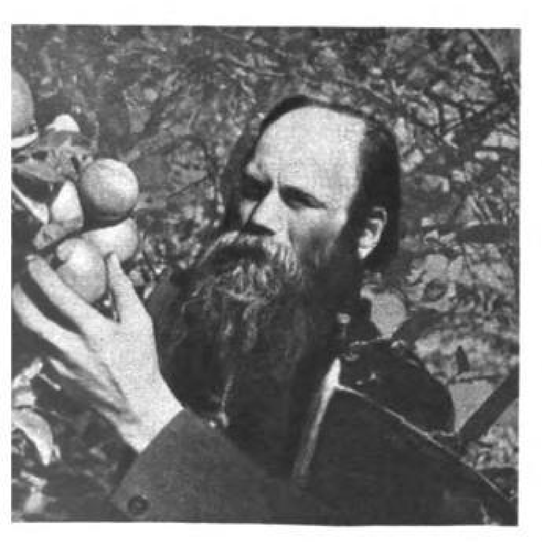
— Еще не все,— возразил посетитель.

— Да поймите вы, тут нет никакого повода для поправки,— простонал редактор.

Алла ТРУБНИКОВА

РЯСА В МУ

Мы расскажем сегодня о молодом атеистическом музее в городе Почаеве и о судьбе бывшего монаха Почаевской лавры.

С. А. Самчук в своем саду.

Фото В. Гнатенко.

Знаете, как попал сюда экспонат номер семнадцать? — спрашивает меня директор Почаевского атеистического музея Андрей Васильевич Андреюк и лукаво щурится.— Эту рясу монах принес сам.

Я и раньше слышала много хороших слов об этом музее. Он создан всего года два назад в маленьком городке Почаеве и сумел поставить свою работу так, что туда толпами пошли верующие. Многие в результате порвали с религией. Но монах, «постриженник во ангельский образ»,— тут дело куда сложнее...

— Однажды входит ко мне в кабинет высокий мужчина в обычном костюме,— вспоминает директор.— Но у меня-то глаз наметанный. Взглянул я на окладистую бороду и сказал себе: «Ба! Да ведь это же монах!» А посетитель между тем развертывает объемистый сверток.

— Возьмите,— говорит,— может, пригодится для музея.— И выкладывает полное монашеское облачение: клобук, рясу, пояс, а также платок с вышитым крестом.

И человек рассказал о себе.

Степану Самчуку было 20 лет, когда он попал в Почаев. Образование никудышное, всего три класса. Немцы угнали мальчишкой в Германию, только что возвратился. А монахи тут как тут, сманивают: оставайся, мол, у нас, будешь жить, как у Христа за пазухой.

У Христа за пазухой оказалось темно и душно: определили Степана в пекарню. Неделями не видел он солнца, знал только одну раскаленную печь: для монастырской братии требовалось вымесить два центнера муки и выпечь из них сорок хлебов да еще в придачу просвирки.

Наконец пришел день, когда послушнику сказали:

— Молодец, раб божий, в точности исполняешь наказ апостола Петра. «Удручаю тело мое и порабощаю». Теперь, Степан, ты сподобился принять монашество...

И Степан «в знак новой жизни, непорочной и богоугодной», стал Сергием...

К удивлению Сергия, многое в монастыре никак не вязалось с «ангельским образом» жизни: христовы женихи чревоугодничали, развратничали, разъезжали на легковых машинах, купленных на деньги верующих. Продавали по спекулятивным ценам плоды из монастырского сада и скупали краденную в колхозе гречку. Казначей отец Самуил соорудил себе домик, эконом отец Виссарион «сэкономил» на особнячок. А настоятель Севастьян даже в великий пост «разговлялся» горилкой.

Впрочем, такие, как брат Сергий, не пили вина. Им надлежало трудиться в поте лица своего. «Зато ты обретаешь царство небесное, и на том свете тебе воздастся сторицей»,— заверяли его игумены и благочинные.

Сергий верил, верил, а потом рукой махнул: «Будет, мол, сказки-то рассказывать. И в царстве небесном, небось, работенку подыщут». Скомандует какой-нибудь святой: «А ну-ка, Сергий, подмети небо! Почисти звезды! Нарви райских яблочек! Сергий туда, Сергий сюда!..»

Потом Сергий узнал, что за личности укрываются под черной рясой. Оказалось, что «смиренный иеромонах» Савва — в прошлом причастник организации украинских националистов. При наступлении советских войск бежал в монастырскую крепость бывший немецкий полицай Леонид Дятковский, ныне иеромонах Ливерий. Есть в лавре и свои хулиганы, вроде отцов Стратоника и Георгия. И злостные неплательщики алиментов, вроде монаха Иова.

Начал Сергий читать антирелигиозные книги, потихоньку ходил на лекции. Решил снова стать Степаном. «В колхоз подамся,— думал он.— Там я за свои труды и вознагражден буду и вольным воздухом подышу...»

Это произошло четыре года назад. И вот я в селе Старый Торжок. Возле свежевыбеленной хаты сидит женщина с ребенком. В саду мужчина обрубает на сливовом дереве сухие ветки. Я сразу

— Нет повода?! А что меня никто больше не принимает всерьез, это не повод? Меня директор школы уже не спрашивает, как раньше: «Войнович, как ваш класс?» «Войнович, какие у ваших учеников отметки?..» Нет! Теперь он при встрече говорит: «Милета, я до сих пор не могу в это поверить: котята с красными глазами!»

— Что мы должны исправить в газете, я вас спрашиваю.

— Напечатайте хотя бы, что их было не шесть, а пять. Ведь действительно их было только пять!

— Что вам даст такая поправка?

— Как что? Все соседи ведут точный учет, сколько котят я роздал. Теперь из-за вашей заметки все думают, что я одного котенка припрятал.

Секретарь редакции опять заглянул в кабинет.

— Товарищ Мишо, товарищи расходятся...

— Мы уже закончили. Все в порядке, товарищ Войнович... Мы сообщим в газете, что на самом деле котят было пять, а не шесть. До свидания.

В полумраке коридора посетителя остановил редакционный рассыльный. Он покровительственно похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, мы опубликуем поправку. Я их заставлю. Я здесь работаю.

Милета крепко пожал ему руку.

— Благодарю.

— Не за что, я все устрою. А вы мне за это,— рассыльный хитро подмигнул,— отдадите шестого котеночка...

Рисунки Э. Трескина.

З Е Е

узнаю в нем Самчука, фотографию которого видела в музее.

— Знакомьтесь, моя семья.— Степан Алексеевич подводит нас к женщине с ребенком, и по тону, каким он произносит эти слова, мне ясно, что новая жизнь значит для него многое.

Супруги Самчук работают в колхозе имени Чапаева. Обзавелись они и своим домом и хозяйством. В хлеву шуршит сеном буренка, клохчут куры в курятнике. Гудят в ульях пчелы. А маленькая Аллочка ловит солнечные зайчики...

...Из душных келий Почаевской лавры за последние годы ушел не только Самчук, сбежали многие. Иосиф Байдук служит сейчас в Советской Армии, с жадностью наверстывает упущенное, получает специальность. Школьники рассказали мне, что недавно Байдук приезжал в отпуск и побывал в школе, в которой когда-то учился.

— Знаете, ребята, о чем я жалею? — сказал Иосиф ребятам.— О годах, потерянных в стенах монастыря. Надеюсь, никто из вас не собирается постричься в монахи? — спросил Байдук школьников.

Вот какая история у одного из экспонатов атеистического музея. Я убеждена, что когда в следующий раз мне доведется побывать в Почаеве, музей будет размещен уже в лавре и его директор Андрей Васильевич Андреюк будет рассказывать экскурсантам о старинной настенной росписи.

КОРОТКИЕ СКАЗКИ

Ф. КРИВИН

ВЕЧНОСТЬ

Когда Гранитной Глыбе исполнилось два миллиона лет, рядом с ней, возможно, для того, чтобы ее поздравить, появился только что родившийся Одуванчик.

— Скажите,— спросил Одуванчик,— вы никогда не думали о вечности?

— Нет,— сказала Глыба спокойно.— Жизнь так коротка, что не стоит тратить время на размышления.

— Не так уж коротка,— возразил Одуванчик.— Можно все успеть при желании.

— Зачем? — удивилась Глыба.— От этих размышлений одни расстройства. Еще заболеешь на нервной почве.

— Не сваливайте на почву! — рассердился Одуванчик.— Почва у нас хорошая — чистый чернозем.

— Ну и чудак ты, Одуванчик. Видно, тебя жизнь не трепала. Под ливнями не бывал, с ветрами не встречался...

— Подумаешь, ветры! Я могу встретиться с ними в любую минуту.

— Ого! Посмотрим, какой ты будешь иметь вид!

— Ну что ж, посмотрим!

И тут налетел ветер. Одуванчик даже присел от неожиданности.

— Иди сюда! — позвала его Глыба.— Иди, я тебя спрячу!

Но Одуванчик не захотел прятаться. Он выпрямился и шагнул навстречу ветру.

«Ни пуха, ни пера! — пожелал он себе.— Главное — не падать духом...»

И в ту же секунду пух его полетел по ветру.

Тоненький стебелек все еще качался на ветру, но не мог уже привести ни одного убедительного аргумента.

— Вот тебе и вечность! — сказала Глыба и задумалась.

На ее каменном лбу пролегла первая трещина...

СВОЕ ИМЯ

Ослы режутся в козла. Один, естественно, проигрывает, остальные ликуют.

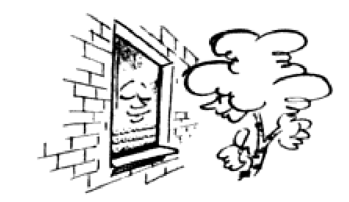
— Козел! Козел! — кричат они, тыча в него копытами.

Из-за сарая высовывается борода:

— Я Козел. Вы меня звали?

Ослы поражены:

— Смотрите, сам признался!

СКРОМНОСТЬ

— Посмотрите, как красиво у нас в комнате,— говорит Занавеска деревьям.

— Посмотрите, как красиво у нас на улице,— говорит она комнатной мебели.

— Мы ничего не видим,— отвечают деревья.

— Нам ничего не видно,— отвечает мебель.

— Мы видим только тебя...

— Только тебя...

— Ну, что вы,— смущается Занавеска,— не такая уж я красивая...

ШВЕДСКИЙ ЮМОР

ПРОПОВЕДИ

Однажды сгорел дом пастора со всем имуществом.

На другой день пастор разговаривает с соседом-крестьянином о случившемся несчастье.

— Я потерял все, что имел,— сказал пастор,— но самое ужасное — то, что сгорело все собрание моих проповедей.

— Ничего другого нельзя было и ожидать,—ответил крестьянин,— ведь они были такие сухие...

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

— Андерс, ты можешь назвать три вещи,— спрашивает учитель,— которых не было пятьдесят лет тому назад?

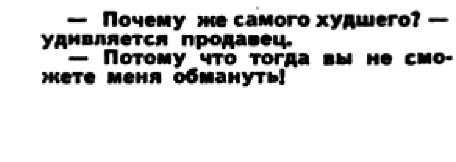
— Атомной бомбы.

— Правильно.

— Телевидения.

— Верно.

— И... еще... меня!

ВЕРНЫЙ РАСЧЕТ

Покупательница просит в магазине отпустить ей килограмм кофе.

— Но только самого худшего сорта,— добавляет она.

— Почему же самого худшего? — удивляется продавец.

— Потому что тогда вы не сможете меня обмануть!

КАЖДОМУ СВОЕ

Из одного зоопарка убежали три льва и решили разойтись в разные стороны. Спустя некоторое время они встретились и стали обмениваться впечатлениями.

— Я,— сказал первый лев, худой и истощенный,— побывал в Италии, но там едят только макароны, а я ненавижу все мучное.

— Я,— сказал второй лев, от которого остались только кожа да кости,— бродил среди американских солдат, но они питаются одними консервами, а я не умею открывать банки.

— А я,— сказал третий лев, гладкий и жирный,— был во Франции и каждый день проглатывал двух полковников. Их там так много, что никто не заметил убыли.

Перевел со шведского Г. ФЕДОСЕЕВ.

КАК МЫ ПОКУПАЛИ ПОДАРОК

А. ЗАБЕЛСКИС

Жена сказала мне, что в субботу мы приглашены на день рождения к ее приятельнице Ирене. Накануне мы отправились в магазин за подарком.

— Как тебе нравятся эти туфельки? — вопросительно посмотрела на меня жена.

— Прелестные! — радостно произнес я.— Особенно на ее ножках...

Выражение лица моей супруги как-то странно изменилось.

— Да, но туфли в подарок не покупают,— сухо сказала она.

Мы пошли дальше и вскоре остановились у витрины.

— Посмотри, какая красивая шляпка! — воскликнула жена.

— Чудесная! — согласился я.— Представляешь, как она будет к лицу Ирене? Особенно, если она выпустит челочку...

— Да, но я не знаю ее размера,— зло отрезала жена.

Теперь мы остановились у витрины ювелирного магазина.

— Ах, какое изящное колье! — воскликнула жена.— Кстати, теперь модно дарить колье.

Я достал кошелек.

— Колье Ирене очень подойдет. Особенно к черному платью.

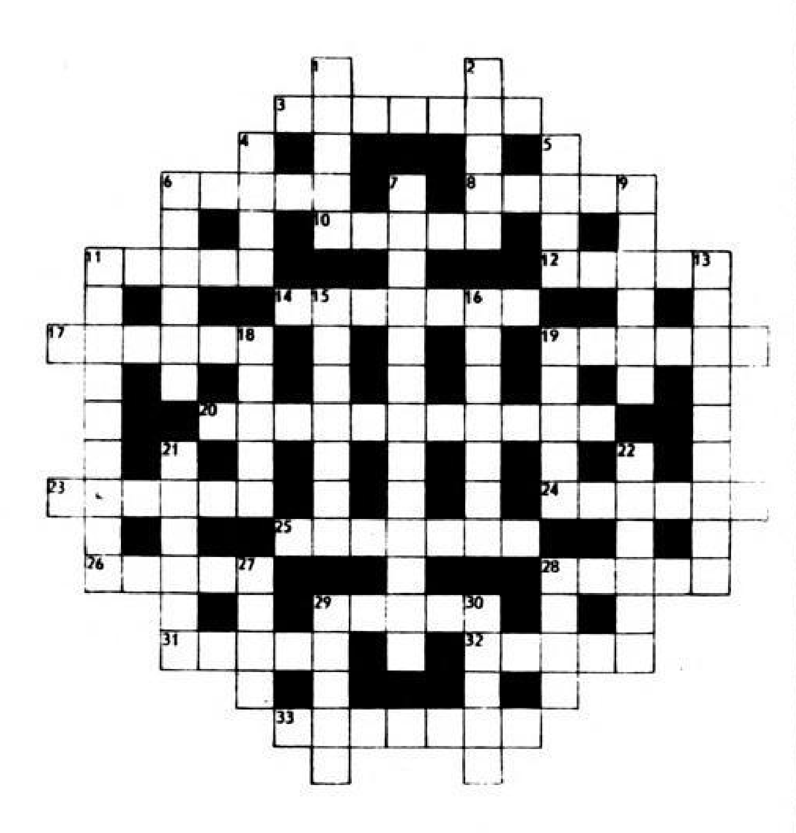
— Я передумала,— раздраженно сказала жена.— Неприлично делать такой дорогой подарок.

Я смиренно пожал плечами, и некоторое время мы шли молча.

— Может быть, хорошую книгу? — нерешительно предложил я.

— Боже мой! — всплеснула руками моя жена.— Я совсем забыла! У меня же в субботу стирка. А тебе, голубчик, придется заняться цветами. Надо их пересадить и подрезать.

Перевела с литовского Ел. Кантор.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Певец, народный артист СССР. 6. Краска. 8. Фарфоровый изолятор. 10. Вулкан на острове Хонсю в Японии. 11. Персонаж романа Н. Островского «Рожденные бурей». 12. Город в Красноярском крае. 14. Меткое, шутливое выражение. 17. Остов сооружения. 19. Степной злак. 20. Громкоговоритель. 23. Музыкальный инструмент. 24. Минеральная вода. 25. Пьеса М. Горького. 26. Приток Иртыша. 28. Рыба, обитающая в Каспийском море. 29. Химический элемент. 31. Лесная птица. 32. Экваториальное созвездие. 33. Русский критик, публицист.

По вертикали:

1. Басня И. А. Крылова. 2. Пряность из высушенной апельсинной или лимонной корки. 4. Дугообразная строительная конструкция. 5. Автор оперы «Парис и Елена». 6. Литературный жанр. 7. Чемпионка мира по шахматам. 9. Неглубокий ров. 11. Спортсмен. 13. Единица веса. 15. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 16. Сельскохозяйственная машина. 18. День недели. 19. Цирковой артист. 21. Вершина на Кавказе. 22. Элементарная частица. 27. Изгиб реки. 28. Остров в Средиземном море. 29. Хлопчатобумажная ткань. 30. Порядковое число.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

4. «Армения». 8. Мастер. 9. Кадмий. 10. Кондратенко. 12. Октава. 14. Осень. 16. Дрожки. 20. Спарта. 21. «Радуга». 22. «Проводы». 23. Чавдар. 24. Шиллер. 25. Бирюса. 27. Шпала. 30. Снасть. 34. Иносказание. 35. Китель. 36. Апатит. 37. Клинкер.

По вертикали:

1. Тарань. 2. Мякина. 3. Пассат. 5. Мадрас. 6. Ньютон. 7. Фиксаж. 10. Каварадосси. 11. Определение. 13. Кусачки. 15. Ежевика. 17. Квадрат. 18. Капри. 19. Крыша. 26. Рудник. 28. Пикули. 29. Лозняк. 31. Студия. 32. Полька. 33. Янтарь.

На первой странице обложки: Борис Илиодорович Россинский.
Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Игрушки Чехословакии.
Фото С. Фридлянда.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00586. Подписано к печати 13/XII 1962 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 2004. Заказ № 3316.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Как бы Пал Палыч не подумал, что я смотрю на него свысока.

Рисунок М. Вайсборда.

ХОЗЯИН И ПЕС

Басня

Миртич КОРЮН

Дворовый пес однажды летом
Кусок мясца из погреба стащил.
Хозяин, разузнав об этом,
Его примерно наказать решил.
Взмолился пес:
— Прости, хозяин,
Прости на первый раз, хоть я и виноват.
Мы столько лет друг друга знаем,
О нашей дружбе столько говорят!
— Нет, ты наказан будешь по заслугам,—
Хозяин оборвал его.—
Ведь если кто обкрадывает друга,
От этого честней не станет воровство.
Наоборот, оно бывает даже
Еще противнее и гаже!

Перевел с армянского АРГО.

НА КРАЮ ОБРЫВА

Паук карабкается по склону? Нет, это корни дерева, которые впились в голые камни. Могучий бук стоит в ущелье прямо на краю обрыва, недалеко от Гурзуфа.

А. ЛУКАШОВ

Севастополь.

Игрушки Чехословакии в Москве

Блестящие коричневые человечки сидят под раскидистой пальмой. Сова смотрит прямо в лицо своему маленькому хозяину из-под длинных-длинных белых лохматых ресниц... Едет крохотный поезд, состоящий из ста разноцветных вагончиков — ярко-синих, красных, оранжевых, желтых и голубых...

На выставке чехословацкой игрушки всегда бывает шумно и весело. Малыши захлебываются от восторга. Взрослым тоже не удается скрыть восхищение. Эти яркие, смешные деревянные существа, созданные остроумными, талантливыми и очень веселыми людьми, очаровали всех.

Фото С. Фридлянда.

ОБИТАТЕЛИ ГОР

Красавцы туры сфотографированы мною на горе Тыбги. Они живут в Кавказском заповеднике и, как видите, являются неотъемлемой частью горного пейзажа.

А. СЕРГЕЕВ

Москва.

ИСТОРИЯ НА ПОЧТОВОЙ МАРКЕ

Венгр Лайош Эйхман написал микроскопическую книжечку размером 17×17 миллиметров, уместив на 43 страничках 160 тысяч букв.

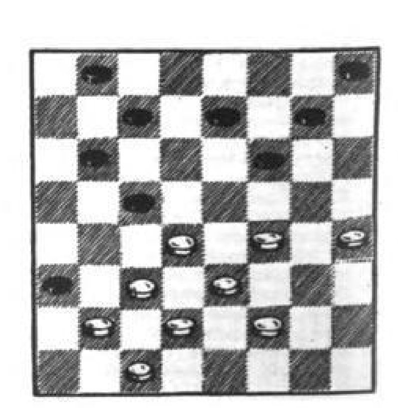
Недавно Лайош Эйхман записал историю венгерской филателии на обратной стороне почтовой марки. В тексте две тысячи букв. Лайош Эйхман, когда пишет свои книги, не пользуется ни очками, ни лупой.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

Концовка

А. П. Семенов (Московская область)

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки Г. В. Кетлера, помещенной в № 48 «Огонька». 1. f2—g3 d4 : f6 2. c1—b2! c3 : a1 3. a5 : c3 a1 : d4 4. g1—f2!! d4 : g1 5. f4—e5! f6 : d4 6. e1—f2 g1 : e3 7. g3—f4 e3 : g5 8. h4 : g1 и выигрывают.

Комментарии с ударением

Без слов.
Рисунок Е. Мигунова.

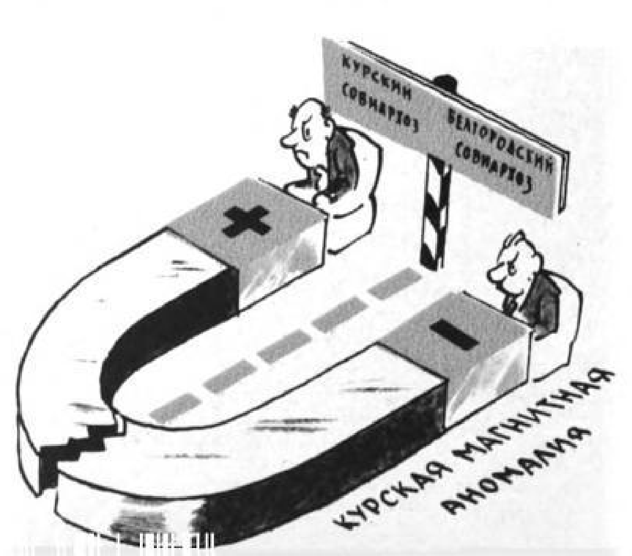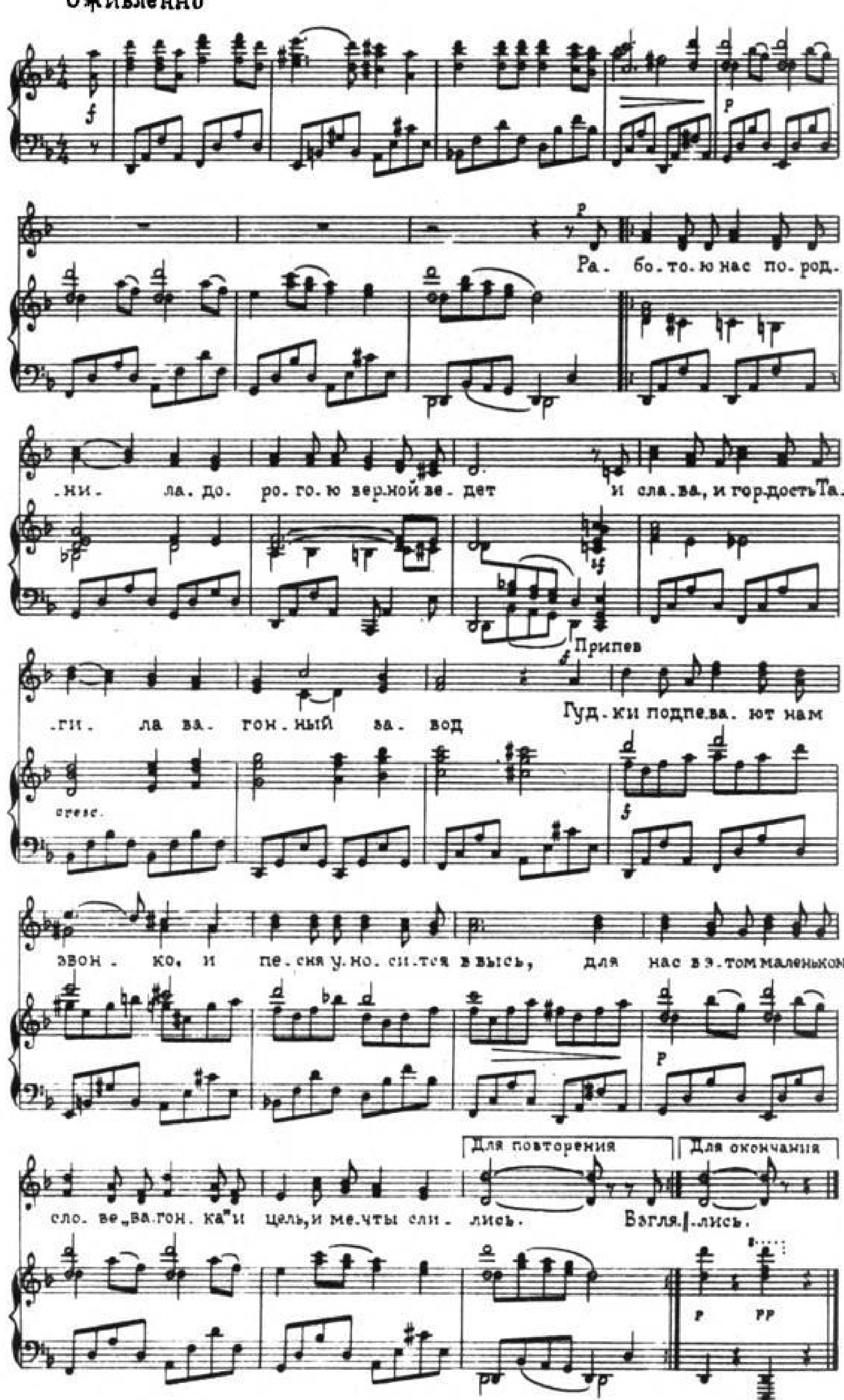

Чрезвычайное происшествие — изделие без брака.
Рисунок Э. Трескина.

«Москвич» сменил на «Победу», «Победу» — на «Волгу», а все рисуют на черепахе.
Рисунок Н. Гурло.

К вопросу о разобщенности совнархозов.
Рисунок М. Ушаца.

Молодые композиторы—студенты и выпускники Уральской государственной консерватории — написали и преподнесли в дар нижнетагильским вагоностроителям песню о родной «Вагонке». Крепко полюбилась она на Уралвагонзаводе. Поют ее теперь в коллективах цеховой самодеятельности, звучит она в мощном хоре со сцены заводского Дворца культуры, бытует в семьях рабочих.

Песня о «Вагонке» — одна из многих песен, что родились после творческих поездок бригады Уральской консерватории по предприятиям области. Создана эта бригада при Свердловском отделении Союза советских композиторов около двух лет тому назад; средний возраст авторов и исполнителей — двадцать лет.

Теперь с музыкой и песнями молодежи широко знакомы люди Среднего Урала. Консерваторцы отчитывались о своей работе непосредственно в цехах, перед металлургами Нижнего Тагила и Алапаевска, горняками Артемовска, рабочими многих совхозов, железнодорожниками. Музыка и песни Владислава Казенина, Маргариты Кесаревой, Вадима Бибергана, Евгения Буткова встретили горячее одобрение. Долго не отпускали слушатели и исполнителей новых песен Аллу Ковалеву, Людмилу Белобрагину, Леонида Болковского.

А. ГРИГОРЬЕВ

ПЕСНЯ О «ВАГОНКЕ»

Музыка **Вадима БИБЕРГАНА.** Слова **Игоря ПАЛЬМОВА**

Работою нас породнила,
Дорогою верной ведет
И слава и гордость Тагила —
Вагонный завод.

Припев:

Гудки подпевают нам звонко,
И песня уносится ввысь.
Для нас в этом маленьком
слове «вагонка»
И цель и мечты слились.

Взгляните на девушек наших—
Не сыщете лучше окрест,
Задорней, нежней и краше
Подруг и невест.

Припев.

И в жизнь и в работу
влюбленных,
Нас много таких на земле.
Тагильские мчатся вагоны
По нашей стране.
Припев.

